

ДРЕВНІЕ ГОРОДА РОССІИ.

Историко-юридическое изслѣдованіе

Д. Я. САМОКВАСОВА.

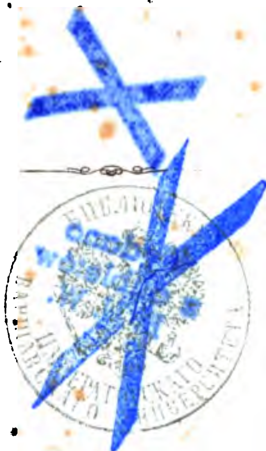
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія К. Замысловскаго. Бол. Мѣщ. д. № 33.
1873.

ДРЕВНІЕ ГОРОДА РОССІИ.

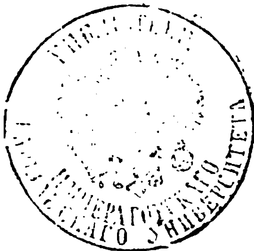
Историко-юридическое изслѣдованіе

Д. Я. САМОКВАСОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія К. Замысловскаго. Бол. Мѣщ. д. № 33.
1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Современное состояніе въ наукѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ и его причина.

„Польза и важность исторіи городовъ въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ такъ очевидно, такъ хорошо, такъ краснорѣчиво изложены различными писателями, что въ настоящее время нѣтъ надобности распространяться объ этомъ предметѣ“ [1]). Не смотря на то, историко-юридическая литература настоящаго времени не владѣетъ научной исторіей русскихъ городовъ, въ которой были-бы, если не рѣшены, то изучаемы во взаимной связи вопросы о времени первоначальнаго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи, ихъ количествѣ, ихъ политической системѣ и ихъ значеніи въ общемъ строѣ политическихъ учрежденій въ тотъ или другой періодъ исторіи русскаго государства. Имѣющіяся спеціальныя изслѣдованія о древнихъ городахъ Россіи относятся къ тому или другому городу въ отдѣльности, или посвящены изученію историческаго образованія и развитія, такъ-называемаго, городскаго или средняго сословія или состоянія, то-есть, города въ переносномъ, и притомъ, въ новѣйшемъ смыслѣ. Въ сочиненіяхъ перваго рода обыкновенно ограничиваются опредѣленіемъ времени основанія даннаго города, изложеніемъ политическихъ событій, случившихся въ немъ или его окрестностяхъ и изученіемъ историческаго развитія города съ внѣшней стороны. Въ сочиненіяхъ втораго рода все вниманіе изслѣдователей обращается на юридическое разграниченіе общественныхъ элементовъ, на постепенное выдѣленіе изъ общей массы государственнаго народонасе-

¹) Рус. Ист. Сборн. 1841 г. кн. 2 и 3, стрн. 155.

ленія особенныхъ видовъ въ формы сословныхъ корпорацій, юридическихъ обществъ съ особенными правами и обязанностями, утвержденными законодательствомъ. Общіе вопросы исторіи городовъ, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ не находятъ, да и не могутъ найдти, спеціальнаго изученія. Въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи и исторіи русскаго права встрѣчаемъ смѣшеніе самыхъ разнородныхъ понятій о древнерусскомъ городѣ и безконечное разнообразіе мнѣній по самымъ существеннымъ вопросамъ изъ его исторіи, мнѣній, противорѣчащихъ другъ другу, но равносильныхъ по своей аргументаціи, а потому, оставляющихъ нерѣшенными эти вопросы въ наукѣ. Беремъ, для примѣра, вопросъ о времени первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи и посмотримъ на его состояніе въ наукѣ. Русскіе ученые до Шлёцеровской школы, не касаясь вопроса о времени первоначальнаго возникновенія древне-русскихъ городовъ, были убѣждены въ существованіи множества городовъ у Русскихъ Славянъ задолго до времени призванія Рюрика и на этомъ фактѣ основывали свои понятія о гражданственности первобытныхъ Россіянъ. Изъ этихъ ученыхъ, послѣдній по времени, многосторонне образованный, изучившій множество отечественныхъ и иностранныхъ памятниковъ старины, Иванъ Болтинъ, опровергая само себѣ противорѣчащее положеніе француза Леклерка: „первоначальные Русскіе жили въ городахъ, какъ первобытные человѣки жили въ лѣсахъ: они изгнали изъ своего правленія гражданскаго и политическаго все то, что могло способствовать къ составленію онаго“ [2]), высказалъ въ 1788 году, слѣдующее: *„первобытные Россіяне жили въ городахъ.* Довольно сего одного въ доказательство о просвѣщеніи Русскихъ тогдашняго времени, что жили они, по свидѣтельству самого автора, въ городахъ, и, слѣдовательно, иначе они жили, нежели первобытные человѣки въ лѣсахъ: для достиженія до состоянія городскихъ жителей потребны многіе вѣка. *Отъ рѣки Рейна до моря Балтійскаго не было ни одного города прежде IV вѣка* (Corning.

---

[2]) Ист. др. и нов. Рос., стрн. 239.

Exercit. de urbib. Germ; Vol. I, §§ 25, 27, 31 и др.) *У Русскихъ гораздо прежде сего времени были многіе и знаменитые города, что свидѣтельствуютъ всѣ сѣверные писатели*" [3]).

Шлёцеръ назвалъ свидѣтельства сѣверныхъ писателей о древне-славянскихъ городахъ глупыми выдумками и, отвергнувъ убѣжденіе русскихъ ученыхъ въ существованіи множества городовъ у Русскихъ славянъ со времени Рюрика, объявилъ: „Полудикіе еще люди жили подъ демократическимъ, или лучше ни подъ какимъ правленіемъ и съ ближайшими даже сосѣдями своими не входили ни въ какія связи. Несторовы старожилы были въ одномъ положеніи съ Далекарлійцами, кои еще при К. Сверрѣ не знали, что такое король. И это относится ко всему русскому сѣверу *даже до средины IX столѣтія: на всемъ пространствѣ онаго не было ни одного города*, собственно такъ называемаго. Что-же теперь думать объ исландскихъ разсказчикахъ, кои говорятъ намъ о короляхъ голмгардскихъ и острогардскихъ, съ которыми датскіе и шведскіе владѣтели вели кровавыя войны и заключали договоры еще до Р. X. и въ послѣдующія столѣтія? Заслуживали-ли сіи глупости того, чтобы Байеръ, Миллеръ, Щербатовъ, внесли ихъ въ русскую исторію и разсказывали о нихъ съ такою важностью, какъ будто объ истинныхъ происшествіяхъ. *Все это есть не иное что, какъ глупыя выдумки* [4]).

Карамзинъ, слѣдуя теоріямъ Шлёцера въ представленіи общественнаго быта русскихъ Славянъ въ періодъ до призванія Рюрика [5]), по вопросу о времени перваго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи выражается очень темно. Передавая извѣстія

---

[3]) Примѣч. на Ист. др. и нов. Росс. Леклерка, т. II, стрн. 306 и 310.

[4]) Шлецер. Несторъ, II, стрн. 51 — 53. См. еще т. I, стрн. 214, 216, 305, 357, 419 — 420; II, стрн. 168, 178 — 180 идр.

[5]) «Сѣверяне, Радимичи и Вятичи, подобно Древлянамъ, обитали въ глубинѣ лѣсовъ, которые были ихъ защитой отъ непріятелей и представляли имъ удобность для звѣриной ловли («hi paludes sylvasque pro civitatibus habent». Іорнандъ, De reb. Get., стрн. 85). Предки наши, подобно всѣмъ народамъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего, не знали выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣли ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей и думали, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человѣка:

Нестора о разселеніи славянскихъ племенъ въ предѣлахъ Россіи, нашъ историографъ замѣчаетъ: „На берегахъ озера Ильменя поселились собственно, такъ называемые, Славяне, которые *послѣ Р. Х.* (?) основали Новгородъ. *Къ тому-же времени* (?) лѣтописецъ относитъ и начало Кіева, разсказывая слѣдующія обстоятельства... Лѣтописецъ не объявляетъ времени, когда построены другіе славянскіе города въ Россіи, также весьма древніе: Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ; знаемъ только, что первые три основаны Кривичами и были уже въ IX вѣкѣ, а послѣдніе въ самомъ началѣ X, но они могли существовать и гораздо прежде“ [6]). Въ главѣ „О состояніи древней Россіи“ тотъ-же историкъ говоритъ: „Народы, изъ коихъ составилось государство Россійское и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія, ибо самые грубые Древляне жили *отчасти* (?) въ городахъ [7]). Затѣмъ, въ своей многотомной „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзинъ не удѣлилъ ни одного разсужденія древне-русскому городу, его значенію въ составѣ государственныхъ учрежденій, его вліянію на развитіе русской гражданственности. Иначе и быть не могло, при взглядѣ на древне-русскіе города, какъ на результатъ дѣятельности призванныхъ князей. Слѣдуя теоріямъ древне-славянскаго общественнаго быта, созданнымъ Шлецеромъ, Гебгарди и другими учеными нѣмецкой школы, предложившими свое посредничество въ рѣшеніи вопросовъ русской исторіи и исторіи русскаго права, Карамзинъ представлялъ себѣ Сла-

---

хозяинъ господствовалъ въ домѣ, отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякій строилъ себѣ хижину въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе; лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайдти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою республикою... Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ними связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, сблизились жилищами и завели селенія». Ист. госуд. Росс. изд. Эйнерлинга, 1842 г., т. I, стрн. 38 и 43.

[6]) Тамъ-же, стрн. 19 — 20.

[7]) Тамъ-же, стрн. 146.

вянъ до Рюриковскаго періода полу-дикарями, неспособными къ построенію городовъ, къ скученной, общинной жизни. Русскіе историки послѣ Шлецера и Карамзина почти до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, принимая положеніе, что „разрозненные, полудикіе Славяне только со времени водворенія между ними Норманновъ сдѣлались общительными людьми, сосредоточились въ городахъ и образовали государство“, посвящали свои труды почти исключительно призванному элементу, оставляя безъ вниманія значеніе туземныхъ элементовъ въ образованіи Русскаго государства и ихъ силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и средоточіе этой силы древне-славянскій городъ [8]). „Шлёцеръ еще толковалъ намъ“ говоритъ, напримѣръ, прославленный З. Д. Ходаковскій, „что прежде 860 года въ цѣломъ сѣверѣ Русскомъ, на всемъ пространствѣ онаго, не было ни одного города... не видимъ еще у нихъ въ половинѣ VI вѣка сего рода осѣдлости (Іоаннъ Христофоръ Іорнандъ говоритъ, что они лѣса и болота вмѣсто городовъ имѣли). Ровно 300 лѣтъ прошло въ семъ усыпленіи природы, пока смѣлость Норманновъ не пробудила нашего Сѣвера“ [9]). Только со времени открытія археографической коммиссіи, издавшей множество памятниковъ древне-русской общественной жизни, начинается мало по малу возвращеніе историковъ къ воззрѣніямъ русскихъ ученыхъ XVIII столѣтія на начала древне-славянской гражданственности вообще и на эпоху появленія городской жизни у русскихъ Славянъ въ частности. М. А. Соловьевъ въ 1838 году въ первый разъ заявилъ: *„До сихъ поръ наша историческая критика не сдѣлала того, съ чего должно было начать исторію Россіи, именно, не изслѣдовала и не опредѣлила числа и названій всѣхъ городовъ, которые исторія застаетъ на Русской землѣ во время перваго образованія нашего народа.* Этотъ инвентарій древней земли русской долженъ-бы служить основаніемъ всѣхъ разсужденій о первоначальной исторіи сѣвера, который не былъ такою пустыней какъ вообще полагаютъ. Древнѣй-

---

[8]) См. Погодина Изслѣд. Замѣч. и Лек. т. II, стрн. 321, 400 (изд. 1846 г.).

[9]) Русск. Ист. Сборн. 1837 г., кн. III, стрн. 51—53.

нiе лѣтописные источники упоминаютъ о существованiи въ этихъ странахъ многихъ городовъ, между которыми надо предполагать постоянныя дороги и другiя средства сообщенiя. Разбросанныя на всемъ сѣверѣ монеты востока доказываютъ древнюю его торговлю, которая требовала торговыхъ мѣстъ и городовъ" [10]). Даниловичъ, въ 1841 году, въ статьѣ „Историческiй взглядъ на древнее образованiе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ", между прочимъ, высказалъ слѣдующее: „*Кто намъ опредѣлительно укажетъ начало Кiева и прочихъ городовъ восточной Руси*. Объ основанiи его умалчиваетъ правдорѣчивый Несторъ, Стрыйковскому никто не повѣритъ. *Бытiе Кiева, Новгорода и Смоленска восходитъ и по Нестору ко временамъ отдаленной, незапамятной древности* [11]). Но не смотря на родившееся сомнѣнiе въ справедливости ученiя Шлёцера, изслѣдователи русской старины не могли примирить мнимыя противорѣчiя въ свидѣтельствахъ источниковъ о времени появленiя городской жизни у Русскихъ Славянъ, а потому возвращенiе къ воззрѣнiю русскихъ ученыхъ XVIII вѣка, по которому города въ предѣлахъ Россiи существовали задолго до призванiя Рюрика, не имѣло никакихъ послѣдствiй для науки, и 862 годъ продолжали считать нормальнымъ для начала славянскихъ городовъ. Такъ, Даниловичъ, непосредственно за вышесказаннымъ, продолжаетъ: „*Строенiе другихъ, меньшихъ городовъ начинается у Нестора съ 862 года*. (Несторъ по Кенигсбергскому списку, стрн. 16: „Рюрикъ роздая мужемъ своимъ волости и городы рубити, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро"). *Число сiе принимаю за нормальное для начала славянскихъ городовъ* [12]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же ученый замѣчаетъ: „*Правдорѣчивый Несторъ съ 862 года начинаетъ построенiе городовъ Руси*" [13]). Въ третьемъ „Нигдѣ не являлись города вдругъ и въ одно время. Многiя столѣтiя выжидали постепеннаго ихъ образованiя. *По свидѣтельству*

---

[10]) Энцикл. Лексиконъ, изд. 1838 г., статья «Города». т. XV, стрн. 15.
[11]) Русск. Истор. Сбор. 1841 г., т. IV, кн. II, стрн. 165, 166.
[12]) Тамъ-же.
[13]) Тамъ-же, 201.

Іорнанда въ половинѣ VI вѣка обитавшіе между Днѣстромъ и Вислою Славяне, не имѣя городовъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ искали спасенія отъ кровожадныхъ враговъ [14]).

Сочиненіемъ, сдѣлавшимъ переворотъ въ понятіяхъ русскихъ ученыхъ о древне-славянской общественной жизни, было „Славянскія древности" Шафарика. По напечатаніи историческихъ изслѣдованій Шафарика, одинъ изъ главнѣйшихъ представителей исторической науки въ Россіи того времени говорилъ своимъ слушателямъ: „Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то-есть, съ прибытія князей варяго-русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья и его однородцахъ, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположникомъ исторической критики прошедшаго столѣтія—Шлёцеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ „Славянскія древности" производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Книга его, плодъ трудовъ многолѣтнихъ, дѣлаетъ эпоху въ наукѣ, какую въ свое время сдѣлалъ у насъ Шлёцеръ изданіемъ толковаго Нестора, или Карамзинъ сочиненіемъ „Исторіи Государства Россійскаго". Шафарикъ принуждаетъ насъ начинать славянскую исторію съ глубочайшей древности..." [15]). Въ другомъ мѣстѣ, представивъ очеркъ ученія Шафарика, тотъ-же историкъ восклицаетъ: „Вѣрно не находились Русскіе Славяне на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ изслѣдователи до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и

[14]) Тамъ-же, 170.

[15]) Погодинъ, Изсл., Замѣч. и Лек. т. II, стрн. 321.

лѣтописца; *въ средней полосѣ у Дреговичей, Радимичей и Вятичей не встрѣчается упоминовенія о городахъ*" [21]).

Въ противуположность тому, послѣдователь Шафарика, Егоръ Классенъ, утверждаетъ: „*Руссы и вообще всѣ Славяне имѣли множество городовъ,* вели жизнь не только гражданскую, но и политическую. Что Славяне, населявшіе Россію въ 862 году, имѣли множество городовъ, явствуетъ изъ лѣтописей русскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и скандинавскихъ" [22]).

Школа Шафарика, доказывая существованіе множества городовъ въ предѣлахъ Россіи за долго до времени призванія Варяговъ, не коснулась вопроса о времени и условіяхъ ихъ первоначальнаго образованія. Далѣе, ея въ этомъ отношеніи пошли послѣдователи, такъ-называемой, школы общиннаго быта древне-русскихъ Славянъ. Извѣстный представитель этой школы, И. Д. Бѣляевъ, отвергнувъ теорію первоначальнаго разсѣянія славянскаго народонаселенія въ предѣлахъ Россіи и сосредоточенія его въ городахъ со времени Рюрика, высказываетъ слѣдующія мнѣнія о времени первоначальнаго возникновенія городовъ въ Россіи и о его условіяхъ: „*Славяне, по своему шаткому, ненадежному положенію на чужой землѣ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины,* въ которыя дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь-бы кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защищать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; такимъ только образомъ, при такихъ условіяхъ общинной жизни, Славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россіей; ихъ новость поселенія въ незнакомомъ краю, ихъ малочисленность сравнительно съ старожилами-туземцами, невольно вынуждали ихъ прибѣгать къ городскому общинному устройству ихъ жизни, которое одно дозволяло сплачиваться въ значительныя массы, въ которыхъ не спрашивалось, кто какого роду и племени, и обезпечивало

---

[21]) Ист. Россіи. I, стрн. 69, изд. 1866 г. См. еще тамъ-же, стрн. 116; т. XIII, стрн. 4—6, изд. 1863 г.

[22]) Нов. Матеріалы для древней Ист. Славяно-Руссовъ до-Рюриковскихъ временъ. Вып. 1, стр. 37—39, изд. 1854 г.

ихъ отъ нападеній туземцевъ, которые, живучи разрозненно, не могли съ успѣхомъ нападать на укрѣпленные города. *И дѣйствительно, Славяне-пришельцы* большею частію такъ и устраивали свою жизнь въ здѣшнемъ краѣ; они *селились преимущественно городами и подлѣ городовъ подъ ихъ защитой*; и такъ много настроили городовъ въ Русской землѣ, что сосѣди ихъ на сѣверо-западѣ, жители Скандинавіи, нынѣшней Швеціи и Норвегіи, иначе не называли Россію того времени какъ страною городовъ на ихъ языкѣ Гардарикіей" [23]). Только одно изъ племенъ славянскихъ, по мнѣнію автора, находилось внѣ только что изображенныхъ условій общественнаго быта: „Не такова была жизнь Полянъ", говоритъ авторъ, „поселившихся на правомъ берегу Днѣпра, въ мѣстности, кажется, никѣмъ не занятой, удаленной отъ иноплеменниковъ; они, по свидѣтельству лѣтописи, долго жили въ родовомъ бытѣ, вразсыпную, по тамошнимъ горамъ и лѣсамъ, каждый съ своимъ родомъ и только уже въ болѣе позднее время, можетъ быть, въ VII столѣтіи по Р. Х., выстроили въ своемъ краю первый городъ Кіевъ, на самомъ берегу Днѣпра. Но, кажется, одни только Поляне пользовались такимъ положеніемъ, которое дозволяло имъ довольно долго оставаться въ родовомъ бытѣ, по крайней мѣрѣ, о нихъ однихъ свидѣтельствуетъ лѣтопись" [24]).

Сравнивая приведенныя воззрѣнія ученыхъ историковъ и юристовъ, мы видимъ, что одни изъ нихъ приближаютъ эпоху первоначальнаго образованія русскихъ городовъ 1) ко времени призванія Варяговъ сѣверными Славянскими и Финскими племенами, 2) другіе начинаютъ эту эпоху временемъ изгнанія Варяговъ тѣми-же народами; 3) третьи, не опредѣляя точно времени появленія первыхъ городовъ въ Россіи, утверждаютъ, что въ ея предѣлахъ города существовали во множествѣ за нѣсколько вѣковъ до времени изгнанія или призванія Варяговъ; 4) четвертые, отдаляютъ время перваго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи въ эпоху перво-

---

[23]) Разсказы изъ Русск. Ист., кн. I, стрн. 5—7.

[24]) Тамъ-же, стрн. 7.

начальнаго ихъ занятія Славянами. Каждое изъ этихъ мнѣній, по убѣжденію ихъ авторовъ, основано на прямыхъ свидѣтельствахъ источниковъ и имѣетъ современныхъ послѣдователей между учеными; но, существуя рядомъ, какъ равносильныя, они оставляютъ не рѣшеннымъ для науки вопросъ о времени первоначальнаго появленія городовъ у Русскихъ Славянъ, такъ какъ нѣсколько равносильныхъ, но разногласныхъ рѣшеній такого вопроса, гдѣ можетъ быть только одно рѣшеніе, взаимно игнорируютъ другъ друга. А между тѣмъ точное опредѣленіе эпохи первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи имѣетъ первенствующее значеніе, какъ для историка, такъ и для ученаго юриста: это пунктъ, вокругъ котораго сосредоточивается все историко-юридическое міросозерцаніе даннаго ученаго, въ отношеніи эпохи образованія Русскаго государства; отъ того или другаго рѣшенія этого вопроса зависятъ основныя воззрѣнія въ отношеніи первоначальныхъ условій образованія Русскаго государства и началъ древне-славянскаго общественнаго быта.

Обращаясь къ вопросу о количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи, мы замѣчаемъ ту-же неустойчивость въ воззрѣніяхъ современныхъ ученыхъ. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, русскіе ученые, не придавая важнаго значенія городамъ въ образованіи и развитіи Русскаго государства, начиная эпоху образованія русскихъ городовъ со времени водворенія варяжскихъ дружинъ въ земляхъ восточныхъ Славянъ, не обращали вниманія и на ихъ количество. Мы привели уже высказанное въ 1838 году мнѣніе М. А. Соловьева о важномъ пробѣлѣ въ нашей ученой литературѣ того времени, именно, недостаткѣ изслѣдованій о количествѣ городовъ, которые исторія застаетъ на Русской землѣ во время перваго образованія нашего народа. Желая пополнить этотъ пробѣлъ, авторъ насчиталъ до 150 городовъ, упоминаемыхъ лѣтописью въ предѣлахъ Россіи до XIII вѣка [25]). Съ того времени вопросу о количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи посвящали труды свои гг. Погодинъ, Неволинъ, Плошин-

[25]) Энцикл. Лексик, т. XV, стрн. 15—17.

скій и Барсовъ. Г. Погодинъ, въ изслѣдованіи о границахъ и количествѣ городовъ первыхъ русскихъ княжествъ, насчитываетъ по лѣтописи до 350 городовъ въ Россіи до монгольскаго опустошенія, то-есть, на 200 городовъ болѣе сравнительно со спискомъ М. А. Соловьева [26]). То-же количество городовъ, въ тотъже періодъ, встрѣчаемъ въ „Общемъ спискѣ русскихъ городовъ", составленномъ Неволинымъ [27]). Но уже простое сличеніе списковъ, составленныхъ гг. Погодинымъ и Неволинымъ, даетъ болѣе 400 городовъ, упоминаемыхъ лѣтописями въ Россіи до татарскаго нашествія. Въ спискѣ Неволина встрѣчаемъ болѣе 50 городовъ не внесенныхъ въ списокъ г. Погодина; на оборотъ, въ спискахъ г. Погодина встрѣчаемъ до 50 городовъ не внесенныхъ въ списки Неволина. С. М. Соловьевъ, основываясь на указанномъ изслѣдованіи Погодина о количествѣ городовъ первыхъ русскихъ княжествъ, замѣчаетъ: „О количествѣ городовъ въ русскихъ княжествахъ древней Россіи можно имѣть приблизительное понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ. Въ Кіевскомъ княжествѣ можно насчитать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ Туровскомъ болѣе 10, въ Черниговскомъ съ Сѣверскимъ, Курскимъ и Землею Вятичей около 70, въ Рязанскомъ около 15, въ Переяславскомъ около 40, въ Суздальскомъ около 20, въ Смоленскомъ около 8, въ Полоцкомъ около 16, въ Новгородскомъ около 15. Слѣдовательно, во всѣхъ русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ [28]). Но способомъ изчисленія древне-русскихъ городовъ, который указанъ почтеннымъ историкомъ, можно составить не приблизительно вѣрное понятіе о количествѣ городовъ въ древне-русскихъ княжествахъ, а самое невѣрное, потому что лѣтописи наши — не географическія сочиненія, а историческія повѣствованія, въ которыхъ о городахъ упоминается только случайно, при описаніи тѣхъ или другихъ событій, а потому далеко не о всѣхъ.

---

[26]) Изслѣд., Замѣч. и Лекціи, т. IV, стрн. 145—336.
[27]) Полн. Собр Соч., т. VI, стрн. 36—95.
[28]) Исторія Россіи, т. III, стрн. 41, изд. 1862 г.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ первомъ томѣ своей „Русской Исторіи“, въ главѣ „Матеріальное состояніе общества въ удѣльный періодъ“, основываясь на томъ-же изслѣдованіи г. Погодина, замѣчаетъ: „Всѣхъ городовъ въ до-татарское время насчитываютъ до 300. Конечно, невсегда можно быть увѣреннымъ въ томъ, что мѣстность, упоминаемая въ лѣтописи, именно городъ, а не село [29]).

Нынѣ г. Барсовъ, въ своихъ „Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи“, называетъ около 100 городовъ [30]) въ Россіи древнѣйшаго періода, поименованныхъ въ древнихъ актахъ и лѣтописяхъ и болѣе 200 древнѣйшихъ городовъ, перечисленныхъ въ географическомъ отрывкѣ Воскресенской лѣтописи, но не внесенныхъ въ списки древнѣйшихъ городовъ, составленные гг. Погодинымъ и Неволинымъ.

Г. Плошинскій, въ изслѣдованіи историческаго развитія городскаго или средняго состоянія русскаго народа, въ главѣ „Территоріальная система древнихъ городовъ русскихъ“, на всемъ пространствѣ древней Руси, отъ исхода IX столѣтія до конца XV вѣка (862 — 1499 гг.), насчитываетъ только до 350 городовъ [31]); въ спискѣ Неволина, въ періодъ между 862 и 1462 годами, показано ихъ болѣе 650.

Г. Хлѣбниковъ, въ сочиненіи „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи“, въ главѣ „Города“, между прочимъ говоритъ: „Всѣхъ городовъ по Судебнику Іоанна III считается 63, по Судебнику Іоанна IV — 68, въ 1610 году ихъ было 132“ [32]); въ Книгѣ Большому Чертежу, поновленной въ разрядѣ въ 1627 году, упоминается болѣе 300 городовъ въ Россіи того времени [33]); въ спискѣ Неволина, въ періодъ между 1462 — 1689 годами показано до

---

[29]) Русская Исторія гл. IV, стрн. 257, изд. 1872 г.

[30]) Географ. Словарь Рус. Земли.

[31]) Городск. Сост. русск. народа, стрн. 9—22.

[32]) Стрн. 82.

[33]) Кн. Больш. Черт. или Древ. Карта Росс. Госуд. Изданіе Языкова, 1838 г.

450 городовъ. Въ книгахъ разрядныхъ, обнимающихъ періодъ времени отъ 1614 по 1679 г., упоминается болѣе 400 городовъ [34]).

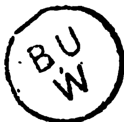
Слѣдовательно, и въ вопросѣ о количествѣ древне-русскихъ городовъ, гдѣ произволъ въ заключеніяхъ кажется невозможнымъ, замѣчается между учеными большое разногласіе, доказывающее, что и этотъ вопросъ, подобно вопросу о времени первоначальнаго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи, остается нерѣшеннымъ въ нашей ученой литературѣ. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію М. А. Соловьева, „съ опредѣленія количества городовъ историческая критика должна-бы была начать исторію Россіи".

Наконецъ, обращаясь къ вопросу о значеніи древне-русскаго города въ составѣ политическихъ учрежденій древней Россіи, мы замѣчаемъ, что и объ этомъ предметѣ существуетъ въ наукѣ множество противорѣчащихъ другъ другу воззрѣній. Шлецеръ объявилъ: „До средины IX столѣтія по Р. Х. на всемъ пространствѣ Русскаго сѣвера не было ни одного города, *собственно такъ-называемаго*" [35]); но что должно разумѣть подъ городомъ собственно, Шлецеръ не опредѣлилъ.

Ходаковскій смотритъ на города русскихъ Славянъ до христіанскаго времени, какъ на храмы, мѣста совершенія языческихъ обрядовъ. „Еще Шлецеръ толковалъ намъ", говоритъ онъ, „что прежде 860 года въ цѣломъ сѣверѣ русскомъ, на всемъ пространствѣ онаго, не было ни одного города, собственно такъ-называемаго. Извѣстно также, что сѣверная и средняя Европа находилась въ подобномъ состояніи. Слѣдовательно, что тогда знаменовало слово городъ?.. Нашедши едва не при всѣхъ мѣстахъ, упоминаемыхъ въ Россіи до 989 года, земляные маленькіе городки, замѣтивъ ихъ вездѣ при урочищахъ одноименныхъ съ славянскими божествами, не могу не опредѣлить, что сіи одно-характерные окопы значили въ первой нашей эпохѣ священныя ограды, осѣняемыя рощами или дубравами,—гаями: словомъ они

[34]) См. Указатель къ Разр. Книг. (именъ географическихъ), стр. 173—266, 1856.

[35]) Шлецер. Несторъ, т. II, стрн. 52.

И. И. Срезневскій видитъ въ славянскихъ городахъ древнѣйшей эпохи „жилыя мѣста, огороженныя стѣнами земляными, деревянными или каменными, жителями ихъ были не одни мирные граждане, а преимущественно воины, военныя дружины“ [44]).

По мнѣнію г. Корсакова „городъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи, могъ быть такимъ-же терминомъ поселенія, какъ и деревня, съ тѣмъ только различіемъ, что выраженіе: „деревня“ означало матеріалъ построенія, а „городъ“ — способъ обезпеченія окраинъ поселенія, способъ огораживанія поселенія вокругъ. Позднѣйшее значеніе города начинаетъ выясняться въ эпоху утвержденія княжеской власти; въ землѣ Ростовско-Суздальской и въ другихъ областяхъ Руси городъ является въ ту эпоху въ значеніи земскаго, административно-княжескаго военнаго центра [45]).

Наконецъ, г. Антоновичъ смотритъ на древнеславянскіе города, какъ на отдѣльныя юридическія единицы: „какъ отдѣльныя юридическія единицы, города въ южной Руси существовали еще въ до-историческое время“. Понятіе-же отдѣльной юридической единицы авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Городъ представлялъ въ государствѣ отдѣльную юридическую единицу, община городская управлялась особенными правами, отличными отъ правъ, присвоенныхъ другимъ жителямъ края: они составляли отдѣльное сословіе“ [46]).

Такимъ образомъ, одни изъ ученыхъ признаютъ въ древнеславянскихъ городахъ постоянныя жилыя мѣста, другіе — пустыя ограды, населяемыя только въ военное время; одни населяютъ ихъ родовыми общинами, другіе — договорными общинами, третьи исключительно военными людьми, четвертые жрецами; одни видятъ въ нихъ исключительно религіозные центры, другіе административные, третьи земскіе; въ общемъ, — масса противорѣчій и путаница понятій, исключающія возможность примиренія.

Мнѣнія ученыхъ о значеніи древне-русскаго города въ послѣ-

---

[44]) Записки Импер. Акад. Наукъ. т. II кн. II. Чтенія о Древ. Русск. Лѣтоп., стрн. 3.

[45]) Меря и Ростовское Княжество, стрн. 59 и 60.

[46]) Изслѣд. о городахъ въ Ю.-З. Россіи, 1870 г. стрн. 1 и 2.

дующіе періоды русской исторіи также чрезвычайно разногласны [47]). Какъ на примѣръ, укажемъ на извѣстный споръ о древне-русской общинѣ между двумя учеными, гг. Чичеринымъ и Бѣляевымъ, въ которомъ высказаны самыя несходныя воззрѣнія въ отношеніи значенія городовъ до-Петровскаго періода, начиная съ основнаго вопроса о времени отдѣленія селъ отъ городовъ въ территоріальномъ, правительственномъ и общественномъ отношеніяхъ. По убѣжденію г. Бѣляева, „отдѣленіе селъ отъ городовъ существовало искони въ законахъ и въ жизни, и въ этомъ случаѣ, новаго въ XVII вѣкѣ ничего не произошло"; по убѣжденію г. Чичерина „стремленіе къ устройству и обособленію городовъ отъ селъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года" [48]). Въ своихъ воззрѣніяхъ спорящія стороны опирались на прямыя свидѣтельства источниковъ, и, не смотря на то, споръ кончился тѣмъ, что каждый ученый остался при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, какъ доказываютъ ихъ позже вышедшія сочиненія.

Вотъ какъ запутанно разрѣшены въ современной ученой литературѣ элементарнѣйшіе вопросы исторіи русскаго города. Тоже безконечное разногласіе между учеными видимъ мы и относительно другихъ вопросовъ: политической системы древне-русскихъ городовъ, ихъ устройства, управленія, состава городскаго населенія, и т. д. Гдѣ-же причина разномыслія ученыхъ изслѣдователей старины по вопросамъ, недопускающимъ различныхъ рѣшеній? Почему свидѣтельства источниковъ, убѣждающія одныхъ

[47]) Для удѣльнаго періода *ср. Соловьева*, Истор. Росс., т. III, гл. I; т. XIII, гл. I; *Погодина* Изслѣд., Замѣч. и Лекц., т. VII, гл. III — V; *Чичерина*, Опыты по Ист. Рус. Пр., стрн. 13, 14, 28—36 и др. *Хлѣбникова*, О вліян. общест. на орг. госуд., глава III, Общество и Государство, гл II; *Плошинскаго*, Городск. Сост. русск. народа, періодъ первый; *Антоновича*, Изсл. о городахъ въ Ю.-З. Россіи, стрн. 2 и слѣд.; *Владимірскаго-Буданова*, Нѣмецк. право въ Польшѣ и Литвѣ, гл. IV стрн. 109 и слѣд.; *Бестужева-Рюмина*, Русская Исторія, гл. IV, стрн. 258; *Костомарова* «Начало единодержавія», Вѣст. Европы, 1870, кн. II, стрн. 27 и слѣд.; кн. 12 стрн. 511; *Сергѣевича*, Вѣче и Князь, гл. II, стрн. 25, 26; *Градовскаго*, Ист. Мѣст. управ., I, гл. III; *Горчакова*, О земл. влад. митроп., 144 и слѣд.

[48]) Чичеринъ. Опыты по Истор. Русск. Права, статьи 1 и 2, Русская Бесѣда 1856 г. I. Критическая статья Бѣляева.

ученыхъ въ данномъ положеніи, кажутся неубѣдительными для другихъ? Какъ предупредить себя отъ заблужденій въ пониманіи источниковъ? На этихъ вопросахъ прежде всего должно быть сосредоточено вниманіе изслѣдователя, приступающаго къ ученой разработкѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ, если онъ не желаетъ новыми заблужденіями увеличить массу прежнихъ, если онъ не желаетъ, чтобы трудъ его затерялся въ безднѣ уже существующихъ теорій, если желаетъ внести полезный свѣтъ въ ученую разработку важнаго, но совершенно не разработаннаго наукою угла исторіи нашего права. По нашему убѣжденію, причина существующихъ въ наукѣ недоразумѣній, по вопросамъ изъ исторіи русскаго города, скрывается, главнымъ образомъ, въ томъ, что изслѣдователи русской старины неясно сознаютъ, какъ измѣнялось значеніе слова городъ въ историческомъ развитіи русскаго языка.

Понятія древнихъ писателей, служащихъ въ настоящее время источниками изученія политическаго быта древнихъ народовъ, чрезвычайно разнятся отъ понятій новаго времени, а потому легко ускользаютъ отъ пониманія новѣйшихъ историковъ и ученыхъ юристовъ, или понимаются ими въ измѣненной формѣ. И притомъ, чѣмъ древнѣе изслѣдуемая эпоха, тѣмъ болѣе измѣнившихся понятій въ народномъ сознаніи, тѣмъ болѣе мертвыхъ словъ въ языкѣ, тѣмъ труднѣе понять истинный смыслъ текста историческихъ памятниковъ этой эпохи, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе возможности для невѣрнаго пониманія точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ, для произвола въ созиданіи теорій древняго общественнаго быта, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности.

„Слова возникаютъ, цвѣтутъ и изчезаютъ, подобно народамъ и царствамъ“ [49]); но выражаемыя словами понятія способны къ измѣнчивости еще болѣе [50]). До новѣйшаго времени на указанныя обстоятельства обращалось въ нашей наукѣ слишкомъ ничтожное

[49]) Шлец. Несторъ, 1, с. 395.

[50]) «Les mots sont plus durables que les choses qu'ils représentent, ils se perpétuent, mais pour exprimer des idées nouvelles des nouvelles institutions, produit d'une nouvelle société.» Laurent. Hist. du droit des gens, t. VII, p. 456.

вниманіе. Обыкновенно изслѣдователи общественнаго быта древнихъ народовъ, задавшись тою или другою теоріею, толкуютъ народныя понятія данной эпохи не свободно, безпристрастно, а подъ вліяніемъ предвзятаго взгляда, въ томъ смыслѣ, какой болѣе подходитъ подъ ихъ теорію, подбирая тѣ мѣста источниковъ, гдѣ данныя слова имѣютъ смыслъ, подходящій подъ требованія предвзятыхъ теорій, и опуская свидѣтельства имъ противорѣчащія. Изслѣдованіе точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ является въ современныхъ историко-юридическихъ сочиненіяхъ только случайнымъ, когда авторъ находитъ это полезнымъ для подкрѣпленія высказываемыхъ имъ воззрѣній въ отношеніи тѣхъ или другихъ началъ общественнаго быта. Чаще же всего ссылаются на свидѣтельства источниковъ, не провѣряя истиннаго смысла этихъ свидѣтельствъ, придавая имъ значеніе произвольное, или заимствованное изъ языка, современнаго автору [51]).

Изучая историко-юридическіе труды нашихъ ученыхъ, мы пришли къ убѣжденію, что значительнѣйшая часть встрѣчающихся въ нихъ недоразумѣній, противорѣчій, сомнительныхъ выводовъ, заблужденій, явилась нестолько вслѣдствіе недостатка источниковъ къ изученію древняго быта народовъ, сколько вслѣдствіе невѣрнаго пониманія свидѣтельствъ имѣющихся источниковъ, вслѣдствіе трудности отрѣшиться отъ современныхъ авторамъ представленій и усвоить понятія древнихъ народовъ. Сказанное нами въ отношеніи древнихъ понятій вообще относится и къ понятію древняго русскаго города. Словомъ *городъ* въ древне-русскихъ памятникахъ означаются понятія, неимѣющія ничего общаго между собою, по понятіямъ намъ современнымъ, изъ которыхъ каждое получило, съ дальнѣйшимъ развитіемъ нашего языка, особенное названіе. Изслѣдователи русской старины, приступая къ чтенію ис-

[51]) Примѣры см. въ нашей статьѣ «Современное состояніе вопроса о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ удѣльный періодъ древней Руси», помѣщ. въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за 1869 г. Кн. XI, стр. 40—105, XII, стр. 217—248. Еще въ прошедшемъ столѣтіи знаменитый Монтескье замѣтилъ: «Transporter dans des siècles reculés toutes les idées du siècle où l'on vit c'est des sources de l'erreur celle qui est la plus féconde». Esprit des. lois. Livr XXX c. XIV p. 510 (Paris, 1860).

торическихъ памятниковъ съ новыми понятіями о городѣ и встрѣчая въ источникахъ тѣ или другія свидѣтельства о городахъ древне-русскихъ, смотрятъ на послѣдніе съ точки зрѣнія новыхъ понятій о городѣ и тѣмъ искажаютъ, помимо воли своей, истинный смыслъ древнихъ историческихъ свидѣтельствъ, а сами впадаютъ въ заблужденія. Накопленіе рождающихся отсюда противорѣчій и ошибокъ, со временемъ дѣлающихся очевидными, заставляетъ послѣдующихъ ученыхъ обратиться къ логическому анализу историческихъ свидѣтельствъ и тогда оказывается, что прежде построенныя теоріи покоятся на мнимыхъ основаніяхъ, потому что ихъ авторы придавали даннымъ словамъ, въ данныхъ свидѣтельствахъ историческихъ источниковъ, смыслъ языка современнаго автору, но не языка его предковъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ доказательство несуществованія городовъ у русскихъ славянъ въ VI вѣкѣ обыкновенно ссылались и ссылаются на Іорнанда, будто бы, свидѣтельствующаго, что въ его время „Славяне, обитавшіе между Днѣстромъ и Вислою и далѣе на сѣверо-востокъ, *не имѣя городовъ*, въ непроходимыхъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ искали спасенія отъ враговъ [52]). Вотъ свидѣтельство Іорнанда: „Sclavini a civitate Novietunense et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Vistula tenus, commorantur. Hi paludes silvasque pro civitatibus habent“ [53]). Но говоритъ-ли Іорнандъ приведенными словами, что Славяне еще въ половинѣ VI вѣка не имѣли городовъ? Совсѣмъ нѣтъ, онъ говоритъ только: *болота и лѣса служатъ Славянамъ вмѣсто городовъ*, въ смыслѣ укрѣпленій, крѣпостей, то есть, что характеръ страны Славянъ защищаетъ ихъ отъ непріятельскихъ нападеній. Это не препятствовало Славянамъ жить не въ болотахъ и лѣсахъ, а въ городахъ, изъ которыхъ одинъ Іорнандъ именуетъ въ приведенномъ же мѣстѣ. Слова: „hi paludes silvasque pro civitatibus habent“ относятся къ характеру страны славянской, а не къ характе-

---

[52]) См. выше.

[53]) De Reb. Get. cap. 5; у Шафарика, Слав. Древн. т. II, кн. III, Приложенія, стр. 31, изд. 1848 г.

ру ихъ жизни. Латинское слово civitas [54]), какъ греческое polis [55]) и славянское градъ, городъ [56]), между различными значеніями, имѣло значеніе крѣпости, укрѣпленій, обороняющихъ народъ отъ непріятельскихъ нападеній, и въ приведенномъ мѣстѣ употреблено Іорнандомъ въ этомъ смыслѣ. Слѣдовательно, слова „hi paludes silvasque pro civitatibus habent" нисколько не противорѣчатъ свидѣтельствамъ о существованіи у Славянъ многихъ городовъ въ отдаленнѣйшія времена, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и важнѣйшій аргументъ, служившій въ пользу теоріи не существованія городовъ у Русскихъ Славянъ—свидѣтельство современника.

Г. Плошинскій, основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописи Нестора: „возсташа Славяне, и Кривици, и Чудь и Меря на Варяги, и изгнаша ихъ за море, и не даша имъ дани и начаша сами себѣ владѣти и городы ставити" [57]), относитъ начало строенія первыхъ городовъ Руси ко времени изгнанія Варяговъ сѣверными Славянами и Финскими племенами. Даниловичъ, основываясь на свидѣтельствѣ той же лѣтописи Нестора: „Рюрикъ, роздая волости мужамъ своимъ и городы рубити овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро [58])", эпоху призванія Варяговъ призналъ за нормальную для начала Славянскихъ городовъ въ Россіи [59]). Но если возможно, для доказательства этой мысли, основываться на выраженіяхъ лѣтописи Нестора: „изгнаша Варяги за море и начаша городы ставити" или „Рюрикъ" роздая волости мужемъ своимъ и „городы рубити", то съ одинаковымъ правомъ возможно начать эпоху образованія городовъ въ Россіи съ княженія Олега, или Владиміра, или Ярослава, потому что, подъ 882 годомъ той же лѣтописи, сказано: се же *Олегъ нача городы ставити*," подъ 988 годомъ: „*Владиміръ нача ставити городы*", подъ 1032 годомъ: „*Ярославъ нача ставити городы*" и

54) Шафарикъ, Слав. Древ. Т. I, кн. II, стр. 418.
55) Wachsmuth Hellen. Alterthumskunde, t. 1, p. 316, 317.
56) Неволинъ, Полн. Собр. соч., т. VI, стр. 27.
57) Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. IV. стр. 173.
58) Тамъ же, т. I стр. 9, варіанты.
59) Плошинскій. Город. сост. рус. нар. стр. 9. Даниловичъ. Рус. Ист. Сбор. т. IV, кн. II, стр. 116.

заселены лицами не крестьянскаго, а дворянскаго сословія, служилыми людьми, а въ этомъ громадная разница: въ первомъ случаѣ эти города ничѣмъ не отличались бы отъ селъ, а во второмъ они являются особеннымъ элементомъ въ государствѣ, и потому должны обратить на себя серіозное вниманіе науки.

Относительно новѣйшаго значенія русскаго города знаменитый нашъ юристъ-теоретикъ, Неволинъ, высказываетъ слѣдующее воззрѣніе: „Русскіе города *нынѣ* перестали быть мѣстомъ жительства одних лицъ, принадлежащихъ къ третьему сословію людей въ государствѣ; они сдѣлались средоточіемъ духовной и вещественной жизни въ государствѣ, сдѣлались мѣстомъ жительства благороднѣйшихъ, богатѣйшихъ, образованнѣйшихъ людей въ государствѣ. Съ этой, между прочимъ, точки зрѣнія они разсматриваются и въ Городовомъ положеніи Императрицы Екатерины II [67]). Но развѣ русскіе города были когда либо мѣстами жительства однихъ лицъ, принадлежащихъ къ третьему сословію людей въ государствѣ? Русскіе города никогда не были поселеніями, предназначенными исключительно для жизни и дѣятельности третьяго сословія; они всегда были мѣстами жительства благороднѣйшихъ, богатѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей въ государствѣ, средоточіями духовной и вещественной жизни всего общества, имѣли не сословное, а земское значеніе. Условія историческаго развитія общественной жизни народовъ на западѣ Европы привели къ тому, что у нихъ городомъ стало называться мѣщанское поселеніе, отдѣленное своими привилегіями отъ поселеній сельскихъ, а горожанами обитатели этихъ поселеній, принадлежащіе къ промышленнымъ классамъ, надѣленные въ противоположность остальнымъ классамъ общества, особенными правами, и тѣмъ, выдѣленные въ сословную, исключительную корпорацію. На востокѣ Европы, въ Великороссіи, такой противоположности между городскими поселеніями и сельскими, съ одной стороны, и между городскими обитателями и сельскими, съ другой, никогда не было. Мѣста, предназначенныя исключительно для жизни и дѣятельности торговаго и ремесленнаго классовъ,

(67) Неволинъ, Полн. Собр. Соч., т. VI, стр. 29.

для лицъ, принадлежащихъ къ „городскому сословію,“ въ западно-европейскомъ смыслѣ, назывались въ древней Россіи не городами, а посадами, и это названіе, остается за поселеніями мѣщанскими, исключительными центрами промышленности, и по законодательству новаго времени, какъ-то видно изъ Высочайше утвержденнаго 10-го августа 1807 года доклада министра внутреннихъ дѣлъ о выгонной землѣ для посадовъ. Въ этомъ докладѣ выражено, что „различіе между посадами и городами, кромѣ образа ихъ управленія, состоитъ въ томъ, что между городскими обывателями считаются не одни торговые, но и другихъ состояній люди, посады же въ существѣ своемъ составляются изъ однихъ людей, записанныхъ въ купеческое и мѣщанское званіе“ [68]). Западно-европейское понятіе о городѣ, какъ исключительномъ „пристанищѣ торга и рукодѣлій“, при перенесеніи своемъ на русскіе города законодательствомъ XVIII столѣтія, встрѣтивъ сопротивленіе исторически сложившихся и неизвѣстныхъ западу Европы условій историческаго развитія русскихъ городовъ, осталось теоретическимъ началомъ въ манифестѣ, даннымъ Императрицею Екатериною II по поводу изданія ею Городоваго Положенія 21-го апрѣля 1785 года, и не получило развитія ни въ жизни, ни въ самомъ законодательствѣ. Законодательство Петра I и Екатерины II не лишало древне-русскіе города земскаго значенія, и не только тѣ изъ нихъ, за которыми оставлено значеніе центровъ мѣстной администраціи (города губернскіе или областные и уѣздные), но и тѣ, у которыхъ отнято это значеніе (города заштатные).

Приложеніе западно-европейскаго понятія о городѣ, какъ мѣщанскомъ поселеніи, къ русскому городу и явившееся отсюда смѣшеніе понятій о городѣ съ понятіемъ о посадѣ повело къ неопредѣленности и путаницѣ постановленій, характеризующихъ собою законодательство о городахъ и городскихъ обывателяхъ Екатерины II. Тоже явленіе замѣчается и въ воззрѣніяхъ ученыхъ на значеніе древне-русскаго города. Имѣя въ виду городовое поло-

[68]) Полн. Собр. Зак., т. XXIX, № 22587.

женіе Екатерины II, и подобно ему, не отдѣляя понятія о городѣ, какъ центрѣ промышленномъ отъ понятія о городѣ какъ центрѣ административномъ, изслѣдователи русской старины смотрятъ на древне-русскіе города съ точки зрѣнія городоваго положенія. Отсюда является смѣщеніе историческихъ извѣстій о городахъ съ извѣстіями о посадахъ, тогда какъ древне-русскій городъ и древне-русскій посадъ представляютъ собою два совершенно различные предмета. Древне-русскій городъ, заключая въ себѣ посадъ, какъ свою составную часть, въ этомъ составномъ понятіи, имѣлъ троякое значеніе: военное, административное и промышленное, и въ силу этого трояко значенія, былъ населенъ лицами, принадлежавшими къ высшимъ, благороднѣйшимъ, образованнѣйшимъ и богатѣйшимъ классамъ государственнаго народонаселенія, былъ средоточіемъ духовной, вещественной и политической жизни общества. Въ качествѣ военно-гражданскаго административнаго центра городъ населяли лица, принадлежавшія къ высшему, служилому сословію, военные и приказные люди, въ качествѣ промышленнаго центра, его населяли торговые и ремесленные люди. Управленіе городовъ всегда сосредоточивалось въ рукахъ правительственныхъ, а не земскихъ агентовъ. Наоборотъ, посады, съ перваго появленія ихъ въ исторіи, представляются поселеніями отличными отъ городовъ по составу населенія, по управленію и по значенію въ общемъ составѣ государственныхъ учрежденій, они населены преимущественно торговыми и ремесленными людьми, управляются выборными начальниками и имѣютъ служебное значеніе по отношенію къ городамъ. Съ этой точки зрѣнія должны быть изучаемы свидѣтельства о городахъ и посадахъ до Петровской Россіи.

Указанныя заблужденія, какъ и множество имъ подобныхъ, явились въ нашей ученой литературѣ вслѣдствіе невѣрнаго пониманія тѣмъ или другимъ ученымъ значенія слова городъ въ свидѣтельствахъ источниковъ. До настоящаго времени, въ нашей историко-юридической литературѣ не установилось о древне-русскомъ городѣ то понятіе, въ которомъ онъ долженъ сдѣлаться предметомъ спеціальнаго изученія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что

„польза и важность исторіи городовъ въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ такъ очевидна, такъ хорошо изложена различными писателями, что въ настоящее время нѣтъ надобности распространяться объ этомъ предметѣ". Но дѣло въ томъ, что когда мы начинаемъ исторію русскаго города съ отдаленнѣйшаго времени, то должно опредѣлить точно, что мы разумѣетъ подъ словомъ городъ. А безъ того несогласія между учеными, относительно самыхъ элементарныхъ вопросовъ будутъ продолжаться до безконечности. Одинъ скажетъ: „города въ предѣлахъ Россіи существовали за много вѣковъ до времени Рюрика", и сошлется на свидѣтельство того или другаго изъ скандинавскихъ, нѣмецкихъ, византійскихъ писателей или на свидѣтельство отечественнаго лѣтописца; другой возразитъ: „города въ предѣлахъ Россіи появились только въ эпоху призванія Рюрика", и укажетъ на свидѣтельство Іорнанда: hi paludes silvasque pro civitatibus habent", или на свидѣтельство Нестора: „Рюрикъ роздая волости мужемъ своимъ, и городы рубити: овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро", или: „изгнаша Варяги за море и поча городы ставити", и проч. Одинъ скажетъ: „древне-русскіе города были заселены крестьянами до времени Петра Перваго", и укажетъ на „опись городамъ, вѣдавшимся въ разрядѣ въ 1668 году"; другой можетъ доказывать, что древне-русскіе города были заселены служилыми людьми и ссылаться на тотъ же актъ; третій можетъ опровергать то и другое, доказывая, что древне-русскіе города были заселены посадскими торговыми людьми, ссылаясь на „Выписку изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ 1681 года", гдѣ перечисляется только посадское населеніе городовъ [69]). Но отъ подобныхъ выводовъ, не смотря на то, что они основаны на историческихъ свидѣтельствахъ, не много пользы для науки.

Множество часто діаметрально противоположныхъ воззрѣній въ нашей наукѣ, въ отношеніи самыхъ существенныхъ вопросовъ изъ исторіи русскаго города, доказываетъ неясность современныхъ пред-

---

[69]) Акты археогр. экспед., т. IV, № 250.

ставлений о послѣднемъ, какъ о предметѣ науки, въ силу котораго неправильно понимаются историческія свидѣтельства о городахъ, смѣшиваются и пріурочиваются къ одному предмету извѣстія, относящіяся совершенно къ различнымъ предметамъ. Словомъ, городъ въ древнихъ памятникахъ означается множество самыхъ разнородныхъ предметовъ, не имѣющихъ, по современнымъ намъ понятіямъ, ничего общаго съ тѣми понятіями о городѣ, какія получило это слово въ новой Россіи. Современные же изслѣдователи древне-русскаго общественнаго быта, приступая къ изученію древнихъ источниковъ съ тѣми или другими изъ позднѣйшихъ понятій о городѣ, безъ критическаго разбора, смѣшиваютъ свидѣтельства источниковъ о городахъ, въ которыхъ слово городъ имѣетъ не одинаковое значеніе, часто отличное отъ того, какое придаетъ этому слову авторъ, и на основаніи такого смѣшенія дѣлаются тѣ или другіе выводы. Отсюда въ современной историко-юридической литературѣ хаосъ противорѣчій, недоразумѣній, догадокъ, сомнительныхъ выводовъ, которымъ и конца не видно.

Въ силу сказаннаго, изслѣдователь, приступающій къ изученію историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ, прежде нежели станетъ высказывать тѣ или другія сужденія о древне-русскомъ городѣ, долженъ, намъ кажется, предварительно остановиться на рѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ. Какія значенія соотвѣтствуютъ слову городъ въ историческихъ памятникахъ? Какія значенія соотвѣтствовали слову городъ въ данную историческую эпоху? Съ котораго изъ значеній слова городъ должно быть начато научное систематическое изложеніе исторіи русскаго города? Рѣшеніе этихъ вопросовъ дастъ возможность избѣжать смѣшенія историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ различнымъ предметамъ, не-имѣющимъ между собою ничего общаго.

II.

Историческое развитіе понятія о городѣ.

Слову *городъ* въ древне-русскомъ языкѣ соотвѣтствовало множество значеній, по современнымъ намъ понятіямъ, не имѣющихъ ничего общаго, какъ между собою, такъ и съ нынѣшнимъ понятіемъ о городѣ.

а) *Городомъ называлась всякая ограда,* защищающая данное мѣсто отъ постороннихъ вторженій вообще: *„созда градъ на церкви* Пречистое Владычица нашея Богородица, яже не стерпѣвше оскверненія храма своего“; „есть же монастырь той городомъ одѣланъ весь около“; *„создалъ городъ каменъ,* твердъ вельми, *около пещеры* тоя“ [1]).

б) *Городомъ называлось всякое укрѣпленіе, сдѣланное съ цѣлію защиты отъ непріятелей:* „сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою, надъ Калкомъ, бѣ бо мѣсто то каменисто, и ту *створи городъ около себѣ въ колѣхъ,* и бися съ ними изъ города того по три дни“; „сташа Новгородцы на островѣ, а они противу ставше, *начаша городъ чинити*“; „устроити повелѣ окрестъ дальнихъ посадовъ *градъ древяны;...* близь же града, яко поприща два, *поставити градъ, обозъ нарицаемый, иже нѣкоею мудростію, на колесницахъ устроенъ* и къ бранному ополченію зело удобенъ“ [2]).

в) *Городомъ назывались укрѣпленія болѣе значительныхъ*

---

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. II, стр. 162; т. III, стр. 76, 77; Книга Боль Черт., стр. 124, 140; Пут. Игум Дан., стр. 53.

[2]) П. С. Р. Л., т. I. стр. 218; т. III, стр. 11, 40; т. VII, стр. 337, 338. Полевое обозное укрѣпленіе называлось *городомъ-гуляемъ*, см. о немъ *Карамзина*, Ист. Гос. Росс., т. IX, прим. 391; Энцикл. Лексик., т. XV, стр. 234.

пунктовъ народнаго поселенія, воздвигнутыя съ цѣлію предохранить эти пункты отъ нападеній непріятеля и соотвѣтствовавшія современному намъ понятію городскихъ укрѣпленій, стѣнъ города, крѣпости: „Словѣни же сѣдоша около езеря Илмеря, прозвавшася своимъ имянемъ, *и сдѣлаша градъ,* и нарекоша Новгородъ"; „приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и *сруби градокъ малъ,* хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущій"; „*заложи Мстиславъ Новгородъ болій перваго;* томъ же лѣтѣ, Павелъ, посадникъ Ладожскій, *заложи Ладогу, городъ камянъ"; „*около Смоленска *города величина полтретьи версты"; „*а который *городъ попортится, или за старостію развалится, и на строеніе городовъ, для починки и вновь,* казну собираютъ того города съ торговыхъ посадскихъ людей и съ уѣздныхъ крестьянъ, повытно... *а будетъ въ Московскомъ государствѣ построенныхъ каменныхъ городовъ, кромѣ монастырей, съ 20 городовъ, или мало больши, а достальные дѣланы всѣ деревянные, на земляныхъ валахъ и просто на землѣ, и для войны насыпаютъ тѣ города пескомъ и каменьемъ"* [3]).

г) *Городомъ назывались укрѣпленныя мѣстности,* то-есть, защищенныя отъ непріятельскихъ нападеній какою-либо оградою, насыпью, рвомъ, и служившія пунктами народнаго поселенія; „Нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и поча набирати мужѣ лучьшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, *и отъ сихъ насели грады"; „*Святополкъ повелѣ рубити градъ на Витичевѣ холму, въ свое имя нарекъ Святополкъ градъ, *и повелѣ епископу Марину съ Юрьевцы сести ту, и Засаковцемъ и прочимъ отъ инѣхъ градовъ;* а Юрьевъ зажгоша Половцы пустъ"; „городъ Бѣлоозеро по осыпи рубленой, на немъ восмь башенъ, крыты тесомъ; въ городъ двои ворота; мѣрою городъ по осыпи 550 саженъ съ полусаженью. *Въ городѣ* соборная церковь... да соборную же церковь вновь строятъ каменную... въ городѣ жъ

---

[3]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 3, 4; т. III, стр. 6; Акты Арх. Эксп., т. IV, № 89. стр. 128; *Котошихинъ,* О Россіи, стр. 102.

дворъ воеводской, въ длину 25 саженъ, поперегъ 22 сажени... И всего *въ городѣ* на Бѣлѣозерѣ... (перечисленіе церквей, дворовъ, избъ, лавокъ и проч.)... Да на Бѣлѣ жъ озерѣ, за городомъ, на посадѣ: церковь каменная, да 18 церквей деревянныхъ" и т. д. [4]).

д) *Городомъ назывались различныя территоріальныя дѣленія политическаго или административнаго характера.* Въ этомъ смыслѣ, слову *городъ* въ древнихъ памятникахъ соотвѣтствуютъ послѣдовательно понятія земли и волости, княжества и государства, уѣзда и провинціи.

Понятія города и земли равнозначительны: „аче кто конь погубитъ, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ *въ своемъ городѣ,* свое ему лицемъ взяти"; „О сводѣ. *Аже будетъ во одиномъ городѣ то ити истьцю до конця того свода; будетъ ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода... а изъ своего города въ чужю землю свода нѣтутъ*"; „аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ *гость изъ инаго города или чюжеземецъ...* то вести я на торгъ и продати и отдати же первое гостеви коуны, а домашнимъ, что ся останетъ" [5])...

Понятія города и волости равнозначительны: „прія власть Рюрикъ *и раздая* мужемъ своимъ *грады* (Лаврентьевскій списокъ)—*и раздая* мужемъ своимъ *волости* (Ипатьевскій и Хлѣбниковскій списки): овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. *И по тѣмъ городамъ* суть находници Варязи"; „заповѣда Олегъ... даяти уклады на русскіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы" [6]).

Понятіе города тождественно съ понятіемъ княжества: „и вънидъ Ярополкъ *въ градъ Ольговъ прія власть его*"; „бѣ бо Рогволодъ пришелъ изъ заморья, *имяше власть свою въ*

---

4) П. С. Р. Л., т. I, стр. 52; Ник. спис., ч. II, стр. 11; Акты Юридич. № 231.

5) Р. Правда, на осн. 4-хъ списковъ раз. ред. изд. *Н. Калачевымъ,* 1847 г., стр. 8, 9, 12, 32.

6) П. С. Р. Л., I, стр. 9, 13, 160.

Полотскъ, а Туръ Туровъ"; „мы же да подивимся чюду новому и великому Матере Божья, како застуци *градъ* свой отъ великихъ бѣдъ, и гражаны своя укрѣпляетъ: не вложи бо имъ Богъ страха, и не убояшася *князя два имуще въ власти сей*"; „се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ... а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смоленскъ, *и тако раздѣли имъ грады*"; *„мюнѣ граду тому въ немъ же князь унъ*" [7]).

Понятіе города тождественно съ понятіемъ государства: „О владѣтельствѣ царствъ и государствъ, и земель, *и городовъ,* которые подъ Россійскимъ царствомъ лежатъ, *и тѣхъ государствъ о воеводѣхъ.* Великій Новгородъ, царствы Казанское, Астраханское, Сибирское, государство Псковское, княжествы Смоленское, Полотское—*и тѣхъ государствъ* въ первые городы посылаются воеводы, бояре и околничіе...; и вѣдаютъ тѣ государства съ пригороды и съ уѣзды, во всякихъ государственныхъ и земляныхъ дѣлахъ, противъ того жъ, какъ вѣдаютъ на Москвѣ бояре и думные люди... — А ворамъ, разбойникамъ и татемъ, и инымъ злочинцамъ, указъ бываетъ противъ того жъ, какъ и на Москвѣ. А казнити ихъ за ихъ воровства смертію, кто бъ каковъ ни былъ, безъ указу царскаго и не описався къ нему не велѣно, и учинити никто не смѣетъ, *кромѣ Сибири, и Астрахани, и Терка, потому что изъ тѣхъ городовъ къ Москвѣ* къ царю письма ихъ, и отъ царя противъ ихъ писемъ о всякихъ дѣлѣхъ указу вскорѣ приходити не мочно, и ихъ *въ такихъ далѣнихъ городѣхъ* велѣно казнити и безъ указу царскаго... А которые къ тѣмъ государствамъ *и болшимъ городамъ* надлежатъ городы, всякою вѣдомостью, и владѣтельствомъ, и податьми: *и въ тѣ пригороды* посылаются воеводы, дворяне и дѣти боярскіе, съ Москвы *и тѣхъ городовъ* отъ воеводъ. А велѣно имъ дѣла дѣлать по наказамъ, каковы даются имъ *тѣхъ городовъ* отъ бояръ и воеводъ;... а даются царевичамъ въ удѣлъ *городы негосударствен-*

---

[7]) Тамъ же, стр. 32, 70, 60, 160.

ные, а царствъ Казанскаго и Астраханскаго и Сибирскаго, и государствъ Владимирскаго, Новгородскаго и Псковскаго давати опасаются, понеже чрезъ великую силу досталъ первый царь подъ свое владѣніе и привелъ въ совокупленіе“ [8]).

Понятіе города тождественно съ понятіемъ провинціи. Значеніе провинціи слово *городъ* имѣетъ въ выраженіи: „на Москвѣ *и въ городахъ*“, очень часто встрѣчаемомъ въ памятникахъ XVI и XVII столѣтій, а равно въ подобныхъ выраженіяхъ: „прикащики и крестьяне живутъ *въ городѣхъ во властелинскихъ и въ боярскихъ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ“;* „а всего на Москвѣ, *кромѣ городовыхъ* и патріаршихъ приказовъ и таможенъ 42 приказа“; „того же году были *по городамъ* бояре и воеводы и дьяки“; „воеводы перемѣнялись кто въ которомъ году и въ которомъ *городѣ* былъ“ [9]).

е) *Городами назывались центры администраціи:* „Рядъ узаконеній, начиная съ царствованія Петра Великаго, *учреждаетъ города* въ однихъ мѣстахъ Россіи и упраздняетъ ихъ въ другихъ, *смотря по удобству для устройства администраціи* въ различныхъ частяхъ государства“ [10]); „*которые города хотя и выключены изъ штата, но способностію для учрежденія воеводскихъ канцелярій лучше, то таковые назначать, а неспособно лежащіе,* хотя бы оные и въ штатномъ числѣ состояли, *исключать*“ [11]).

ж) *Городомъ назывались „пристанища торга и рукодѣлій“*, то-есть, центры промышленности, основанные правительствомъ, надѣленные путемъ законодательства извѣстными правами и обязанностями, и тѣмъ превращенные въ юридическія лица: „Всероссійскіе самодержцы, отъ самыхъ древнихъ лѣтъ, съ расширеніемъ предѣловъ владычества ихъ и съ умноженіемъ народнымъ, умножали и число городовъ, *давая въ нихъ безопасное приста-*

---

8) *Котошихинъ*, стр. 15, 98, 99, гл. VIII.

9) Полн. Собр. Зак., I, стр. 70. *Котошихинъ*, стр. 92; Дворцов. разр., 235, 730.

10) Городск. посел. въ Россійск. имп., I, стр. VI.

11) Полн. Собр. Зак., т. XVI. № 12.259.

нище торгу и рукодѣліямъ. Полезнымъ таковымъ установленіямъ предковъ нашихъ мы тщилися подражать по мѣрѣ размноженія народа и возращенія богатствъ его, *какъ то свидѣтельствуютъ города, въ 23-лѣтнее царствованіе наше, числомъ 216, воздвигнуты повсюду, гдѣ того требовали или мѣстныя выгоды, или стеченіе окрестныхъ жителей. Не оставили мы какъ ихъ, такъ и тѣ, кои предками нашими сооружены были, снабдить надлежащимъ управленіемъ, освободить рукодѣлія, промыслы и торговлю отъ принужденій и притѣсненій* и преподать имъ различные полезные способы и одобренія. Съ Божіею помощію видимъ въ толь краткое время добрые плоды намѣреній нашихъ, да и несомнѣнно уповаемъ, что вѣрноподданные наши, *граждане городовъ нашихъ, похвальнымъ радѣніемъ, доброю вѣрою въ торговлѣ, промыслахъ и ремеслахъ* и поведеніемъ, соотвѣтствующимъ благому нашему о нихъ попеченію, будутъ способствовать возвышенію мѣстъ, ими населяемыхъ, въ цвѣтущемъ состояніи, и тѣмъ вящше заслужатъ нашу императорскую къ себѣ милость и благоволѣніе,—въ залогъ коихъ восхотѣли мы, *данныя отъ насъ городамъ, ихъ обществамъ и членамъ сихъ обществъ выгоды и преимущества подтвердить нашею жалованою грамотою*" [12]). Въ Городовомъ положеніи Екатерины II опредѣлены права и преимущества, а равно обязанности и повинности городовъ; городъ имѣетъ грамоту, гербъ и планъ за подписаніемъ руки Императорскаго Величества, имѣетъ собственныя недвижимыя имѣнія и движимыя имущества, собственные доходы и расходы, особенное управленіе и т. д. [13]).

Указанныя до сихъ поръ значенія слова *городъ* могутъ быть названы *прямыми*, территоріальными или мѣстными, въ противоположность нижеслѣдующимъ, *переноснымъ* или личнымъ. Отъ мѣста жительства названіе города перешло на его обитателей. Сюда относятся:

---

[12]) Собр. Законовъ. № 16.187.

[13]) Город. Полож. Екатерины II, ст. 1—3, 7, 8, 3, 17, 18, 24—26, 28, 57, 151, 152, 167, 177.

б) *Понятіе о городѣ, какъ общинѣ, пользовавшейся политическою автономіей,* и „тянувшей", по древнему выраженію, къ данному укрѣпленному пункту (городу въ прямомъ смыслѣ), какъ центру политической жизни общины: *Новгородцы* бо изъ начала и *Смолняне,* и *Кіяне,* и *Полочане и вся власти* якоже на думу *на вѣче сходятся,* на что же старѣйшіе сдумають, на томъ же пригороды станутъ; а здѣсь *городъ старый Ростовъ и Суждаль,* и вси боляре, *хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья;* но „како намъ любо", рекоша, такоже створимъ, Володимерь есть пригородъ нашъ" [14]). Въ понятіе города, въ смыслѣ политической общины, входитъ совокупность населенія всѣхъ пригородовъ, селъ и починковъ, вмѣстѣ съ населеніемъ центральнаго пункта, составляющаго политическое тѣло.

б) *Понятіе о городѣ, какъ общинѣ, члены которой соединены извѣстными связями съ даннымъ укрѣпленнымъ пунктомъ,* какъ военнымъ такъ и административнымъ, центромъ общины: „взяша Всеволожь градъ на щитъ, и ина въ немъ бяста два города вошла. Слышавше иніи грады, Уненежъ, Бѣлавѣжа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣжаща Чернигову, и иніи грады мнози бѣжаша. Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, посласта по нихъ и постигоша на поли, и ту взяша ти три городы, а иніи уйдоша" [15]). Города, въ смыслѣ общинъ, „тянувшихъ" къ даннымъ укрѣпленнымъ пунктамъ, состоявшихъ въ зависимости отъ городовъ, имѣвшихъ высшее политическое значеніе, заключали въ себѣ населеніе такъ называемыхъ пригородовъ и тянувшихъ къ нимъ пригородковъ, селъ, деревень и починковъ. Города назывались пригородами только по отношенію къ высшему политическому центру, старѣйшему городу [16]).

в) *Городомъ называлась совокупность жителей даннаго укрѣпленнаго пункта:* „*изыде противу ему весь городъ Кыевъ,* и възложиша тѣло его на сани, повезоша и, съ пѣсними попове

---

[14]) П. С. Р. Л., I, стр. 160.
[15]) Тамъ же, II, стр. 36.
[16]) Тамъ же, I, стр. 160.

и черноризцы понесоша и въ градъ, и не бѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли, *плака бо ся по немъ весь городъ Кыевъ"* [17]).

г) *Городомъ называлась совокупность лицъ служилаго сословія*, приписанныхъ къ данному укрѣпленному пункту, какъ военному центру, для его защиты: „посдалъ государь.... и *многіе городы дворянъ и дѣтей боярскихъ и атамановъ и казаковъ, и стрѣльцовъ, и многихъ ратныхъ людей* подъ Великій Новгородъ": „пришли къ Москвѣ, изъ Суздаля сборщики, а съ ними дворяне и дѣти боярскіе — Суздальцы и Володимерцы *и иные городы"*; „боярину и воеводамъ збиратца *съ городы, съ дворяны и съ дѣтьми боярскими*, а быть съ ними городамъ: Кострома, Ярославль, Галичъ, Вологда, Суздаль, Володимеръ, Лухъ, Гороховецъ, Переяславль, Ростовъ, Муромъ, Арзамасъ, Нижній Новгородъ, Юрьевъ-Польскій, опричъ тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно быть подъ Смоленскомъ. Да въ тѣхъ же городѣхъ сбирать охочихъ всякихъ людей боярскихъ и дворянскихъ, и приказчиковъ, и монастырскихъ слугъ, и *даточныхъ людей съ посадовъ и уѣздовъ"* [18]).

д) *Городомъ называлась совокупность обитателей данной мѣстности, объявленной городомъ со стороны правительства, городомъ въ смыслѣ административнаго и промышленнаго центра:* это „городскія общества" въ обширномъ смыслѣ по законодательству новаго времени [19]).

е) *Городомъ называлась совокупность лицъ такъ называемаго средняго или третьяго сословія, обитавшихъ въ данномъ пунктѣ, объявленномъ городомъ со стороны правительства, надѣленныхъ извѣстными правами и обязанностями и вслѣдствіе того получившихъ значеніе юридическаго лица, мѣстной, сословной корпораціи.* Это городскія общества въ тѣсномъ смыслѣ по законодательству новаго времени [20]).

---

[17]) Тамъ же, стр. 86.

[18]) Дворц. Разряды, т. I, стр. 107, 198. Книги Разрядныя, т. I, стр. 10.

[19]) Городовое Положеніе Екатерины II, ст. 58 — 68. Полное Собраніе Законовъ т. XII, стр. 363, 364.

[20]) Городовое Положеніе Екатерины II., гл. V—IX.

Перечисленными примѣрами исчерпывается все количество значеній, соотвѣтствующихъ слову *городъ* въ историческихъ памятникахъ. Но возстановленіемъ различныхъ значеній этого слова въ историческихъ памятникахъ еще не рѣшается вопросъ, какія значенія соотвѣтствовали ему въ данную историческую эпоху? Въ различныя эпохи, слову *городъ* соотвѣтствовали различныя значенія, но какія именно? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ точное пониманіе историческихъ свидѣтельствъ о городахъ въ то или другое время. Рѣшить же этотъ вопросъ возможно, только изучивъ историческое развитіе понятія о городѣ.

Не смотря на полное несходство, по современнымъ намъ понятіямъ, между указанными значеніями слова *городъ*, они произошли одно изъ другаго, а слѣдовательно, имѣютъ между собою генитическую связь, изученіе которой и будетъ изученіемъ историческаго развитія понятія о городѣ.

Этимологическое происхожденіе слова *городъ, градъ*, разно объясняется филологами. Одни изъ нихъ производятъ его отъ германскаго слова garda или warda, на томъ основаніи, что „garda и городъ равно значили мѣсто защищенное и защищаемое, обведенное стѣною или валомъ“ [21]); другіе считаютъ это слово имѣющимъ славянское происхожденіе и образовавшимся изъ соединенія двухъ несомнѣнно славянскихъ словъ,—*гора* и *родъ*,—вслѣдствіе фактическаго соединенія въ жизни древнихъ Славянъ предмета, соотвѣтствовавшаго понятію о горѣ съ предметомъ, соотвѣтствовавшимъ понятію о родѣ [22]).

Въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ слово *городъ, градъ*, имѣетъ уже нѣсколько значеній, изъ которыхъ „кореннымъ, первоначальнымъ“ считается понятіе крѣпости, укрѣпленія, ограды, защищавшей отъ непріятеля [23]). Первою потребностію славянскихъ родовъ, осѣвшихся на извѣстныхъ мѣстахъ для постояннаго жительства, была потребность оградить занятыя мѣстности отъ внѣшнихъ нападеній. Первоначально, простыя из-

[21]) Энцикл. Лексик., т. XV, стр. 15.

[22]) Русск. Ист. Сборн., ч. I, № 3, стр. 84.

[23]) *Неволинъ*, Полн. собран. сочин., т. VI стр. 27.

городи,—плетень, тынъ, частоколъ, острогъ, деревянная стѣна,— были достаточны для удовлетворенія сказанной потребности, такъ какъ возвышенные пункты, выбираемые родами для поселеній, сами по себѣ были не легко доступны, при первоначальныхъ средствахъ нападенія.

Эти то постройки, *искусственныя укрѣпленія, сдѣланныя съ цѣлію предохранить отъ внѣшнихъ нападеній мѣста, занятыя нѣкогда славянскими родами для постояннаго поселенія, названные городами, и были первоначальнымъ, родовымъ понятіемъ города, послужившимъ родоначальникомъ всѣхъ остальныхъ значеній этого слова.* Съ теченіемъ времени, стали ограждать искусственными укрѣпленіями не только мѣста, занятыя родовыми общинами, пункты народнаго поселенія, но и другія мѣстности, съ цѣлію предохранить ихъ отъ непріятельскихъ нападеній: сторожевые посты, военные станы, пограничныя линіи, а равно извѣстные участки пахатной земли (огородъ), отдѣльные дворы, церкви, монастыри, съ цѣлію предохранить ихъ отъ постороннихъ вторженій вообще. И такъ какъ всѣ эти укрѣпленія были первоначально похожи одно на другое, представляя простыя изгороди, то и были безразлично называемы городами, пока дальнѣйшее развитіе отличительныхъ признаковъ не привело къ сознанію различія понятій и къ замѣнѣ нѣкоторыхъ видовъ изъ указанныхъ укрѣпленій измѣненными формами слова *городъ:* — горóда, изгорода, горожа, изгородь, огорода, ограда, а затѣмъ и другими словами: тынъ, плетень, частоколъ и проч. Въ историческихъ памятникахъ, слово *городъ,* въ значеніи безразличнаго укрѣпленія, изгороди, ограды, встрѣчается уже довольно рѣдко; въ большинствѣ случаевъ, оно замѣняется измѣненными формами *города* или другими словами; въ значеніи же болѣе спеціальномъ, въ смыслѣ укрѣпленія, защищающаго отъ нападеній непріятеля, слово *городъ* встрѣчается на каждомъ шагу, во весь древній періодъ исторіи Россіи, и только въ XVIII столѣтіи вышло изъ употребленія, будучи замѣнено словами *фортеція, укрѣпленіе.* Сказанное объясняетъ въ какомъ смыслѣ должно понимать выраженія древнихъ памятниковъ: „срубить, поставить, заложить,

создать, построить городъ“; это значило — обнести какое либо мѣсто извѣстною оградою, тыномъ, плетнемъ, частоколомъ, острогомъ, деревянною или каменною стѣною, съ цѣлію предохранить это мѣсто отъ внѣшнихъ вторженій. А потому, можно было по понятіямъ древнихъ много разъ, въ данномъ пунктѣ, уничтожать и снова ставить городъ, но это не значило уничтожать и создавать городъ, по позднѣйшимъ понятіямъ. Данный городъ, въ смыслѣ пункта народнаго поселенія, могъ существовать съ незапамятнаго для исторіи времени, хотя извѣстіе о его построеніи въ первый разъ встрѣчается въ памятникахъ XI, XII, или XIII в.в. Такъ, по свидѣтельству нашего древнѣйшаго лѣтописца, Новгородъ построенъ Славянами при первоначальномъ ихъ поселеніи на берегахъ озера Ильменя: „Словѣни же сѣдоша около озера Ильмеря сдѣлаша градъ и нарѣкоша и Новгородъ“ [24]). Затѣмъ, извѣстія о построеніи Новгорода относятся къ 864 году: „и пріа Рюрикъ власть всю одинъ, и пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новгородъ“ [25]); къ 1044: „на весну заложи Новгородъ и содѣла и“ [26]); къ 1114: „Мстиславъ заложи Новгородъ“ [27]); къ 1262: „срубиша Новгородцы городъ новъ“ [28]); къ 1302: „заложиша городъ каменъ Новгороду“ [29]); къ 1331: „заложи Владыка Великій городъ каменъ“ [30]); и, наконецъ, къ 1425 году: „ставиша въ Новгородѣ городъ“ [31]). Кіевъ, подобно Новгороду, существовалъ уже въ незапамятныя для исторіи времена [32]), но извѣстія о его построеніи встрѣчаемъ еще подъ 1017 годомъ: „заложи Ерославъ градъ Кіевъ“ [33]) и подъ 1037 годомъ: „заложи Ярославъ

---

[24]) П. С. Р. Л., I, 3.
[25]) Тамъ же, 9, варіанты. Лѣт. по Ипат. Ст. стр. II.
[26]) Никон. сп. ч. I, с. 138.
[27]) Ипат. сп. П. С. Р. Л., II, 4.
[28]) Тамъ же, III, 57. Новг. I.
[29]) Тамъ же, 68.
[30]) Тамъ же, 76.
[31]) Тамъ же, 140, Новг. II.
[32]) П. С. Р. Л. I, с. 4.
[33]) Ник. сп., I, 124.

городъ великій Кыевъ"[34]). О построеніи городовъ Суздаля, Переяславля, Русы, Твери, Серпухова и т. д., существовавшихъ издавна, въ лѣтописяхъ читаемъ подъ 1191 годомъ: „заложенъ бысть градъ Суздаль"[35]); подъ 1195 годомъ: „заложенъ бысть градъ Переяславль"[36]); подъ 1201 годомъ: „Русу срубиша"[37]); подъ 1369 годомъ: „градъ Тверь срубили"; „Володимеръ Андреевичъ заложи градъ Серпуховъ"[38]).

Такъ какъ каждое отдѣльное укрѣпленіе, окружавшее и защищавшее какое либо мѣсто, носило въ древности названіе города, то въ одномъ городѣ, по понятіямъ позднѣйшимъ, могло заключаться нѣсколько городовъ, въ смыслѣ понятій болѣе древнихъ. И дѣйствительно, почти во всѣхъ древнѣйшихъ городахъ Россіи встрѣчаемъ по нѣскольку городовъ: въ Новгородѣ старый и новый города, въ Черниговѣ внутренній и внѣшній, во Владимірѣ Новый и Печерній, въ Переяславлѣ два города; въ Москвѣ четыре: Бѣлый городъ, Земляной, Деревянный и Китай-городъ и т. д.[39]).

Отъ *укрѣпленія* названіе города было перенесено на мѣсто укрѣпленное и стало означать *укрѣпленный пунктъ*, то есть, понятіе укрѣпленія и мѣста укрѣпленнаго всовокупности. Соотвѣтственно развитію понятія о городѣ, въ смыслѣ укрѣпленія, развивалось и понятіе о городѣ, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта. Въ послѣднемъ смыслѣ слово *городъ* означало первоначально укрѣпленныя мѣстности, занятыя Славянами для постояннаго поселенія, а затѣмъ стало означать всякую укрѣпленную мѣстность, то есть обнесенную градомъ (въ смыслѣ изгороди, ограды), тыномъ, плетнемъ, частоколомъ, стѣной и проч., на что указываютъ и донынѣ сохранившіяся измѣненныя формы слова *городъ* и со-

---

[34]) П. С. Р. Л. I, 65.
[35]) Ник. сп. ч. II, с. 256.
[36]) П. С. Р. Л. I, с. 173.
[37]) Тамъ же, III, с. 25.
[38]) Ник. сп.
[39]) П. С. Р. Л. I, 86, 89, 197, III, 144; Улож. Ц. Ал. Мих., гл. XIX, стр. 40.

отвѣтствующія имъ понятія—въ великорусскомъ нарѣчіи *огородъ*, въ малорусскомъ *городъ*.

Съ теченіемъ времени, различные укрѣпленные пункты стали называться именами предметовъ, находящихся въ огражденной мѣстности, внутри укрѣпленій, напримѣръ: *дворъ*, *сторожа*, *церковь*, *монастырь* и пр., а за словомъ *городъ* осталось только его первоначальное значеніе въ разсматриваемомъ смыслѣ, значеніе укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія. Это значеніе слово *городъ* сохраняетъ до времени Петра Перваго, при которомъ оно было замѣнено словомъ *крѣпость*.

Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи, когда изъ общей массы древне-русскаго народонаселенія еще не выдѣлились особенныя группы, предназначенныя спеціально для особыхъ видовъ общественной дѣятельности [40]), русскіе города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, заключали въ себѣ населеніе, представлявшее безразличную массу въ юридическомъ отношеніи. Горожане были въ одно и то же время воинами, купцами, ремесленниками и земледѣльцами [41]).

Съ водвореніемъ между Русскими Славянами варяжскихъ князей и ихъ дружинъ, мало по малу образовался въ Россіи обширный классъ людей, извѣстный подъ именемъ „служилаго сословія" и имѣвшій своею спеціальною задачею защиту государства отъ внѣшнихъ нападеній [42]). Чрезъ построеніе укрѣпленій и заселеніе ихъ служилыми людьми Московское государство распространяло свои южные, юго-восточные и восточные предѣлы [43]). По распоряженію правительства, пограничная линія отодвигалась на извѣстное разстояніе въ мѣстности, еще не занятыя русскимъ народомъ; составлялись росписи и чертежи, въ какихъ пунктахъ

---

[40]) См. *Сергѣевича*, Вѣче и князь, стр. 31—40.

[41]) Княгиня Ольга говоритъ Древлянамъ: «вси гради ваши предашася мнѣ, и яшися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и землѣ». П. С. Р. Л. I, 25, 52.

[42]) См. *Градовскаго*, Исторія мѣст. управ. въ Россіи, т. I, глава I.

[43]) *Бѣляева*, О сторож., стан. и полев. службѣ на польск. укр. Моск. госуд. въ *Чтен. Москов. общ. истор. и древн.* 1846 г. № 4; Воронежск Акты, т. III, прилож., стр. I—V.

вновь назначенной граничной линіи поставить города, жилые и стоялые остроги и другія укрѣпленія; затѣмъ, въ опредѣленныхъ пунктахъ, строились новые города, а между ними проводилась линія укрѣпленій, состоящая изъ земляного вала, жилыхъ и стоялыхъ острожковъ, засѣкъ и проч. [44]). Во вновь основанные города, какъ для защиты самыхъ городовъ, такъ и для охраненія вновь занятаго пространства, а съ нимъ государственной территоріи вообще, переводились изъ внутреннихъ областей государства лица служилаго сословія, которыми и заселялись вновь основанные города. Проходили десятки и сотни лѣтъ, пока въ этихъ городахъ и возлѣ этихъ городовъ возникало промышленное населеніе, состоящее изъ „торговыхъ" и „ремесленныхъ" людей. Еще въ концѣ XVII столѣтія встрѣчаемся со множествомъ городовъ, населенныхъ исключительно военными, служилыми людьми, въ которыхъ, и даже при которыхъ совсѣмъ не было „посадскихъ", то есть, торговыхъ и ремесленныхъ людей. Изъ двадцати городовъ, вѣдавшихся въ разрядномъ приказѣ въ 1668 году, къ числу такихъ городовъ, принадлежали 55: Крапивна, Дѣдиловъ, Пронскъ, Гремячъ, Печерники, Кашинъ, Сапожокъ, Ряжскъ, Шацкъ, Козельскъ, Орелъ, Кромы, Брянскъ, Сѣвскъ, Каменный, Мценскъ, Ливны, Епифань, Чернь, Данковъ, Лебедянъ, Талецкъ, Черкаскъ, Ефремовъ, Осколъ, Обоянъ, Суджа, Болховъ, Карповъ, Хотмыжскъ, Волотскъ, Олешня, Корочъ, Яблоновъ, Новый Осколъ, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ, Острогожскъ, Урывъ, Костенскъ, Бѣлоколодезь, Орловъ, Сокольскъ, Усмань, Доброе Городище, Тамбовъ, Валуйка, Чугуевъ, Салтовъ, Красный Кутъ, Богодуховъ, Бобровка, Балыклея [45]). Почти всѣ перечисленные города вновь основаны Московскимъ правительствомъ.

Ко времени Московскаго государства измѣнилось и значеніе старыхъ городовъ древней Россіи: изъ мѣстъ жительства общины, не имѣющей сословнаго характера, они превращаются въ мѣста жительства высшихъ лицъ, привилегированныхъ классовъ и въ мѣста, гдѣ помѣщаются учрежденія, имѣющія общегосударствен-

[44]) Тамъ же, стр. 47. и слѣд.
[45]) См. первое приложеніе къ т. XIII Исторіи Россіи *Соловьева*.

ное значеніе. Въ Московской Россіи внутри городскихъ укрѣпленій жили только лица служилаго, военнаго сословія, духовенство и приказные люди; классы промышленные, торговые, ремесленные люди и земледѣльцы-крестьяне были вытѣснены изъ городовъ и селились внѣ городскихъ укрѣпленій, образуя посады, слободы, села, деревни и хутора; внѣ городскихъ укрѣпленій помѣщались и мѣстныя, общинныя учрежденія [46]). Такимъ образомъ, древнерусскіе города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, не имѣли того значенія, какое придано имъ законодательствомъ новаго времени: въ древнѣйшій періодъ русской исторіи это были укрѣпленные пункты общинныхъ поселеній, по своему населенію не имѣвшіе сословнаго значенія; въ Московскій періодъ это были военно-административные пункты, населенные лицами высшихъ классовъ, служилыми и приказными людьми. Классы торговые и ремесленные жили преимущественно внѣ городовъ, „на посадахъ", не имѣвшихъ значенія городовъ.

При дальнѣйшемъ развитіи понятія о городѣ, слово *городъ* стало означать различныя территоріальныя дѣленія политическаго и административнаго характера. Чтобы понять историческое происхожденіе такого понятія о городѣ и его генетическую связь съ понятіями о городѣ, уже разсмотрѣнными нами, должно имѣть въ виду воззрѣніе, по которому *города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, были первичными поселеніями Славянъ, поселившихся въ предѣлахъ Европы* [47]).

Съ постепеннымъ и незамѣтнымъ расширеніемъ земельныхъ владѣній первоначальнаго, старѣйшаго города, расширялось постепенно и незамѣтно и понятіе о немъ, захватывая въ себя, по мѣрѣ возникновенія, мѣста, застѣнья, или посады, перегородья или пригороды, села, деревни и починки. Перечисленныя поселенія, возникая исподоволь, незамѣтно входили въ понятіе старѣйшаго города, какъ его составныя части. По мѣрѣ образованія заселенныхъ мѣстностей вокругъ первоначальной городской ограды, понятіе города, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта, расширялось, при-

[46]) Акты, юридич. №№ 231, 230.

[47]) См. ниже, глава II.

нимая въ себя эти мѣстности, входившія въ него, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время входило и входитъ въ понятіе города понятіе о предмѣстьи. Въ понятіи города соединились представленія о мѣстности, лежавшей внутри городской ограды, и заселенной мѣстности, прилегавшей къ этой оградѣ, то-есть, позднѣйшія понятія „осады“ и „посада“ или „мѣста“. Сознаніе о различіи заселенной мѣстности внутри городской ограды и внѣ ея еще не опредѣлилось, и потому обѣ мѣстности, какъ прилегавшія къ городу-укрѣпленію, соединились въ одно понятіе, на которое было перенесено названіе города. Въ послѣдствіи, различіе осады и посада, какъ особенныхъ предметовъ было сознано, и эти мѣстности названы особенными словами: мѣстность внутри укрѣпленія названа была „осадою“, внѣ ея—„посадомъ, слободою и проч.“; но въ цѣломъ обѣ мѣстности составляли, по прежнему, одинъ предметъ, одно понятіе, по прежнему носившее названіе города. Такъ слово *городъ* стало означать не только укрѣпленный пунктъ, но и всѣ мѣстности, къ нему прилегавшія, ему принадлежавшія, занятыя однимъ родомъ или племенемъ и составлявшія территорію данной общины. Перегородья или пригороды, будучи городами, въ смыслѣ отдѣльныхъ укрѣпленій, входили въ понятіе старѣйшаго города, какъ его составныя части; напримѣръ, въ понятіе города Чернигова входили представленія о внѣшнемъ и внутреннемъ городахъ, въ понятіе города Владиміра представленія о Печернемъ и Новомъ городахъ; въ понятіе Москвы — представленія о Бѣломъ городѣ, Китай-городѣ, Земляномъ и Деревянномъ городахъ, и т. д. Съ образованіемъ пригородовъ, удаленныхъ отъ старѣйшихъ городовъ на значительное разстояніе, а равно, съ появленіемъ въ промежуткахъ между городами сельскихъ, не укрѣпленныхъ поселеній, на нихъ переходило названіе города, какъ на части цѣлаго. Въ конечномъ развитіи, понятіе старѣйшаго города заключаетъ въ себѣ представленіе всей территоріи, занятой извѣстнымъ племенемъ или общиной, пользовавшеюся политическою автономіей, примыкавшею къ данному укрѣпленному пункту, какъ центру правительственному, со всѣми посадами, городами, пригородами, селами и починками, на ней находившимися.

Въ силу сказаннаго, выраженія древнихъ памятниковъ: „городъ Новгородъ, городъ Кіевъ, городъ Черниговъ“, и т. д. или просто „Новгородъ, Кіевъ, Черниговъ“, рядомъ съ значеніемъ данныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, имѣютъ значеніе этихъ пунктовъ, совмѣстно со всею подвластною имъ территоріей. Такое значеніе имѣетъ слово *городъ*, напримѣръ, въ перечисленіи русскихъ городовъ въ договорѣ Олега съ Греками: „заповѣда Олегъ даяти уклады на русскіе городы—первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще“ [49]), гдѣ подъ перечисленными городами разумѣются всѣ мѣстности, составлявшія, вмѣстѣ съ центральными пунктами, отдѣльныя политическія тѣла [50]).

Пригороды, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, такіе же города, какъ и ихъ митрополіи, старѣйшіе города. Все сказанное нами по отношенію къ историческому происхожденію и развитію народныхъ поселеній при старѣйшихъ городахъ, можно сказать и относительно происхожденія и развитія посадовъ, передгородьевъ, селъ и починковъ при пригородахъ. Точно также, съ расширеніемъ земельныхъ владѣній города-пригорода, расширялось его понятіе, захватывая въ себя заселяемыя изъ пригорода мѣстности. Въ конечномъ развитіи, понятіе города-пригорода заключаетъ въ себѣ представленіе совокупности мѣстностей, связанныхъ между собою подчиненіемъ общему центру—пригороду, вмѣстѣ съ самымъ пригородомъ, въ которомъ помѣщались мѣстныя, начальныя лица общины, мѣстное вѣчевое собраніе и крѣпость. Такъ какъ городъ-пригородъ, въ разсматриваемомъ смыслѣ, входитъ въ составъ старѣйшаго города, какъ составная часть, какъ его территоріальное подраздѣленіе, то слово *городъ*, въ значеніи территоріальнаго дѣленія, рядомъ съ понятіемъ территоріи, занятой общиною, пользующеюся политическою автономіей, стало означать подраздѣленіе послѣдней. Такой смыслъ слово *городъ* имѣетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „прія

[49]) П. С. Р. Л. I. стр. 13.

[50]) См. *Антоновича*, Изслѣд. о городахъ въ Юго-Зап. Россіи, стр. 2.

власть (волость, или землю Новгородскую) Рюрикъ раздая мужемъ своимъ грады: *овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро*"; „перея всю землю Муромску и Ростовску, и посажа посадничи *по городамъ*"; „сѣдящема Ростиславичема въ княженіи земля Ростовскыя, раздаяла бяста *по городамъ* посадничество Русьскымъ дѣтьскимъ"; „Всеволодъ Чермный сѣде въ Кіевѣ, надѣяся на свою силу, и посла посадники по всѣмъ *городомъ* Кіевскимъ" [51]) и т. д. Итакъ, уже въ глубокой древности, слово *городъ* получило значеніе территоріальнаго дѣленія, и при этомъ употребляется въ источникахъ въ двухъ смыслахъ: 1) въ смыслѣ совокупности территорій, занятыхъ политическимъ союзомъ, пользовавшимся самостоятельностью: это старѣйшіе города, съ подвластными имъ землями; и 2) въ смыслѣ мѣстнаго, провинціальнаго дѣленія: это пригороды, съ тянувшими къ нимъ округами, имѣвшими въ древности, по отношенію къ старѣйшимъ городамъ, значеніе провинцій.

Совокупность мѣстностей, составлявшихъ территорію даннаго общественнаго союза, подчиненную извѣстному пункту, какъ центру правительственному или административному, „тянувшихъ" къ нему, рядомъ съ названіемъ города называлась въ древности и другими словами: *миръ, земля, волость, княжество, государство.*

Словомъ *миръ* въ древности, какъ и въ настоящее время въ народномъ языкѣ, называлась община, союзъ лицъ, въ основаніи взаимныхъ отношеній сочленовъ котораго долженствовало лежать соглашеніе, согласіе, миръ. Въ переносномъ смыслѣ, міромъ называлась земля, занятая общиною [мирская земля — то же, что общинная земля). Отсюда, понятіе *города* въ смыслѣ территоріальнаго дѣленія, и понятіе *мира,* въ переносномъ смыслѣ, являются тождественными, а потому, въ источникахъ, слова *миръ* и *городъ* замѣняютъ одно другое. Такъ, въ Русской Правдѣ, по списку академическому, имѣется слѣдующее постановленіе: „аще поиметь кто чюжь конь, любо оружіе, любо портъ, а познаетъ *въ своемъ миру*: то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду" [52]); въ спискѣ

[51]) П. С. Р. Л. I. стр. 9, 108, 159, 180.
[52]) Р. Пр., ст. 12.

Троицкомъ, въ подобномъ же постановленіи, слово *миръ* замѣнено словомъ *городъ*: „аче кто конь погубить, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ *въ своемъ городѣ*, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны“ [53]). Слова *городъ* и *міръ* выражали собою одно и то же понятіе; одинъ предметъ, указывая только на различныя его стороны: первое на происхожденіе союза, второе на образъ взаимныхъ отношеній его сочленовъ.

По отношенію къ содержанію, городъ въ территоріальномъ смыслѣ носилъ простѣйшее названіе *земли*. Обыкновенно, слово *земля*, въ смыслѣ мѣстности, занятой общиною, упоминается въ памятникахъ рядомъ съ названіемъ пункта, служащаго политическимъ средоточіемъ общины, опредѣляющимъ собою понятіе земли въ данномъ случаѣ, напримѣръ: земля Кіевская, земля Ростовская, земля Деревская и т. д. Но такъ какъ, въ древнѣйшее время, старѣйшіе города, съ подвластными имъ землями, были заселены отдѣльными славянскими племенами, еще не перемѣшавшимися другъ съ другомъ, то въ древнѣйшее время названіе центральнаго пункта, какъ опредѣленіе земли, могло быть замѣняемо, и дѣйствительно замѣнялось, названіемъ того племени, изъ котораго состояла политическая община; напримѣръ, вмѣсто земля Новгородская, земля Кіевская, земля Черниговская, земля Деревская, говорили: земля Славянъ-Новгородцевъ, земля Полянъ, земля Сѣверянъ, земля Древлянъ и т. д., и наоборотъ [54]). Земля имѣла въ древности значеніе такой же опредѣленной, юридической единицы, какъ и городъ, въ смыслѣ мѣстности, занятой извѣстною общиною, какъ это видно изъ древнихъ постановленій, отождествляющихъ понятіе о городѣ съ понятіемъ о землѣ; напримѣръ: „аже будетъ во одиномъ городѣ: то ити истьцю до конца того свода; будетъ ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода,.... а изъ своего города въ чюжу землю свода нѣтуть“; „пришедъ гость изъ иного города или чужеземецъ“ [55]) и проч.

[53]) Ст. 28. Спис. Карамзинскій ст. 29.

[54]) *Костомарова*, Начало единодержавія въ древней Руси, въ *Вѣстникѣ Европы* 1870 г., ноябрь, стр. 28.

[55]) Русская Правда, спис. Троиц., ст. 31, 35, спис. Карамз., ст. 32. 36, 69.

княжества, государства, по отношенію къ верховной власти союза, — различались старѣйшій городъ, какъ политическій, правительственный центръ общины, мѣсто пребыванія верховной власти союза, и младшіе города или пригороды, какъ мѣстные, провинціальные административные центры, подвластные старѣйшему городу.

Съ водвореніемъ въ краѣ варяго-русскихъ князей, произошла было важная перемѣна въ политической системѣ древне-славянскихъ городовъ. Олегъ, по завоеваніи Кіева, избралъ этотъ городъ мѣстомъ своего пребыванія, а въ остальныхъ, завоеванныхъ имъ славянскихъ городахъ, посадилъ своихъ мужей-дружинниковъ, въ качествѣ правителей-намѣстниковъ. При этомъ, Олегъ изъявилъ желаніе поставить всѣ покоренные имъ города, не исключая и старѣйшихъ, по отношенію къ Кіеву, въ положеніе младшихъ къ старшему, пригородовъ къ городу старѣйшему. Такой смыслъ имѣетъ объявленіе Кіева „*матерью* городовъ русскихъ“ [60]). Этимъ устанавливалась новая степень въ іерархіи древне-славянскихъ городовъ: прежніе, независимые, старѣйшіе города Славянскихъ племенъ, покоренные Олегомъ, поставлены ниже Кіева, въ зависимость отъ него, въ качествѣ младшихъ, пригородовъ. Кіевъ долженъ былъ получить то значеніе, какое въ XVI столѣтіи получила Москва въ отношеніи княжествъ удѣльнаго періода. Но послѣдующее размноженіе Рюрикова дома, и вслѣдствіе того, раздѣленіе Россіи на независимые другъ отъ друга удѣлы не дали возможности осуществиться мысли Олега. Съ размноженіемъ княжескаго рода, старѣйшимъ городамъ возвращается то значеніе, какое имѣли они въ эпоху призванія Рюрика. Князья дѣлятъ Кіевскую державу на части и основываютъ „столы“ въ прежнихъ центрахъ политической жизни Славянскихъ племенъ, въ городахъ старѣйшихъ. Спустя двѣсти лѣтъ послѣ Олега, старѣйшіе города Россіи являются такими-же полномочными представителями подвластныхъ земель, какъ и въ эпоху завоеванія ихъ Олегомъ. Пригороды, какъ и прежде, тянули къ старѣйшимъ городамъ и составляли съ

---

[60]) «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ»: «се буди мати градомъ Русскимъ». П. С. Р. Л., I, 10.

ними одно политическое тѣло; старѣйшіе города заслоняютъ передъ княземъ пригороды, сносившіеся съ княземъ чрезъ посредство старѣйшаго города; воля народа, выраженная въ рѣшеніи народнаго собранія, вѣча въ старѣйшемъ городѣ, почиталась за волю всего населенія волости, а потому и рѣшеніе считалось обязательнымъ для всей земли; посады, пригороды, селенія, подвластные старѣйшему городу, имѣли на столько значенія въ общеземскихъ дѣлахъ, на сколько ихъ воля могла проявиться въ рѣшеніяхъ старѣйшаго города.

Слѣдовательно, не смотря на водвореніе въ краѣ варяжскихъ князей и ихъ дружинъ, не смотря на возникновеніе новыхъ городскихъ поселеній, основанныхъ призванными князьями, прежнее понятіе о цѣльности земель, городовъ, волостей, и о прежнихъ вѣчевыхъ центрахъ, какъ правительственныхъ пунктахъ, сохраняется въ полной силѣ. „Новыя городскія поселенія становятся пригородами болѣе древнихъ городовъ, и сами князья подчиняются общему складу народной жизни: вѣчевые центры они считаютъ городами старѣйшими, пригороды, старые или вновь образовавшіеся, столами младшими, и князей сидящихъ на послѣднихъ, князьями, сподручными тому князю, который занимаетъ главный столъ“ [61]).

Въ силу сказаннаго, удѣльная система не нарушила древняго дѣленія земель, занятыхъ Русскими Славянами, на старѣйшіе города и пригороды, не нарушила и отношеній, искони установившихся между ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились древнія понятія о городѣ, и въ томъ числѣ понятіе о городѣ, въ смыслѣ территоріи, занятой общиною, которая пользовавась политическою автономіей, то-есть понятіе земли, волости, княжества, государства. Употребленіе слова *городъ*, въ смыслѣ государственной территоріи, уничтожилось въ языкѣ только тогда, когда княжества, государства, волости удѣльнаго періода соединились въ одно государство, когда Москва получила значеніе единаго старѣйшаго города въ Россіи, а старѣйшіе города древнѣйшей Россіи стали къ

[61]) *Антоновичъ* «О городахъ юго-западной Россіи» стрн. 3.

ней въ отношенія древнихъ пригородовъ къ городамъ старѣйшимъ, получили значеніе провинцій.

Съ объединеніемъ Россіи подъ властію князей Московскихъ, Москва поглотила политическую жизнь княжествъ удѣльнаго періода: удѣльныхъ князей замѣнилъ великій князь Московскій; удѣльные князья и бояре, кромѣ изгнанныхъ, переведены въ Москву и поступили въ составъ „думы" великаго князя; изъ низшаго дворянства высшій слой, подъ названіемъ „дворянъ по выбору" и „жильцевъ", составилъ великокняжескую стражу; высшій слой промышленнаго класса также переведенъ въ Москву подъ названіемъ „гостей", „гостинной" и „суконной сотень". Политическая функція народа изъ старѣйшихъ городовъ древнѣйшей Россіи переносится въ Москву: древнія вѣча съ политическимъ характеромъ уничтожаются въ удѣльныхъ княжествахъ и замѣняются земскими соборами въ Москвѣ, получившими по своему составу и политическому значенію, характеръ отличный отъ вѣчевыхъ собраній древней Россіи. Съ присоединеніемъ къ Москвѣ городовъ-государствъ Новгорода, Вятки и Пскова, Москва сдѣлалась въ Россіи единымъ „царствующимъ градомъ" и стала „указывать" всѣмъ остальнымъ городамъ, вошедшимъ въ составъ Москвы, Московскаго государства. Когда смуты въ началѣ XVII столѣтія дали провинціямъ возможность вспомнить о прежнихъ правахъ въ дѣлѣ избранія государя, то патріархъ Гермогенъ, отвѣчалъ выраженіями, ярко очерчивающими полное поглощеніе политическаго значенія древнихъ старѣйшихъ городовъ Москвою: „дотолѣ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ, и ни которые городы не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ [62]). Въ присоединенныхъ къ Москвѣ государствахъ Московскіе князья не оставили никакихъ учрежденій, около которыхъ могла-бы сохраниться политическая жизнь [63]).

Города-княжества или города-государства древней Россіи

---

[62]) Ак. Арх. Эксп., II, стр. 290, № 169.

[63]) См. *Градовскаго*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, глава IV; *Лохвицкаго*, Губернія, I, стрн. 30 и слѣд.

превратились въ города-пригороды или города-провинціи Москвы, получившей значеніе стольнаго, старѣйшаго города всѣхъ княжествъ и государствъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства. Москва сдѣлалась единымъ старѣйшимъ, стольнымъ городомъ, столицею земли Русской, а стольные, старѣйшіе города удѣльной Руси потеряли ихъ политическое значеніе и были сведены въ значенію административныхъ провинціальныхъ единицъ. Въ началѣ Московскіе князья, довольствуясь уничтоженіемъ политической жизни въ присоединенныхъ къ Москвѣ государствахъ, оставляли предѣлы этихъ государствъ, получившихъ значеніе провинцій, въ томъ объемѣ, какой они имѣли до присоединенія къ Москвѣ; но потомъ политика измѣняется. Мало по малу, крупныя областныя дѣленія, княжества и государства удѣльной Руси раздробляются на множество административныхъ округовъ, поставленныхъ въ непосредственное отношеніе къ Москвѣ; историческая связь между старѣйшими городами и ихъ пригородами прерывается: многіе изъ послѣднихъ выведены изъ подчиненія первымъ и поставлены относительно Москвы въ положеніе, равное положенію старѣйшихъ городовъ. Къ половинѣ XVII столѣтія число городовъ, непосредственно сносившихся съ Москвою, возрасло до двухъсотъ [64]). Каждый городъ-округъ состоялъ изъ центральнаго пункта и приписаннаго къ нему уѣзда, носившаго, подобно волости удѣльнаго періода, названіе центральнаго пункта и состоявшаго изъ извѣстнаго количества разнородныхъ поселеній: посадовъ, пригородовъ, селъ, деревень, починковъ. Эти города-округи или города-уѣзды представляли собою высшее административное дѣленіе территоріи Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Въ силу сказаннаго, съ объединеніемъ Россіи, слово *городъ*, въ смыслѣ территоріальнаго дѣленія, потеряло значеніе территоріи, занятой общиною, пользующеюся политическою автономіей, и сохранило только значеніе провинціальнаго, административнаго

---

[64]) Ср. Ак. Истор., II, № 355; Кн. Разряд., II, стр. 888—936; Двор. Разр., I, стрн. 730—746.

дѣленія государственной территоріи, что и продолжалось до новаго административнаго раздѣленія государственной территоріи въ XVIII столѣтіи. Новыя названія территоріальныхъ дѣленій: *губернія, провинція, уѣздъ* и проч. вытѣснили собою употребленіе слова *городъ* въ смыслѣ территоріальнаго дѣленія. Въ новой Россіи слову *городъ* стали соотвѣтствовать два новыя понятія, неизвѣстныя въ древности: 1) значеніе центра мѣстной администраціи, объявленнаго городомъ со стороны правительства, и 2) значеніе промышленнаго пункта, признаннаго таковымъ правительствомъ. Не требовалось, чтобъ эти пункты были укрѣплены: для образованія города требовалось только, чтобы законъ объявилъ данныя мѣстности городами, въ качествѣ административныхъ или промышленныхъ центровъ. Зародились такія понятія о городѣ еще въ древней Россіи, но сознаны и утверждены законодательствомъ только въ XVIII столѣтіи.

Города древней Россіи, въ смыслѣ территоріальныхъ, провинціальныхъ дѣленій, какъ мы замѣтили, состояли изъ центральныхъ пунктовъ и совокупности тянувшихъ къ нимъ поселеній, составлявшихъ собою ихъ округи, волости или уѣзды. Центральные пункты, прежде всего имѣли значеніе крѣпостей, военныхъ центровъ, въ которыхъ укрывалось и защищалось населеніе округа отъ внѣшнихъ нападеній, и въ силу такого значенія носили названіе городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ. Но города, въ послѣднемъ смыслѣ, съ глубокой древности имѣли значеніе не только военныхъ центровъ, но и центровъ администраціи: они были мѣстами соприкосновенія народа съ властью, средоточіями гражданскаго управленія, суда, финансовъ, народной промышленности. Тѣмъ не менѣе, центральные пункты территоріальныхъ дѣленій, не смотря на ихъ административное значеніе, назывались городами не въ силу своего административнаго значенія, а въ силу значенія военнаго, какъ крѣпости, убѣжища народа во время опасности отъ внѣшнихъ враговъ.

Съ теченіемъ времени, наоборотъ, признакомъ города, какъ провинціальнаго, уѣзднаго центра, является не военное значеніе его, а административное, какъ мѣстопребываніе мѣстныхъ вла-

стей, какъ центра соприкосновенія народа съ властью, какъ средоточія гражданскаго управленія, суда, финансовъ.

Такая перемѣна въ значеніи городовъ была слѣдствіемъ вліянія новыхъ историческихъ условій народной жизни. Въ древности не было центровъ провинціальной, уѣздной администраціи, не укрѣпленныхъ. Общественныя власти, имѣвшіе всеуѣздное значеніе, помѣщались всегда въ городахъ, мѣстахъ укрѣпленныхъ, болѣе безопасныхъ. Въ послѣдствіи времени, съ расширеніемъ предѣловъ государства, съ укрѣпленіемъ границъ государственной территоріи, съ развитіемъ учрежденія пограничной стражи, съ увеличеніемъ личныхъ средствъ военной защиты, нужда въ укрѣпленныхъ пунктахъ во внутреннихъ областяхъ государства значительно уменьшается; съ другой стороны, изобрѣтеніе пороха и пушекъ сдѣлало древнія деревянныя укрѣпленія русскихъ городовъ мало надежными средствами защиты. Въ силу этихъ обстоятельствъ, число укрѣпленныхъ пунктовъ древней Россіи быстро уменьшается, и древніе города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, превращаются въ поселенія не укрѣпленныя. Къ половинѣ XVII столѣтія, въ большинствѣ древне-русскихъ укрѣпленныхъ поселеній укрѣпленія разрушены временемъ и вновь не были возобновлены, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти поселенія теряютъ значеніе военныхъ центровъ, крѣпостей. Но съ потерею укрѣпленій, не всѣ изъ древнихъ городовъ-крѣпостей теряютъ названіе городовъ: тѣ изъ нихъ, которые оставались центрами мѣстнаго, провинціальнаго управленія, по традиціи, по старой привычкѣ, продолжали называться городами, хотя, съ потерею укрѣпленій, эти поселенія теряли значеніе города-крѣпости, военнаго центра. При дальнѣйшемъ увеличеніи количества не укрѣпленныхъ пунктовъ поселенія, имѣвшихъ значеніе административныхъ центровъ, и съ другой стороны, при пропорціональномъ уменьшеніи центровъ администраціи укрѣпленныхъ, слово *городъ* теряетъ значеніе военнаго центра, укрѣпленнаго пункта, и замѣняется словомъ *крѣпость*, а въ замѣнъ того, получаетъ значеніе центра администраціи, пункта помѣщенія мѣстныхъ, провинціальныхъ, уѣздныхъ властей. Такое значеніе придано слову *городъ* уже въ первомъ

раздѣленіи Россіи на губерніи и уѣзды, при Петрѣ Великомъ. Съ того времени, рядъ узаконеній учреждаетъ города въ однихъ мѣстахъ и упраздняетъ въ другихъ, руководствуясь удобствами внутренняго, гражданскаго управленія государствомъ, а не мотивами защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Такъ, въ 1764 году, было послано губернаторамъ предписаніе доставить въ столицу свѣдѣнія о томъ, какіе города можно уничтожить, какъ удобнѣе разграничить уѣзды, гдѣ можно учредить коммисарства съ штатнымъ числомъ канцелярскихъ служителей, гдѣ нужно оставить магистраты и ратуши, не выключая изъ этого числа и тѣхъ городовъ, которые по новому распредѣленію предполагалось оставить безъ уѣздовъ, чтобъ эти города не пришли въ упадокъ; съ другой стороны, если бы оказалось, что города, оставленные прежде за штатомъ, удобнѣе для управленія, то ихъ возстановить въ прежнемъ значеніи, а вмѣсто ихъ исключить другіе: „которые города хотя и выключены изъ штата, но способностію для учрежденія воеводскихъ канцелярій лучше, то таковые назначать, а неспособно лежащіе, хотя бы оные и въ штатномъ числѣ состояли, исключить“ [65]). На основаніи этого указа, по полученіи отъ губернаторовъ требуемыхъ свѣдѣній, былъ составленъ списокъ городамъ, положеннымъ въ „штатъ“, то-есть, пунктамъ, назначеннымъ административными центрами (всего 165 городовъ и 13 пригородовъ), и другой списокъ городамъ, лишеннымъ этого значенія, оставленнымъ „за штатомъ“ (всего 51 городъ). Для образованія центровъ администраціи, многіе посады и селенія переименованы въ города, нѣкоторые города основаны на пустыхъ, не заселенныхъ пунктахъ, признанныхъ „способными“. У города, признаннаго „неспособно лежащимъ“, отнимался штатъ уѣзднаго управленія, приписанный до того времени къ нему округъ-уѣздъ дѣлался вмѣстѣ съ нимъ подвѣдомственнымъ сосѣднему штатному городу, и такимъ образомъ, городъ превращался въ сельское поселеніе, если за нимъ не сохранялось правъ города въ другомъ отношеніи, въ значеніи привилегированнаго пункта мѣстной про-

---

[65]) Полн. Собр. Зак., XVI, № 12259.

мышленности, какъ „безопаснаго пристанища торга и рукодѣлій“.

Такимъ образомъ слово *городъ* получило значеніе центра администраціи, учреждаемаго правительствомъ, и это значеніе остается за нимъ и до настоящаго времени. Въ такомъ-то значеніи слово *городъ* употреблено въ слѣдующемъ предписаніи императрицы Екатерины II, обращенномъ къ коммиссіи о „порядкѣ государства въ силѣ общаго права:“ „предметъ права общаго есть... учрежденіе и распредѣленіе частей цѣлаго общества для лучшаго наблюденія въ немъ порядка: 1) въ раздѣленіи всего государства на намѣстничества, или губерніи; 2) въ раздѣленіи намѣстничествъ на области или провинціи; 3) въ раздѣленіи областей на уѣзды; 4) *уѣздъ предполагаетъ городъ*. Слѣдовательно, *надлежитъ означить степени городамъ*“ [66]).

Въ настоящее время города, въ смыслѣ административныхъ пунктовъ, имѣютъ двѣ степени: 1) губернскіе или областные и 2) уѣздные. Различіе между ними основано на отношеніи, въ которомъ они поставлены правительствомъ къ администраціи края: въ губернскомъ городѣ сосредоточивается администрація всей губерніи, или области, въ уѣздномъ—администрація ея части, уѣзда.

Рядомъ съ значеніемъ центра провинціальной администраціи, слово *городъ*, въ новое время, получило значеніе привилегированнаго *пункта народнаго поселенія, какъ центра торговаго и ремесленнаго*. Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи, городъ, въ смыслѣ укрѣпленнаго, заселеннаго пункта, заключалъ въ себѣ двѣ части: 1) мѣсто внутри укрѣпленія — городъ собственно, „городская осада“, и 2) заселенныя мѣстности, лежавшія непосредственно за укрѣпленіемъ, внѣ его,—мѣста, посады, слободы. Историческое происхожденіе послѣднихъ было слѣдующее: по иниціативѣ самого народа или по распоряженію правительства, въ данной мѣстности, долженствовавшей сдѣлаться пунктомъ народнаго поселенія, сооружалось городское укрѣпленіе; первоначальный выселокъ селился, осаживался, *осаждался* внутри укрѣпленія,

---

66) Начертаніе о приведеніи къ окончанію коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, ч. I.

образуя „городную осаду“. Съ теченіемъ времени, размѣры пространства земли, обнесенной оградою, становились недостаточными, чтобы вмѣстить въ себѣ увеличившееся населеніе первоначальнаго города: выселокъ размножался путемъ нарожденія новыхъ членовъ, подъ защиту новаго города-укрѣпленія приходили выходцы изъ сосѣднихъ городовъ и селеній, а потому, бѣднѣйшіе члены общины и новые пришельцы принуждены были выходить за стѣны города и *садиться на свободѣ*, то-есть, *на мѣстахъ* внѣ городскаго укрѣпленія, образуя собою заселенныя мѣстности, окружавшія городъ-осаду (кремль, кремъ, кромъ, кромный городъ, кремникъ, дѣтинецъ) и носившія, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, различныя названія; *мѣста, застѣнья, околотки, охабни, слободы и посады*. Такимъ образомъ, съ самаго начала образованія посадовъ, въ нихъ должны были сосредоточиваться бѣднѣйшіе классы народонаселенія. Такими мы и встрѣчаемъ посады въ историческое время: въ нихъ живетъ преимущественно промышленный, торговый, ремесленный и чернорабочій классы, въ противоположность городамъ-осадамъ, какъ преимущественнымъ мѣстамъ жительства богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ классовъ: князей, бояръ, высшаго духовенства, служилыхъ людей.

Первоначально посады отличались отъ другихъ видовъ народныхъ поселеній только фактически, а не юридически. Всѣ поселенія древнѣйшей Россіи представляли собою лѣстницу фактическихъ различій, ступени которой не были замкнуты юридически, то-есть, опредѣлены законодательствомъ: по мѣрѣ увеличенія населенія, богатства, данное поселеніе само собою поднималось на слѣдующую степень, и починокъ, переходя ступени деревни, села, рядка, достигалъ значенія города, внѣшнимъ образомъ выражавшагося въ построеніи укрѣпленій; точно также, поселеніе высшаго порядка могло спуститься къ значенію низшаго, подъ вліяніемъ чисто фактическихъ условій; такимъ образомъ, какъ скоро изчезало укрѣпленіе въ данномъ поселеніи, оно теряло значеніе города, или переставало вовсе называться именемъ города, или безразлично называлось то городомъ, то сельскимъ поселеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и земля посадовъ не была выдѣлена юридиче-

ски изъ территоріи государства; каждый могъ пріобрѣсти землю на посадѣ и поселиться на ней, а равно оставить посадъ, когда ему угодно; законъ не запрещалъ расширять размѣры стараго города или построить при укрѣпленіи существовавшемъ новое укрѣпленіе и тѣмъ превратить посадъ въ городъ. Съ разрушеніемъ укрѣпленій, посадъ превращался въ поселеніе, удаленное отъ городовъ, не укрѣпленное, и потому переходилъ въ разрядъ сельскихъ поселеній.

Юридическое выдѣленіе посадовъ изъ ряда другихъ поселеній на государственной территоріи является со времени образованія въ государствѣ сословія служилыхъ людей, съ одной стороны, и крестьянскаго сословія, съ другой, подъ вліяніемъ политики Московскихъ государей, когда масса народонаселенія государства была раздѣлена на юридически разграниченныя группы, и каждой изъ нихъ былъ назначенъ особый видъ дѣятельности и особенныя мѣста жительства, перемѣнить которыя никто не имѣлъ права безъ воли государства. Въ періодъ Московскаго государства большинство древне-русскихъ городовъ-осадъ и всѣ города, вновь основанные князьями, получаютъ значеніе исключительно военно-административныхъ пунктовъ; въ нихъ помѣщаются воеводы, служилые, военные и приказные люди, осадные дворы, куда перебиралось уѣздное населеніе во время нашествія непріятеля, и правительственныя учрежденія: приказныя избы, губныя избы, тюрьмы и сторожки, а также погреба съ пороховою и свинцовою казной и запасные склады. Наоборотъ, посады въ то же время получаютъ значеніе центровъ общественной жизни, въ тѣсномъ смыслѣ слова; на нихъ сосредоточиваются классы промышленныхъ людей и общинныя учрежденія: классы торговыхъ, ремесленныхъ и чернорабочихъ людей, тяглые люди, гостинные дворы; земскія избы, таможни. Посадскіе и уѣздные люди перебирались въ городъ-осаду только временно, во время нашествія непріятеля.

Каждый изъ древне-русскихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія, то-есть, въ понятіи, заключавшемъ въ себѣ понятія осады и посада, какъ составныя части, имѣлъ троякое значеніе: 1) значеніе центра военной администра-

ціи, 2) значеніе центра гражданской администраціи и 3) значеніе пункта общественной жизни. Въ качествѣ военнаго центра, городъ былъ пунктомъ помѣщенія военныхъ учрежденій и мѣстомъ жительства лицъ, принадлежавшихъ къ военному сословію; въ качествѣ центра администраціи гражданской, городъ является мѣстомъ помѣщенія учрежденій гражданскаго управленія и мѣстомъ жительства приказныхъ людей, властей гражданскихъ; въ качествѣ центра общественной жизни, городъ былъ мѣстомъ жительства общины, лицъ неслужилыхъ, принадлежавшихъ къ промышленнымъ классамъ, и мѣстомъ помѣщенія общинныхъ учрежденій. Въ періодъ Московскаго государства, мѣстомъ пребыванія лицъ служилаго сословія, военныхъ и приказныхъ людей, сдѣлалась внутренняя часть города, осада, мѣсто внутри укрѣпленія, а промышленные классы сосредоточились на внѣшней части города, внѣ ограды, на посадахъ. Съ паденіемъ въ данномъ городѣ укрѣпленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ утратой имъ значенія военнаго центра, за городомъ оставались только два значенія: 1) центра мѣстной гражданской администраціи, 2) центра общинной жизни, пункта народнаго поселенія, населеннаго промышленными людьми. Наконецъ, съ утратою значенія центра мѣстнаго, гражданскаго управленія, за городомъ оставалось только одно значеніе—значеніе общественное, какъ пункта народнаго поселенія, населеннаго промышленными, тяглыми людьми.

Съ разрушеніемъ укрѣпленій въ данномъ городѣ, съ потерей имъ значенія центра военнаго и административнаго, внутренняя его часть, осада, теряла прежнее значеніе и обращалась въ посадскую землю; служилые люди и военныя, правительственныя учрежденія переводились въ другой городъ, а прежній, съ того времени, въ полной цѣлости, получалъ значеніе, а съ нимъ и названіе посада. Въ древнѣйшей Россіи посады были только пригородными поселеніями, расположенными возлѣ городскихъ укрѣпленій, подъ ихъ защитою; посадовъ, удаленныхъ отъ городовъ, мы не видимъ въ древности до времени образованія Московскаго государства. Въ смыслѣ поселеній, населенныхъ промышленными людьми, существующихъ отдѣльно отъ городовъ,

отъ нихъ удаленныхъ, посады явились результатомъ уничтоженія военнаго и административнаго значенія въ древне-русскихъ городахъ: городское поселеніе, въ которомъ время или нашествіе непріятеля, или распоряженіе правительства уничтожали укрѣпленія и отнимали значеніе центра гражданскаго управленія, теряло названіе города и называлось посадомъ или слободою, пока не возвращалось къ нему прежнее значеніе. Въ новой Россіи, при новыхъ раздѣленіяхъ государственной территоріи на губерніи и уѣзды, у многихъ изъ древнихъ городовъ отнято правительствомъ значеніе центровъ военныхъ и административныхъ, но при этомъ не отнято названіе городовъ. Подъ именемъ городовъ заштатныхъ эти поселенія уравнены съ древними посадами: заштатные города были народными поселеніями, населенными преимущественно торговыми, ремесленными и чернорабочими людьми, то-есть, промышленными центрами, пользовавшимися различными правами и преимуществами, отличавшими ихъ отъ поселеній сельскихъ. Съ этого времени, слово *городъ* стало означать привилегированный пунктъ народнаго поселенія, въ качествѣ промышленнаго центра надѣленный разными правами и соотвѣтствующими правамъ обязанностями и получившій характеръ юридическаго лица, основаннаго правительствомъ. Послѣднее значеніе утверждено за городомъ по законодательству Императрицы Екатерины II и сохраняется за нимъ до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, *изъ всѣхъ значеній, какія соотвѣтствовали слову городъ въ прямомъ смыслѣ или мѣстномъ, къ концу прошедшаго столѣтія остались за нимъ только два: 1) значеніе центра провинціальной администраціи, учреждаемаго правительствомъ, и 2) значеніе центра промышленной жизни общества, пункта поселенія, признаннаго городомъ правительствомъ, населеннаго торговыми и ремесленными людьми и получившаго отъ правительства атрибуты юридическаго лица.*

Отъ мѣста жительства названіе города перешло на его обитателей, и городомъ стали называться различные общественные союзы, члены которыхъ были связаны общими отношеніями съ

мѣстностью, носившею названіе города въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами значеній. Слово *городъ* стало означать населеніе мѣстностей, называвшихся городами въ мѣстномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописяхъ нерѣдко читаемъ извѣстія въ родѣ слѣдующаго: Изяславъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ „взяша Всеволожь градъ на щитъ, и ина въ немъ бяста два города вошла. Слышавше иніи гради, Уненѣжъ, Бѣлавѣжа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Чернигову, и иніи гради мнози бѣжаша. Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, послаша по нихъ и постигоша на поли, и ту взяша ты три городы, а иніи уйдоша, Изяславъ же повелѣ засечи грады ты“ [66]). По поводу этого мѣста лѣтописи Неволинъ замѣтилъ: „Глазамъ читателя представляется здѣсь чудная фантасмагорія: «города» бѣжатъ, «города» скрываются въ «городахъ», «города» ловитъ Изяславъ на полѣ; но фантасмагорія изчезаетъ, какъ скоро мы вспомнимъ, что все это надобно разумѣть о «жителяхъ города» [67]).

При помощи предложеннаго очерка историческаго развитія мѣстныхъ значеній слова *городъ*, не трудно опредѣлить фазисы развитія значеній переносныхъ, личныхъ, такъ какъ понятіе о городѣ въ переносномъ смыслѣ развивалось соотвѣтственно развитію понятія о городѣ въ прямомъ смыслѣ.

Между мѣстными значеніями слова *городъ*, первоначальнымъ, древнѣйшимъ было значеніе укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія; между переносными, личными, ему соотвѣтствуетъ представленіе населенія укрѣпленнаго пункта. Послѣднее значеніе слово *городъ* имѣетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „убьенъ бысть князь Изяславъ и вземше тѣло его, привезоша и въ лады и поставиша противу Городьцю: *изидъ противу ему весь городъ Кыевъ*“ и пр. [68]).

Съ постепеннымъ расширеніемъ мѣстнаго понятія о городѣ, расширялось постепенно и переносное, захватывая въ себя населеніе мѣстностей, прилегавшихъ и тянувшихъ къ первоначально-

---

[66]) П. С. Р. Л. II. стр. 36, 1147 г.
[67]) Пол. Соб. Соч., VI, 28.
[68]) Пол. С. Р. Л. I, 86, 1078 г.

му, старѣйшему городу, увеличивавшее собою общину первоначальнаго, старѣйшаго города. Въ конечномъ развитіи, городъ въ территоріальномъ смыслѣ означаетъ совокупность всѣхъ мѣстностей, занятыхъ данною общиною, куда входили, какъ составныя части, города, посады, села, деревни и починки; соотвѣтственно тому, городъ, въ личномъ смыслѣ, сталъ означать совокупность обитателей всѣхъ мѣстностей, составлявшихъ собою територію извѣстнаго политическаго союза, куда входили, какъ составныя части, представленія о жителяхъ старѣйшаго города и жителяхъ его посадовъ, пригородовъ, селъ, деревень и починковъ. Слово *городъ* стало означать личный элементъ политическаго союза, населеніе всѣхъ мѣстностей, занятыхъ общиною. Такое значеніе слово *городъ* имѣетъ, напримѣръ, въ извѣстномъ разсказѣ лѣтописи объ отношеніяхъ старѣйшихъ городовъ къ пригородамъ [69]). Въ упоминаемомъ извѣстіи, какъ и въ другихъ, ему подобныхъ, подъ городами-волостями должно разумѣть не только населеніе Новгорода, Смоленска, Полоцка, Ростова, Чернигова и т. д. городовъ, въ смыслѣ пунктовъ народнаго поселенія, но населеніе этихъ пунктовъ, совмѣстно съ населеніемъ всѣхъ другихъ поселеній, составлявшихъ съ ними одинъ политическій союзъ. На вѣчахъ старѣйшихъ городовъ, по крайней мѣрѣ фиктивно, присутствовало все свободное населеніе общины [70]).

Въ составъ города-волости-земли-государства могли входить много городовъ-пригородовъ-уѣздовъ-провинцій, состоявшихъ изъ города, цетнральнаго пункта и тянувшаго къ нему округа, который заключалъ въ себѣ посады и сельскія поселенія. Городу-пригороду-уѣзду-провинціи, въ переносномъ смыслѣ, соотвѣтствовало представленіе населенія пригородовъ, съ ихъ округами. Городъ, рядомъ съ значеніемъ политическаго союза въ полной цѣ-

---

[69]) П. С. Р. Л. I, стр. 160, 1176 г. »Новгородци бо изначала и Смоляне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригорода станутъ; а *здѣ городъ старый Ростовъ и Суждаль* и вси боляре, *хотяще свою правду поставити не хотяху створити правды Божья, но «како намъ любо», рекоша, также створимъ, Володимеръ есть пригородъ нашъ»*.

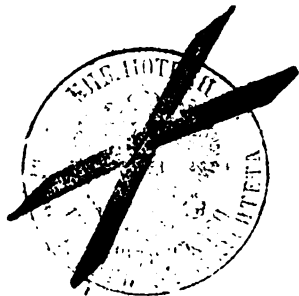
[70]) См. *Сергѣевича*, Вѣче и Князь, глава II.

сится къ опредѣленной мѣстности, во-второмъ, къ лицамъ, занимающимъ эту мѣстность, къ горожанамъ, къ городскимъ обывателямъ. Въ каждой изъ этихъ группъ различаются нѣсколько однородныхъ подраздѣленій. Значенія прямыя могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ: 1) городъ въ смыслѣ ограды, укрѣпленія, городскихъ стѣнъ; 2) городъ въ смыслѣ укрѣпленной мѣстности вообще, и укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія въ частности; 3) городъ въ смыслѣ территоріальнаго дѣленія политическаго или административнаго характера; 4) городъ въ смыслѣ административнаго и промышленнаго центра. Значенія слова городъ переносныя могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: 1) городъ въ смыслѣ общественнаго союза, не имѣющаго сословнаго характера и 2) городъ въ смыслѣ мѣстной, сословной корпораціи, юридическаго лица, созданнаго правительствомъ черезъ приписку извѣстныхъ лицъ къ данному промышленному центру.

Между перечисленными значеніями, города въ смыслѣ укрѣпленій могутъ составить собою предметъ спеціальныхъ изслѣдованій о способахъ древне-русской фортификаціи, а города въ смыслѣ территоріальныхъ дѣленій уже составляютъ предметы спеціальныхъ изслѣдованій о государствѣ и провинціи въ тотъ или другой періодъ нашей исторіи: но какъ тѣ, такъ и другія значенія не имѣютъ прямаго отношенія къ изученію города и городской жизни въ спеціальномъ смыслѣ. По исключеніи этихъ значеній, за исторіей русскаго города, въ спеціальномъ смыслѣ, остаются только города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія и города въ смыслѣ исключительно административныхъ и исключительно промышленныхъ центровъ, съ соотвѣтствующими имъ переносными. Значенія исключительныхъ центровъ администраціи и исключительныхъ центровъ, такъ-называемой, городской промышленности русскіе города стали получать не ранѣе XVIII столѣтія и сохранили ихъ до настоящаго времени, а потому эти значенія могутъ быть названы новыми, въ противоположность значеніямъ города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія какъ древнимъ.

Такъ какъ историческое изученіе должно быть начато съ древней эпохи, то предметомъ исторіи древне-русскаго города должны быть не исключительные центры администраціи и не исключительные центры городской промышленности, съ соотвѣтствующими имъ переносными, а города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія.

Въ этомъ смыслѣ древне-русскіе города оставались до новѣйшаго времени внѣ ученыхъ спеціальныхъ изслѣдованій, хотя, какъ увидимъ ниже, играли первенствующую роль въ исторіи образованія и развитія русскаго государства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Количество городовъ въ Россіи до татарскаго времени.

Новѣйшіе историки насчитываютъ около 350 городовъ въ Россіи до татарскаго времени [1]); мы находимъ ихъ, въ тотъ же періодъ, *нѣсколько тысячъ*. Прежде изложенія фактовъ, представляемыхъ источниками въ доказательство сказаннаго положенія, считаемъ полезнымъ остановиться на движеніи въ наукѣ вопроса о количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи.

До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія изслѣдователи русской старины не останавливались на вопросѣ о количествѣ городовъ, существовавшихъ въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи. При неограниченномъ господствѣ теорій, созданныхъ Шлецеромъ и Карамзинымъ, о пустынности земель, дикости нравовъ и разсѣянномъ бытѣ славянскихъ племенъ до призванія Варяговъ Норманновъ, будто-бы, построевшихъ первые города на Руси и сосредоточившихъ въ эти города до того времени разсѣянные славянскіе народы — славянскіе города древнѣйшей эпохи

---

[1] С. М. Соловьевъ: «О количествѣ городовъ въ русскихъ княжествахъ древней Россіи *можно имѣть приблизительное понятіе*, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ. Въ Кіевскомъ княжествѣ можно насчитать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ Туровскомъ болѣе 10; въ Черниговскомъ съ Сѣверскимъ, Курскимъ и землею Вятичей около 70; въ Рязанскомъ около 15; въ Переяславскомъ около 40; въ Суздальскомъ около 20; въ Смоленскомъ около 8; въ Полоцкомъ около 16; въ Новгородскомъ около 15. Слѣдовательно, *во всѣхъ русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ*». Исторія Россіи, т. III, стрн. 41, изд. 1862 г.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «*всѣхъ городовъ въ до-татарское время насчитываютъ до 300*». Русская исторія, гл. IV, стрн. 257, изд. 1872 г.

не обратили на себя вниманія ученыхъ того времени. Никто не считалъ нужнымъ посвятить свой трудъ собранію и критической обработкѣ историческихъ свидѣтельствъ въ отношеніи количества и политическаго значенія древне-славянскихъ городовъ и тѣмъ провѣрить господствовавшія въ наукѣ воззрѣнія [2]). Съ появленіемъ изслѣдованій Шафарика о славянскихъ древностяхъ сдѣлалось яснымъ, что въ странахъ между Понтомъ и Бельтомъ была несравненно большая и населенность и образованность и общественная дѣятельность, нежели какъ думали Шлецеръ, Карамзинъ и ихъ послѣдователи, что земли, кои заняты были славянскими племенами и вошли въ составъ Россіи заключали въ себѣ много городовъ задолго до прибытія Варяговъ [3])

Со времени Шафарика стали появляться въ ученой литературѣ спеціальныя изслѣдованія о количествѣ городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода. Изучая и сравнивая эти изслѣдованія, нельзя не замѣтить, что съ появленіемъ каждаго изъ нихъ, списокъ городовъ древнѣйшей Россіи увеличивался, соотвѣтственно расширенію круга источниковъ, которыми пользовались авторы.

Такъ М. А. Соловьевъ, желая пополнить замѣченный имъ недостатокъ инвентарія древней земли русской въ ученой литературѣ своего времени, насчиталъ до 150 городовъ въ Россіи до XIII вѣка [4]).

Авторъ пользовался только однимъ спискомъ нашихъ лѣтописей, Кенигсбергскимъ, какъ доказываетъ сличеніе его списка городовъ съ географическимъ указателемъ, помѣщеннымъ въ академическомъ изданіи помянутаго списка [5]).

М. П. Погодинъ, въ изслѣдованіи „о городахъ и предѣлахъ первыхъ русскихъ княжествъ“ насчитываетъ уже до 300 городовъ въ Россіи до татарскаго времени [6]).

Погодинъ пользовался двумя списками нашихъ лѣтописей,

---

[2]) См. выше.
[3]) Слав. Древн. т. I, кн. II, стр. 418—420, т. II, кн. I стр. 237 и др.
[4]) Энц. Лексик. т. XV, стр. 16 и 17.
[5]) Лѣтопись Нестора съ прод. по Кен. сп. 1767 г. «Реестръ».
[6]) Изслѣд. Замѣч. и Лекц. т. IV, Ш, стр. 148—323.

какъ доказываетъ изученіе составленныхъ имъ списковъ городовъ и собственное сознаніе автора [7]).

Въ „общемъ спискѣ русскихъ городовъ", составленномъ Неволинымъ [8]), въ періодѣ между 862 и 1238 гг. встрѣчаемъ болѣе 50 городовъ, не внесенныхъ въ списки Погодина [9]).

Неволинъ, при составленіи своего списка, пользовался географическими указателями, составленными Строевымъ къ Софійскому временнику и Исторіи Государства Россійскаго Карамзина, какъ доказываетъ сличеніе его списка древнѣйшихъ городовъ Россіи съ упомянутыми указателями и собственное сознаніе автора [10]).

По справедливому замѣчанію Неволина „полный списокъ русскихъ городовъ можетъ быть составленъ только на основаніи всѣхъ источниковъ отечественной исторіи" [11]).

Но такъ какъ, его списокъ и списокъ Погодина составлены не на основаніи всѣхъ источниковъ нашей исторіи, а только на незначительной части ихъ, то и нельзя ожидать, чтобы въ эти списки вошли всѣ города, упоминаемые источниками въ Россіи до татарскаго времени. Въ каждой лѣтописи и даже почти въ каждомъ спискѣ нашихъ лѣтописей встрѣчаются указанія на города, неизвѣстные по другимъ лѣтописямъ и по другимъ спискамъ. Кромѣ того, встрѣчаются по лѣтописямъ неизвѣстныя, многія и важныя указанія на города древнѣйшей Россіи у иностранныхъ писателей и въ древнѣйшихъ актахъ. Слѣдовательно, составить полный списокъ городовъ до татарской Россіи, упоминаемыхъ въ источникахъ, руководствуясь однимъ, даже нѣсколькими списками нашихъ лѣтописей, или Исторіей Карамзина, сочиненіемъ историческимъ, нѣтъ никакой возможности.

Нынѣ г. Барсовъ, положивъ въ основаніе своихъ „Матеріаловъ для историко-географическаго словаря Россіи" почти всѣ напечатанные отечественные источники изученія древне-русской

---

[7]) Тамъ-же стр. 146.
[8]) Полн. Соб. Соч. т. VI, стр. 36—95.
[9]) Сл. списки Погодина и Неволина.
[10]) Общ. спис. гор. стр. 32 и 33.
[11]) Тамъ-же, ст. 32.

географіи [12]), называетъ около 100 городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода, поименованныхъ въ древнихъ актахъ и лѣтописяхъ и болѣе 200 древнѣйшихъ городовъ, перечисленныхъ въ географическомъ отрывкѣ Воскресенской лѣтописи, но не внесенныхъ въ списки древнѣйшихъ городовъ, составленные гг. Погодинымъ и Неволинымъ.

Но и словарь Барсова далеко не заключаетъ въ себѣ всего количества городовъ до татарскаго времени. Такъ, напримѣръ, въ немъ безъ основаній названы селеніями, деревнями, или совсѣмъ пропущены до 50 городовъ, поименованныхъ въ спискѣ Неволина, что объясняется тѣмъ, что авторъ, при составленіи своего словаря и пользовался спискомъ Неволина [13]).

Дополнивъ списокъ Неволина городами древнѣйшей Россіи перечисленными въ словарѣ Барсова, мы получаемъ уже не 300 городовъ, число, по понятіямъ нашихъ новѣйшихъ историковъ, исчерпывающее собою количество городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, а въ два раза болѣе. Но и число 600 едва-ли заключаетъ въ себѣ не только все количество городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, но даже то ихъ количество, какое называется въ совокупности дошедшихъ до нашего времени памятникахъ исторіи. Къ такому сомнѣнію привели насъ нижеслѣдующіе историческіе соображенія и факты.

Замѣчаніе Неволина: „не смотря на всѣ источники, на всѣ пособія, какіе представляются для составленія списка городовъ русскихъ, настоящее время еще очень далеко отъ того, чтобъ можно было его составить вполнѣ удовлетворительно“ [14]), имѣетъ особенную силу въ примѣненіи къ составленію списка русскихъ городовъ древнѣйшей эпохи. Дѣйствительно, существующіе списки городовъ до татарскаго времени, не только относительно вопросовъ мѣстоположенія, времени основанія и времени уничтоженія того или другаго города, но также и относительно

[12]) Географ. Словарь русск. земли. 1865 г. Пред. стрн. VII и VIII.
[13]) Тамъ-же, ст. 1.
[14]) Неволинъ. П. Р. С. т. VI, стр. 33.

количества, вполнѣ неудовлетворительны: да, скажемъ болѣе, и не могутъ быть удовлетворительными, при нынѣ имѣющихся въ распоряженіи науки источникахъ и при нынѣ существующихъ въ ней пріемахъ составленія списковъ. Въ настоящее время за отсутствіемъ вспомогательныхъ средствъ, трудъ составленія полнаго и вѣрнаго списка древне-русскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ источникахъ, на основаніи всей совокупности послѣднихъ, дѣло очень трудное и едва-ли подъ силу одному ученому. Но если и будутъ составлены географическіе указатели ко всѣмъ изданнымъ памятникамъ нашей исторіи, то и тогда множество городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, не попадетъ въ списокъ, составленный на основаніи извѣстій всѣхъ изданныхъ источниковъ нашей исторіи по слѣдующимъ причинамъ: 1) источниковъ спеціально географическихъ, гдѣ-бы были поименованы всѣ города изучаемой эпохи, не имѣется въ распоряженіи науки: 2) множество списковъ нашихъ лѣтописей остается, да вѣроятно и останется неизданнымъ; а между тѣмъ, въ каждомъ изъ изданныхъ списковъ попадаются извѣстія о городахъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ спискахъ, 3) дошедшіе до нашего времени писанные памятники, будучи почти исключительно историческаго, а не географическаго свойства, не заключаютъ въ себѣ всего количества городовъ, существовавшихъ въ древнѣйшей Россіи. На основаніи сказаннаго, мы не можемъ согласиться съ заключеніемъ уважаемаго историка, С. М. Соловьева, по которому: „о количествѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ древнѣйшей Россіи, можно имѣть *приблизительное* понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ [15]).

При посредствѣ указаннаго здѣсь пріема, можно составить не приблизительно вѣрное, но самое невѣрное понятіе о количествѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ древнѣйшей Россіи. Этотъ способъ могъ бы быть вѣренъ только въ томъ случаѣ, если бы наши лѣтописи были географическія сочиненія, а не

---

[15]) Ист. Рос. т. Ш, стр. 39.

историческія повѣствованія, какими они представляются въ дѣйствительности. Этотъ именно способъ составленія „полнаго списка древне-русскихъ городовъ“ употребленный г. М. А. Соловьевымъ, Погодинымъ и Неволинымъ, привелъ новѣйшихъ историковъ къ фундаментальному заблужденію, источнику многихъ производныхъ, по которому въ Россіи до татарскаго времени, „всѣхъ городовъ“ насчитывается „около 300“ или „300 слишкомъ“.

Выборъ изъ лѣтописи названій городовъ древнѣйшаго періода, въ отношеніи къ составленію понятія о количествѣ городовъ этой эпохи, важенъ только въ слѣдующемъ смыслѣ: если въ историческомъ повѣствованіи, упоминающемъ о городахъ только случайно, встрѣчаемъ до 600 городовъ, существовавшихъ въ до-монгольскій періодъ и называемыхъ лѣтописями, то, по всей вѣроятности, въ дѣйствительности ихъ было несравненно болѣе.

Затѣмъ, для составленія болѣе точнаго понятія о количествѣ городовъ изучаемой эпохи, не ограничиваясь спискомъ городовъ, именуемыхъ источниками, необходимо обратиться къ выбору, сличенію и критической оцѣнкѣ тѣхъ свидѣтельствъ домашнихъ и иноземныхъ источниковъ, въ которыхъ указывается на города въ томъ или другомъ мѣстѣ древней Россіи, но не указывается ихъ названій.

Изученіе такихъ свидѣтельствъ, намъ кажется, дѣлаетъ очевиднымъ, что существующіе списки заключаютъ въ себѣ не всѣ, но только малую часть городовъ, существовавшихъ въ Россіи до ея татарскаго разоренія, а потому и выводы современныхъ ученыхъ, основанные на существующихъ спискахъ, лишены фактической подкладки, что полнаго списка древне-русскихъ городовъ, или который бы заключалъ въ себѣ ихъ количество, хотя приблизительно вѣрное дѣйствительному, мы не имѣемъ и получимъ его развѣ тогда только, когда археологія изслѣдуетъ и въ точности опредѣлитъ мѣстности, извѣстныя подъ названіемъ городищъ и составитъ такимъ мѣстностямъ точные списки, что Россія до-монгольскаго періода заключала въ себѣ не сотни, а тысячи городовъ.

Свидѣтельства источниковъ, сказаннаго характера, мы раздѣлимъ на четыре группы:

1) Свидѣтельства лѣтописей.

2) Свидѣтельства древнѣйшихъ актовъ.

3) Свидѣтельства иностранныхъ писателей.

4) Свидѣтельства вещественныхъ памятниковъ,-сохранившіяся городища.

I. *Свидѣтельства лѣтописей.* Многія изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ указываютъ на города въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ древней Россіи, но не указываютъ названій этихъ городовъ. Къ такимъ свидѣтельствамъ относятся слѣдующія извѣстія.

О многихъ городахъ Уличей и Тиверцевъ, переданное лѣтописью при описаніи первоначальнаго разселенія славянскихъ племенъ въ предѣлахъ Россіи [16]).

О 80 городахъ по Дунаю, взятыхъ въ одинъ походъ Святославомъ Игоривечемъ въ 967 году [17]).

О многихъ городахъ Древлянскихъ, переданное лѣтописцемъ подъ 946 г. при описаніи преданія о мщеніи Ольги Древлянамъ за смерть Игоря Рюриковича [18]).

О городахъ Червенскихъ, отнятыхъ у ляховъ Владиміромъ Святославичемъ въ 981 году [19]).

О многихъ городахъ, построенныхъ Владиміромъ Святослави-

---

16) «а Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, *бѣ множьство ихъ*, сидяху бо по Днѣстру оли до моря, *суть гради ихъ и до сего дня*». Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 5.

17) иде Святославъ на Дунай на Болгары. Бившемся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и *взя городъ 80 по Дунаеви*». Тамъ-же, I, ст. 27; II, ст. 106. Были ли у русскихъ владѣнія на Дунаѣ? Сл. П. с. Р. т. II, стр. 7, 84; т. VII, ст. 240. Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. IV, стр. 180.

18) Ольга «побѣдиша Древляны, Древляне же побѣгоша и *затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга уже устремися на Искоростѣнь градъ*... и стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града и умысли сице: посла ко граду глаголюще: «что хочете до соседѣти? *и вси гради ваши предашася мнѣ и ялися по дань*». Тамъ-же т. I стр. 24—25.

19) Иде Володимеръ къ Ляхомъ и взя грады ихъ, Перемышль, Червень *и ины грады*, иже суть и до сего дне подъ Русью». Тамъ-же, т. I, стр. 35.

чемъ по Деснѣ, по Востри, по Трубжу, по Сулѣ и по Стугѣнѣ, переданное лѣтописью подъ 988 годомъ [20]).

О городахъ митрополичьихъ, украшенныхъ митрополитомъ Ефремомъ многими благотворительными заведеніями и постройками, переданное лѣтописью подъ 1091 годомъ [21]).

О городахъ земли Ростовской и Суздальской, въ которыхъ въ 1096 году Князь Олегъ Святославичъ посадилъ своихъ посадниковъ [22]).

Но наибольшее количество интересующихъ насъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ сохранилось отъ XII и XIII вв., что объясняется тѣмъ, что въ этотъ періодъ лѣтописи дѣлаются болѣе пространными въ своихъ повѣствованіяхъ о событіяхъ въ древней Руси и самое описаніе событій принадлежитъ современникамъ.

Въ этомъ періодѣ встрѣчаемъ слѣдующія свидѣтельства.

О многихъ городахъ земли Вятичей при описаніи походовъ Святослава Ольговича Черниговскаго подъ 1146 и 1147 гг. [23]).

---

[20]) Володимеръ нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ». Тамъ-же, т. I, стр. 52.

[21]) Сей же Ефремъ зданія многія воздвиглъ... и строеніе банное и врачеве и больницы всѣмъ приходящимъ безмѣздно врачеваніе. Такожъ и въ Милитинѣ въ своемъ градѣ устрои, *и по инымъ своимъ градомъ митропольскимъ*». Ник. сп. т. I, стр. 192.

[22]) «Иде Ростову: и Ростовь ци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и *посажа посадники по городамъ*, и дани поча брати». П. С. Р. Л., т. I, стр. 108.

[23]) «Походъ Святослава съ Юрьевыми Суздальцами», вѣрно замѣчаетъ почтенный И. Д. Бѣляевъ, «представляетъ собраніе географическихъ подробностей о Землѣ Вятичей, доселѣ остававшейся, по нашимъ лѣтописямъ, совершенно неизвѣстною, и обнимаетъ географическими свѣдѣніями всю страну по Окѣ и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря предпріимчивости Юрія (союзника Святослава Ольговича) и усердію его добрыхъ Суздальцевъ, мы получаемъ теперь нѣсколько ясное понятіе о томъ, что этотъ доселѣ неизвѣстный край, совершенно забытый прежними нашими лѣтописями, кипѣлъ жизнью и дѣятельностію не меньше другихъ краевъ Руси, что *въ немъ было множество городовъ*». Зап. Геогр. Общ., Кн. VI, ст. 45. Читая въ лѣтописи описаніе походовъ Святослава Ольговича въ 1146 и 1147 гг., нельзя не согласиться съ приведеннымъ заключеніемъ уважаемаго ученаго. Въ описаніи этихъ походовъ встрѣчаемъ болѣе 15 городовъ, въ первый разъ упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ; но это число далеко не заключаетъ въ себѣ всего количества городовъ, существовавшихъ въ землѣ Вятичей въ описываемое время, потому что лѣтописи упоминаютъ не

О городахъ, отданныхъ Изяславомъ Мстиславичемъ Святославу Всеволодовичу въ 1147 году [24]).

О многихъ городахъ Черниговскаго княжества подъ 1147 г. [25]).

О городахъ Курскихъ, въ которыхъ Глѣбъ Юрьевичъ и Святославъ Ольговичъ посадили своихъ посадниковъ въ 1147 г. [26]).

О городахъ въ области Черленаго Яра и Великой Вороны подъ 1148 годомъ [27]).

О 6-ти городахъ, лежавшихъ по Волгѣ, между Кснятинымъ и Угличемъ, разрушенныхъ Изяславомъ и Ростиславомъ Мстиславичами въ 1148 году [28]).

о всѣхъ городахъ въ этомъ краѣ, а только о тѣхъ, гдѣ Святославъ имѣлъ болѣе или менѣе продолжительныя остановки. Сл. П. С. Р. Л. т. II, стр. 25—37, Ник. сп., ч. II, ст. 91—96.

[24]) «Всеволодичъ Святославъ держаше у Изяслава Божьскій, Межибожіе, Котельницу, *а всѣхъ 10 городовъ*» (списки Хлѣбниковскій и Ермолаевскій), «*а всѣхъ 5 городовъ*» (списокъ Ипатскій). П. С. Р. Л., т. II, ст. 31.

[25]) «Взяша Всеволожь градъ на щитъ, и ина въ немъ бяста два города вошла. Слышавше иние гради, Уненѣжь, Бѣлавежа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Чернигову, *и иніе гради мнози бѣжаша*. Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, посласта по нихъ, и постигоша на поли, и ту взяша ты три городы, а иніи уйдоша. Изяславь же повелѣ зажечи грады ты». Лѣт. по Ипат. сп., ст. 252.

[26]) Глѣбъ Юрьевичъ отъ иде отъ Переяславля... и шедши взяша градъ Курскъ, и тамо посажаше по всей землѣ Курской намѣстники своя. Тоже пріиде къ нимъ Князь Святославъ Всеволодовичь и Князь Изяславъ Давидовичъ и шедше взяша градъ Попашъ и придоша къ Выревцу и Выревцы не дашася, тоже придоша къ Евханцу, и Евханцы не дашась. Слышавше сія Князь великій Изяславъ Мстиславичъ, «яко Ольговичи совокупишася и воюютъ грады дѣтей его». П. С. Р. Л., II, ст. 35. Ник. сп.. ч. II, стр. 104. Слѣдовательно, Курская область не была пустынею, какою она представляется по существующимъ спискамъ древне-русскихъ городовъ и географическимъ картамъ до-татарской Россіи, но заключила въ себѣ много городовъ, подобно другимъ древне-русскимъ областямъ.

[27]) «Князь Глѣбъ Юрьевичъ иде къ Рязани и бывъ *въ градѣхъ Черленаго Яру и Велицей Вороны* и паки возвратися къ Черниговскимъ Княземъ на помощь». Ник. сп., II, ст. 105.

[28]) «Приде Изяславъ на Волгу съ Новгородци на усть Медвѣдицѣ, и ту жда брата своего Ростислава 4 дни, и приде ему Ростиславъ и съ всими Русскими силами, полки и съ Смоленьскыми, и ту сокупишася и поидоста внизъ по Волзѣ... *и придоста къ Кснятину* и ту имъ отъ Гюргя вѣсти не бысть, *и начаша городы его жечи и села и всю землю его воевати обаполъ Волгы; и поидоста оттолѣ на Углече поле, и оттуда идоста на устье Мологы*». Лѣт. по Ип. сп. стрн. 260. «Приде Изяславъ Новугороду,

О городахъ церковныхъ въ Ростовской землѣ подъ 1176 г. [29]).
О городахъ въ области р. Воронежа, подъ 1177 годомъ [30]).
О 6-ти городахъ Берендичей, взятыхъ Половцами въ 1177 г. [31]).

сынъ Мстиславль, изъ Кіева иде на Гюргя Ростову съ Новгородци, и много воеваше люди Гюръево, *и по Волзѣ взяша 6 городъкъ*». П. С. Р. Л., т. III, ст. 10. Ср. П. С. Р. Л., т. I, ст. 139, т. V, стр. 159. И. Д. Бѣляевъ, касаясь этого извѣстія лѣтописей, замѣчаетъ: «лѣтописи не говорятъ какіе именно города были взяты и опустошены Изяславомъ, но для насъ довольно уже и того, что отъ Ксятина до Углеча Поля лежало по Волгѣ 6 городовъ, мы отсюда видимъ, что край этотъ былъ уже довольно заселенъ и что Волга издавна была кормилицею прибрежныхъ жителей, которые спѣшили покрыть берега ея городами». Геогр. свѣд. въ древ. Россіи, ст. 46. Дѣйствительно, имѣя въ виду вышеприведенное извѣстіе о городахъ Ростово-Суздальской земли, въ которыхъ Князь Олегъ посадилъ своихъ посадниковъ въ 1096 году, и только что приведенное извѣстіе о 8 городахъ, (со включеніемъ Ксятина и Углича), существовавшихъ на Волгѣ, на незначительномъ протяженіи, уже въ 1148 году мы не имѣемъ никакого права предполагать будто до времени Юрія Долгорукаго Суздальскій край представлялъ собою малозаселенную пустыню, съ отсутствіемъ городовъ. Не могъ Юрій въ нѣсколько лѣтъ своего княженія построить въ пустынномъ краѣ столько городовъ, что въ половинѣ XII в. встрѣчаемъ здѣсь 8 городовъ на протяженіи около 60 верстъ. Такія дѣла не дѣлаются въ нѣсколько лѣтъ. Юрій могъ построить въ Суздальской землѣ Ксятинъ, Юрьевъ-Польскій, Дмитровъ, даже Стародубъ, Галичъ и Волжскій городецъ, но это еще не значитъ, что въ этомъ краѣ до Юрія не было многихъ городовъ. Имена ихъ остаются для насъ неизвѣстными только потому, что лѣтописи мало касаются Суздальскаго края до Юрія и мы не имѣемъ русской географіи того времени. См. Соловьева: «Объ отношеніи Новг. къ велик. князьямъ», стрн. 17 (изд. 1846 года). Корсакова: «Меря и Рост. Кн.», стр. 77.

[29]) «Сѣдящема Ростиславичема въ княженьи земли Ростовскія... святое Богородицы Володимерское отъяста и *городы ея* и дани, что же бяшетъ далъ церкви той блаженный князь Андрей... Михалко же, пріѣхалъ Владимерю, *да городы святое Богородицы, яже бѣ отъялъ Ярополкъ*». П. С. Р. Л., т. I, стрн. 159—160. Мы не отыскали въ источникахъ названій городовъ, какъ отданныхъ церкви княземъ Андреемъ, такъ и вообще принадлежащихъ ей до XIII в. въ сѣверо-восточной Россіи; упоминаемыя въ позднѣйшее время церковные города Гороховецъ, Алексинъ и др. пріобрѣтены церковью покупкою или построены позже XIII вѣка.

[30]) «Отбѣжа бо Князь Ярополкъ Ростиславичъ въ Воронежъ *и тамо прехожаше отъ града во градъ*, отъ многіе печали и скорби не вѣдый, камо ся дѣти. И тако шедше въ Воронежъ изымаша его». Ник. сп., ч. II, стр. 236.

[31]) «Пріидоша Половци на Русскую землю, на русалной недѣлѣ. Сѣдящу Романови въ Кіевѣ, посла брата своего Рюрика и сына своя; *Половци же взяша 6 городовъ Береньдичь*, и поидоша къ Ростовьцю». Лѣт. по Ип. сп., ст. 408.

О городахъ Югорскихъ, упоминаемыхъ подъ 1193 г. [32]).

О городахъ Пронскихъ, взятыхъ Всеволодомъ Суздальскимъ въ 1207 году [33]).

О многихъ городахъ Черниговскихъ по Днѣпру, взятыхъ Новгородцами, въ 1214 году [34]).

О городахъ въ волостяхъ Бельской и Червенской, плѣненненныхъ Княземъ Даніиломъ Галицкимъ въ 1221 году [35]).

О многихъ городахъ Черниговскихъ на Деснѣ, взятыхъ Даніиломъ Галицкимъ въ 1234 году [36]).

Наконецъ, извѣстіе о безчисленныхъ городахъ, разрушенныхъ татарами въ Волынско-Галицкой землѣ [37]).

Мы указали здѣсь только на свидѣтельства лѣтописей о го-

---

[32]) «придоша въ Югру и *взяша городъ и придоша къ другому граду*». П. С. Р. Л., т. III, стр. 21.

[33]) «И передашася люды (Проняне)... Князь же великій смиривъ ихъ, и посади у нихъ Ольга Володимеровича, а самъ поиде къ Рязаню, *посадники посажавъ своѣ по всѣмъ городамъ ихъ*. И бывшю ему у Добраго Сота»... П. С. Р. Л., т. I, стр. 182. «Онъ же приведе ихъ (Пронянъ) ко крестному цѣлованію и посади у нихъ въ Пронскѣ князя Ольга, а со княземъ Изяславомъ миръ взятъ, *и по всѣмъ градомъ ихъ посажа своя намѣстники и пойде ко граду Рязани*. И бывшу ему у Добраго Сота». Ник. сп., т. II, стр. 302. По смыслу извѣстія города, взятые Всеволодомъ, лежали въ предѣлахъ Рязанской земли ниже Добраго Сота, но въ настоящее время ниже Добраго Сота въ Рязанскомъ княжествѣ извѣстенъ только одинъ городъ Пронскъ. Ср. существующіе списки древне-русс. городовъ и географ. карты.

[34]) «Новгородци начаша воевати по Днѣпрю городѣ Черниговскоѣ, и взяша Рѣчицѣ на щитъ *и иные городѣ многѣ Черниговскыя* и придоша подъ Вышгородъ. П. С. Р. Л., т. III, стр. 32. Изъ городовъ Черниговскихъ на Днѣпрѣ, ниже Рѣчицы, по лѣтописямъ извѣстенъ только одинъ Любечъ.

[35]) «Въ суботу же на ночь поплѣнено бысть около Бѣлза и около Червена Даниломъ и Василькомъ, и вся земля поплѣнена бысть, бояринъ боярина плѣнивша, смердъ смерда, *градъ града*, якоже не остатися ни единъ и вси плѣнене, еже притчею глаголютъ книга не оставлешюся камень на камени. Сію-же наричутъ Бѣлжане злу нощь; сія бо нощь злу игру имъ сыгра: повоевани бо бѣаху преже свѣта». П. С. Р. Л., т. II, ст. 163, варіанты. Л. по Ип. сп. стр. 494.

[36]) «Поимаша грады многы по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ и Сосницю и Сновескъ и *иныи грады многіи* и придоша опять Чернигову». Лѣт. по Ип. сп., стр. 514. Отъ Чернигова даже до Новгородсѣверска по лѣтописямъ мы не знаемъ названій ни одного города кромѣ названныхъ въ этомъ извѣстіи.

[37]) «Приде къ городу Колодяжну... Каменцю, Изяславлю, взятъ я... и придя къ Володимерю и взя и копьемъ и изби и не щадя, такоже и градъ Галичъ, *иныи грады многи. имъ же нѣсть числа*». Лѣт. по Ип. сп., стр. 523.

родахъ, существовавшихъ въ до-татарской Россіи, имена которыхъ остаются несомнѣнно для насъ неизвѣстными. Кромѣ такихъ, въ лѣтописяхъ встрѣчается множество указаній на города, которыя могутъ быть отнесены къ тѣмъ или другимъ изъ извѣстныхъ городовъ, но совокупность которыхъ во всякомъ случаѣ утверждаетъ въ мысли о громадномъ количествѣ городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго періода [38]).

Всматриваясь въ перечисленныя свидѣтельства лѣтописей, сравнивая ихъ указанія съ существующими географическими картами и списками древнѣйшихъ городовъ Россіи, нельзя не придти къ заключенію, что существующіе списки далеко не изчерпываютъ собою всего количества городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, что если въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ до 600 городовъ, именуемыхъ ими, то въ дѣйствительности ихъ должно было быть несравненно болѣе. Къ тому же заключенію приводитъ насъ и изученіе сохранившихся древнихъ актовъ, при сличеніи ихъ показаній съ показаніями лѣтописей.

II. *Свидѣтельства актовъ.* Между сохранившимися древними актами, свидѣтельствующими о количествѣ городовъ въ Россіи до-татарскаго времени, первое мѣсто занимаютъ Уставныя граматы смоленскаго князя Ростислава Мстиславича Епископіи смоленской, относящіяся къ 1150 году, своимъ содержаніемъ доказывающія всего лучше, что по указаніямъ нашихъ лѣтописей нѣтъ возможности составить понятіе о количествѣ городовъ въ древне-русскихъ княжествахъ, хотя приблизительно вѣрное дѣйствительному [39]).

---

[38]) См. П. С. Р. Л., т. I, 880 г., ст. 10, 907 г., с. 13; 980 г., с. 33; 996 г., с. 53; 1018 г., с. 62; 1032 г., с. 65; 1116 г., с. 128; 1136 г., с. 132; 1141 г., с. 135; 1142 г., с. 135; 1148 г., с. 138; 1164 г., с. 151; 1176 г., с. 159; 1186 г., с. 168; 1196 г., с. 174; 1206 г., с. 180; 1207 г., с. 183; 1237 г., с. 198; 1237 г., с. 223. Тамъ же, т. II: 1216 г., с. 10; 1139 г., с. 14; 1140 г., с. 15; 1146 г., с. 25; 1147 г., с. 29; 1148 г., с. 38; 1149 г., с. 45; 1150 г., с. 51; 1157 г., с. 80; 1159 г., с. 84; 1165 г., с. 93; 1185 г., с. 132; 1213 г., с. 160; 1231 г., с. 173. Тамъ-же, т. III: 1177 г., с. 17; 1193 г., с. 21; 1216 г., с. 34; 1239 г., с. 52. Ник. спис. годы: 977, 1059, 1096, 1097, 1186, 1196, 1208, 1209, 1219, 1237 и др.

[39]) Доп. къ Ак. Ист., т. I, № 4, стр. 5 и 8.

Поставимъ вопросъ такимъ образомъ: какое бы мы имѣли понятіе о количествѣ городовъ въ смоленской области, если бы до насъ не дошли уставныя граматы Ростислава?

До нашествія Монголовъ въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ слѣдующіе города, изъ лежавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ: у Нестора: Смоленскъ, Торопецъ (1074) и Копысъ (1059) [40]; у продолжателей Нестора: Оршу (1116), Мстиславль (1156), Васильевъ и Краснъ (1165), Лугинъ (1173) и Ржевку (1216) [41]; всего 9 городовъ. Это только количество городовъ помѣщено въ существующихъ спискахъ городовъ смоленской области до татарскаго времени и географическихъ картахъ Россіи этого періода.

Но города, упоминаемые въ нашихъ лѣтописяхъ изчерпываютъ ли собою, хотя приблизительно, количество городовъ, существовавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ до нашествія Монголовъ? Въ лѣтописяхъ мы не находимъ никакихъ указаній для отвѣта на поставленный вопросъ; вмѣсто лѣтописей, отвѣчаютъ прямо и точно уставныя граматы Ростислава: города, упоминаемые въ лѣтописяхъ, далеко не изчерпываютъ собою всего количества городовъ, существовавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ до нашествія Монголовъ.

Уставныхъ граматъ Ростислава сохранилось три. Изъ нихъ, первая устанавливаетъ десятину отъ даней смоленскихъ въ пользу вновь учрежденной епископіи въ Смоленскѣ и двѣ остальныя подтвердительныя первой.

Въ третьей граматѣ упоминаются слѣдующіе Смоленскіе города: Мстиславль, Крупль, Вержавскъ, Копысь, Поцинь, Лучинъ, Ростиславль, Ельна, Изяславль, Дорогобужъ, Торопецъ и Жижцы. Изчисленныя мѣста въ граматѣ прямо названы городами: „а *се погородіе:* отъ Мстиславля шесть грывенъ урока, а се отъ Крупля и т. д.“ [42]).

Такимъ образомъ, имѣемъ уже 8 городовъ смоленскихъ,

---

[40]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 5, 82; т. III, стр. 212.
[41]) Тамъ-же, т. II, стр. 7, 80, 93, 107 и т. III, стр. 34.
[42]) Доп. къ Ак. Ист., т. I, стр. 8.

неупоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, но несомнѣнно существовавшихъ въ половинѣ XII вѣка.

Но третья грамата Ростислава сохранилась не вполнѣ. Въ первой граматѣ, кромѣ мѣстностей перечисленныхъ въ третьей, прямо названныхъ тамъ городами, упоминается еще 29 мѣстностей, безъ означенія къ какому роду поселеній онѣ относятся [43]). Кромѣ того, во второй граматѣ упоминается Холмъ, отданный во владѣніе епископу. Къ какому роду поселеній относятся мѣстности, перечисленныя въ первой граматѣ Ростислава?

И. Д. Бѣляевъ, въ статьѣ о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, касаясь поставленнаго вопроса, замѣчаетъ: „въ Ростиславовыхъ уставныхъ граматахъ, сверхъ мѣстностей прямо называемыхъ городами, упоминаются смоленскія мѣстности безъ названія городовъ; таковы: Врочницы, можетъ быть городъ, судя по платимой дани, простиравшейся до 200 гривенъ, Каспля, Хотшинъ, также, кажется, городъ, ибо платилъ дани 200 гривенъ; Жабачевъ можетъ быть тоже городъ, ибо платилъ одинаковую дань съ Хотшинымъ, Вотосовичи, Шуйспея и т. д.“ [44]).

Намъ кажется, не только Врочницы, Хотшинъ и Жабачевъ, должны быть причислены къ городамъ, но всѣ мѣстности, перечисленныя въ Ростиславовыхъ граматахъ, кромѣ Дросенскаго и Ясенскаго, прямо отличаемыхъ въ граматѣ отъ остальныхъ мѣстностей и названныхъ селами. Вотъ тому, по нашему мнѣнію, неопровержимыя доказательства: 1) въ перечисленіи поселеній, долженствовавшихъ платить дань въ пользу епископа смоленскаго, въ первой уставной граматѣ поименованы: Торопецъ, Копысь, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль, но что эти поселенія были города, въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописей и третья грамота Ростислава. 2) По количеству платимой дани, Торопецъ, Копысь, Лучинъ, Мстиславль, Суждаль и Изяславль не отличались отъ другихъ поселеній. 3) Вержавскъ названъ городомъ въ самомъ актѣ: „у Вержавску у городѣ 3 гривны Святой Богородицы“, а Вержавскъ, по количеству платимой имъ

[43]) Тамъ-же.

[44]) Стр. 179.

дани, составлялъ меньшій изъ перечисленныхъ въ граматѣ пунктовъ поселенія. 4) Семь изъ перечисленныхъ въ первой граматѣ поселеній упоминаются въ третьей, гдѣ прямо названы городами.

Граматы Ростислава убѣждаютъ насъ, что въ Смоленской области уже въ половинѣ XII вѣка существовало до 50 городовъ, хотя по лѣтописямъ извѣстно до нашествія Монголовъ не болѣе 10.

По пространству, смоленское княжество принадлежало къ числу менѣе обширныхъ областей древней Россіи.

Но если мѣстности, перечисленныя въ граматахъ Ростислава должны быть причислены къ городамъ, то можно поставить вопросъ: не должны-ли быть причислены къ городамъ до 50 мѣстностей Новгородской области, перечисленныя въ „уставѣ Новгородскаго Князя Святослава", данномъ въ 1137 году Новгородскому Софійскому Собору, своимъ содержаніемъ соотвѣтствующимъ уставнымъ граматамъ смоленской епископіи Ростислава Мстиславича [45]).

Наконецъ, при изученіи актовыхъ свидѣтельствъ о количествѣ городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода, нельзя не обратить вниманія на постановленіе Русской Правды, по которому потерявшій коня, или оружіе, или платье, обязанъ былъ заявить о потерѣ на торгу, и за тѣмъ, если узнавалъ потерянную вещь въ своемъ городѣ, то могъ взять и ее получить за обиду 3 гривны. Въ спискѣ Троицкомъ это постановленіе изложено такъ: „Аче кто конь погубить, или оружіе, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ *въ своемъ городѣ*, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны" [46]); въ спискѣ академическомъ: „аще пойметъ кто чужь конь, любо оружіе, любо портъ, а познаетъ *въ своемъ мироу*: то взяти ему свое, а 3 гривны за обиду" [47]). По смыслу этихъ постановленій, городовъ въ древ-

---

[45]) Рус. Дост. Москва. 1815 г., стр. 83—85.

[46]) Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ. Изд. Калачова. Сп. Троицкій. стр. 28.

[47]) Тамъ-же сп. академическій, стр. 12.

нѣйшей Россіи было столько, сколько было міровъ, то есть общинъ.

III. *Свидѣтельства иностранныхъ писателей.* Между свидѣтельствами иностранныхъ писателей о количествѣ городовъ въ Россіи времени первыхъ Рюриковичей первое мѣсто принадлежитъ географическимъ запискамъ, составленнымъ, по Шафарику, во второй половинѣ IX вѣка, по Карамзину, въ X столѣтіи, и извѣстнымъ въ литературѣ подъ именемъ „Землеписца Баварскаго“. Для насъ эта рукопись особенно важна, потому что представляетъ собою единственный географическій памятникъ Россіи періода водворенія въ ней Варяжскихъ князей и ихъ дружинъ, съ указаніемъ народовъ, ее населявшихъ, и количества городовъ, принадлежавшихъ каждому изъ славянскихъ племенъ, поименованныхъ сочинителемъ. Всѣ имѣющіеся въ настоящее время въ распоряженіи науки архивные историческіе памятники представляютъ собою не географическія сочиненія, а историческія, а потому эти памятники не даютъ точныхъ свидѣтельствъ о количествѣ городовъ въ Россіи [illegible]аемаго періода. Только Баварскій землеписецъ вполнѣ знакомитъ насъ съ громаднымъ количествомъ городовъ у древне-русскихъ славянъ, подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе точныя свидѣтельства другихъ писателей. „Баварскій географъ, описывая только нѣкоторые края сѣверныхъ славянъ, насчиталъ до двадцати различныхъ народовъ и слишкомъ три тысячи семьсотъ шестьдесятъ укрѣпленныхъ городовъ; при чемъ, у многолюднѣйшихъ вѣтвей, Сербовъ, Житичей и иныхъ не указано число городовъ“ [48]).

---

[48]) Шафарикъ. Слав. Древн., т. II, кн. I, стр. 237, 215—229. Часть рукописи, заключающая въ себѣ изчисленіе народовъ древнѣйшей Россіи и количества городовъ, имъ принадлежавшихъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Phesnuzi habent civitates LXX. Thadesi plusquam CC urbes habent. Glopeani, in qua civitates CCCC aut eo amplius. Zvireani habent civitates CCCXXV. Busani habent civitates CCXXXI. Sittici, regio immensa, populis et urbibus munitissimis. Stadici, in qua civitates DXVI, populusque infinitus. Sebbirozi habent civitates XC. Unlizi, populus multus. civitates CCCXVIII. Nerivani habent civitates LXXVIII. Attorozi habent CXLVIII, populus ferocissimus. Eptaradici habent civitates CCLXIII. Wuillerozi habent civitates CLXXX. Zabrozi habent civitates CCXII. Znetalici habent civitates LXXIV. Aturezani habent civitates

...ство Баварскаго Землеписца о множествѣ городовъ ...ставившихъ Россію, подтверждается свидѣтельствами ...съ сосѣдей. „Сосѣди русскихъ славянъ на сѣверо-за... Скандинавіи, нынѣшней Швеціи и Норвегіи, иначе ...ріи, какъ страною городовъ, на ихъ языкѣ Гар-

———

...вѣки civitates CCL. Lendizi habent civitates XCVIII. Thaf... CCLVII. Zerivani, quod tantum est regnum, ut ex eo ... exorte sint et originem, sicut affirmant, ducant, ... LXX. Wolunzani civitates LXX. Bruzi plus est undique, ... Rhenum. Wuizunbeire. Caziri, civitates C. Ruzzi. Forsde... Seravici. Lucolane». Сл. Др. Шафарика т. II. Прилож. ... объясненіемъ этого памятника трудились многіе уче... Добровскій, Лелевель, Палацкій и др.). Мы вос... результатами изслѣдованій Шафарика, какъ позднѣйшаго ... знаменитаго изъяснителя нашихъ древностей. По изслѣ... изчисляемые въ приведенномъ географическомъ отрывкѣ ... скаго происхожденія: a) не славянскаго, именно: Phesnuzi— ...—Пруссы, Wizun-Beire—Бѣлые Беиры или Белиры (Бул... —Казары, Ruzzi—Варяго-Руссы, Forsderen—вѣтвь Чуди того-же ...—так... вь Чуди, Ungare—Угры; b) Славяне, обитавшіе на ...—Дѣ... Glopeani—Колпяне, Zwireani — Свиряне, Busani — ...—Жит... или Ситичи, Stadici—Стадичи, Cebbirozi — Себир... Сиберцы, Unlizi—Уличи, Nerivani—Неревяне или Нареваны, Atto... ...ерцы, Eptaradici—Обрадичи, Wuillerozi — Булерцы, Zabrozi — За... или Запорожцы, Znetalici — Свѣтиличи или Нетоличи, Aturezani — ...ане, Chozirosi—Хотиродичи или Касоричи, Lendizi — Лютичи, Zeriva... Сербяне или Сербы, Thafnezi — Таневцы, Prissani — Пружане, Welun... Волыняне, Fresiti—Брежицы, Seravici—Серавцы или Жеравцы, Luco... -Лукомляне». Слав. Древ., т. II, кн. 1, стр. 215 и 229. Опредѣливъ под...ность названій и мѣстъ жительство народовъ, о которыхъ упоминаетъ ...варскій географъ, насколько возможно сдѣлать это при нынѣ имѣющихся историческихъ источникахъ, Шафарикъ добавляетъ: «объясненія, сдѣланныя нами по крайнему разумѣнію этого драгоцѣннаго памятника, показываютъ, что здѣсь многаго еще остается желать. Пускай преемники наши своимъ трудолюбіемъ и проницательностію пополнятъ то, чего мы не могли сдѣлать». Тамъ-же, стр. 229. Но преемники Шафарика, новѣйшіе историки, не обращаютъ вниманія на драгоцѣнный памятникъ, не смотря на то, что его свидѣтельство о множествѣ городовъ у русскихъ славянъ, существовавшихъ въ IX—X вв., подтверждается свидѣтельствами нашихъ лѣтописей, древнихъ актовъ и писателей принадлежащихъ къ различнымъ народамъ и различнымъ странамъ. Намъ кажется, пока не опровергнуто мнѣніе о приведенномъ географическомъ отрывкѣ, какъ псточникѣ въ высшей степени важномъ для нашей исторіи, до тѣхъ поръ русскій историкъ не долженъ обходить его молчаніемъ или отдѣлываться отъ него фразою «кажется, что авторъ писалъ на обумъ, не имѣя вѣрнаго географическаго свѣдѣнія о сихъ народахъ». И. Г.

а интересно, что означали слова „городъ" въ Скандинавіи въ то время (см. примечание 50)

дариквіей" [49]). „Множество городовъ въ древнѣйшей Россіи бросалось въ глаза иностранцамъ, дѣйствовало на ихъ воображеніе, и только этимъ возможно объяснить происхожденіе эпитетнаго названія gaardarike—царство городовъ, приложенное къ землѣ Руссовъ" [50]).

Р. Карамзина, т. I, стр. 44. Нельзя же отвергать свидѣтельство современника потому только, что его показанія слишкомъ точны. Теперь, когда мы и по нашимъ лѣтописямъ и актамъ можемъ заключить о существованіи множества городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода, свидѣтельство Мюнхенской рукописи о нѣсколькихъ тысячахъ городовъ у русскихъ славянъ IX—X вв. получаетъ особенную важность.

[49]) Бѣляевъ, Разск. изъ Русск. Ист., т. I, стр. 7.

[50]) Классена, Новые матеріалы для древней Ист. Слав., т. I, стр. 39. изд. 1854 года. Для примѣра, укажемъ на «Сагу Олава», по времени описываемыхъ въ ней событій, относящуюся къ X вѣку, ко времени княженія Владиміра Святославича. При чтеніи этой, какъ и другихъ Скандинавскихъ сагъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повѣствованіе касается земли Руссовъ, мы почти на каждой страницѣ встрѣчаемся съ Гардариккіею, гардами Руссовъ, конунгами гардовъ и т. д., при чемъ, слово гардариккія имѣетъ значеніе государства, состоящаго изъ городовъ, а гардъ — значеніе города—крѣпости или города-области. См. Рус. Ист. Сборн., 1840 г., т. [illegible], кн. I стр. 41, 43, 49, 51 и др. Шлецеръ первый провелъ въ русскую историческую науку воззрѣніе, по которому Исландскія саги представляютъ собою не историческіе источники, «а бредни воображенія, глупыя выдумки», которыя будто-бы для уничтоженія безпорядка въ наукѣ должны быть выкинуты изъ числа историческихъ источниковъ. За Шлецеромъ послѣдовали Карамзинъ, Строевъ, Руссовъ, Каченовскій, Венелинъ, Савельевъ-Ростиславичъ и др. См. Шлецера: Шлец. Нест., ч. I, с. 52, 427. Карамзина, Ист. Гос. Рос., т. I, прим. 78. Строева: «Критич. вз. на Сканд. саги». Москва. 1833 г. Руссова: «О древн. Рос. новые толки и разборъ ихъ». Савельева-Ростиславича: «Варяжская Русь по Нест. и чужез. писат.» ст. 14, 28. Мы знаемъ мотивъ, заставившій Шлецера вычеркнуть Скандинавскія саги изъ ряда историческихъ источниковъ и признать въ нихъ только бредни воображенія. Шлец. Нест. I, стр. 53. Ученый, утверждающій, будто-бы до половины IX вѣка на пространствѣ всего Русскаго сѣвера не было ни одного города, не могъ видѣть въ Исландскихъ сагахъ ничего болѣе, какъ глупыя выдумки. Объясняя начало гражданскихъ союзовъ у древнихъ славянъ нѣмецкимъ вліяніемъ, Шлецеръ, по необходимости, долженъ былъ отвергнуть все, противное этой завѣтной идеѣ нѣмецкаго ученаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Скандинавскія саги. Слѣдуя Шлецеру, Карамзинъ повторяетъ за нимъ: «Баснословіе Исландскихъ повѣстей можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ; нельзя вѣрить баснословнымъ Исландскимъ повѣстямъ, сочиненнымъ въ новѣйшія времена и нерѣдко упоминающимъ о древней Россіи, которая называется въ нихъ Острогардомъ, Гардарикkeй, Голмгардомъ. Ист. Г. Р. т. I, стр. 22, 27. Впрочемъ, Карамзинъ не совсѣмъ раздѣляетъ мнѣніе Шлецера объ

дая въ тоже время множество свидѣтельствъ о томъ-же предметѣ нашихъ домашнихъ источниковъ [56]).

Наконецъ, въ существованіи нѣсколькихъ тысячъ городовъ въ Россіи до-татарскаго времени убѣждаютъ насъ

IV. *Свидѣтельства вещественныхъ памятниковъ,—сохранившіяся городища.* Въ существующей историко-юридической литературѣ встрѣчаемъ множество предположеній объ историческомъ значеніи памятниковъ древности, извѣстныхъ подъ названіями *городищъ и городковъ.*

Г. Ходаковскій: „городища были святыми оградами или приходскими мѣстами, гдѣ сватьбы и другіе обряды языческіе совершались“ [57]).

Г. Погодинъ: „городища—это мѣста богослуженія“ [58]).

Г. Срезневскій: „не мудрено, что общій выводъ позднѣйшихъ изслѣдователей будетъ тотъ-же самый, что былъ и у большей части ученыхъ, занимавшихся городищами до сихъ поръ, то-есть, что городища суть памятники древняго богослуженія“ [59]).

---

[56]) Источники указываютъ также на существованіе множества городовъ въ эпоху первыхъ Рюриковичей, имена которыхъ остаются намъ неизвѣстными, у народовъ не славянскаго происхожденія, сосѣдившихъ съ русскими славянами и вошедшихъ въ-послѣдствіи въ составъ русскаго государства. Такъ: по Баварскому географу Печенѣги имѣли 70 городовъ, Козары 100. См. выше. По словамъ Вульфстана, родичи Славянъ, Пруссы, Литовцы и Латыши въ концѣ IX вѣка владѣли множествомъ городовъ: «Das Estland ist sehr gross und es sind viele Städte» Шафарикъ. «Слав. Др.» прилож. стр. 63. О множествѣ городовъ Болгарскихъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи, передавая извѣстія о 80 городахъ, взятыхъ въ одинъ походъ въ 967 году Святославомъ Игоревичемъ у Болгаръ Дунайскихъ и о городахъ, сожженыхъ въ 1164 г. Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ у Болгаръ Волжскихъ. П. С. Р. Л., I, стр. 27, 151. О городахъ Половецкихъ извѣщаютъ наши лѣтописи подъ 1111 и 1116 гг. Тамъ-же, стр. 127, 128, т. II, стр. 2. Даже финскіе народы владѣли многими городами, для насъ неизвѣстными, какъ доказываетъ свидѣтельство древнѣйшей Новгородской лѣтописи объ отдаленнѣйшемъ финскомъ племени Югрѣ, этой «землѣ мрака», подъ 1193 годомъ. Тамъ-же, т. III, стр. 21; «идоша изъ Новгорода въ Югру съ воеводою Ядрѣемъ. И придоша въ Югру и взяша городъ и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ и стояша подъ городомъ 5 недѣль».

[57]) Вѣст. Евр. 1819 г. № 20, стр. 280.

[58]) Изслѣд. Зам. и Лекц., т II, стр. 400.

[59]) Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. II, стр. 533, Свят. и Обр. языч. богос. древ., слав. стр. 40.

Г. Котляревскій: „такъ-называемыя городища не были исключительно мѣстами религіознаго служенія, какъ полагалъ Ходаковскій, но служили и могильниками для усопшихъ“ [60]).

Г. Калайдовичъ: „не оспариваю, что мѣста славянскихъ жертвоприношеній и кумиры были на возвышеніяхъ, могли окружаться валами, что въ числѣ городищъ найдется нѣсколько таковыхъ мольбищъ, но рѣшительно утверждаю, что большую часть оныхъ составляютъ огражденія городовъ, селеній и крѣпостей“ [61]).

Даниловичъ: „всѣ окопы и валы, запущенные и необитаемые въ мирное время, служили окрестнымъ жителямъ и ихъ достоянію убѣжищемъ и защитою отъ непріятельскихъ нападеній и неминуемой гибели въ военныхъ бѣдствіяхъ... будучи общественными произведеніями народа, окопы не получили законнаго названія, неизвѣстны или забыты древними писателями, а простой народъ именуетъ ихъ городищами“ [62]).

Г. Грабовскій: городища суть или слѣды войнъ, какъ наприм. окопы, или же остатки давнихъ оборонительныхъ мѣстъ... Эти обросшіе кустарникомъ окопы суть у насъ тоже, что въ западной Европѣ развалины башенъ, рыцарскихъ замковъ—памятниковъ бурнаго времени среднихъ вѣковъ [63]).

Г. Тышкевичъ: „земляныя насыпи по ихъ назначенію слѣдуетъ раздѣлить на 4 отдѣльныхъ разряда: на укрѣпленные замки, на жертвенныя городища, на окопанныя судилища и курганы“ [64]).

Графъ Уваровъ: „мы полагаемъ, что городища, о прямомъ значеніи которыхъ доселѣ ничего неизвѣстно, служили укрѣпленнымъ мѣстомъ для самыхъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами, какъ-бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для бу-

---

[60]) Арх. Вѣст. Моск. Археол. Общ., т. I, стр. 66.

[61]) Письма объ археол. изслѣд. въ Рязан. губ. 1823 г № IV, стр. 61.

[62]) Рус. Ист. Сборн. 1841 г., кн. II, стр. 177 и 178.

[63]) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіев. губ., изд. Ив. Фундуклеемъ. 1848 г. Введеніе, стр. VII.

[64]) О кург. въ Лит. и зап. Руси 1865 г. Wiadomosé hist. o zam ... Litvi Rusi Litew.

дущихъ городовъ... внутренняя часть городищъ была занята жилищами, но какого они были рода, были-ли это землянки или деревянныя постройки, мы ничего положительнаго не знаемъ“ [65]).

Г. Корсаковъ: „мы полагаемъ, что всѣ поселенія и урочища, существующія въ настоящее время въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской, съ именами: „города“, „городка“ и „городища“ происхожденіемъ своимъ не одинаковы и могутъ быть отнесены къ разнымъ періодамъ славянской колонизаціи края. Въ періодъ до-христіанскій, когда въ землю Мери проникали еще славяне язычники, города и городки могли возникать въ значеніи священныхъ мѣстъ поклоненія богамъ и жертвоприношеній; затѣмъ, около этихъ городовъ и городковъ, какъ въ христіанскую эпоху около монастырей, сгруппировались поселенія. Эти поселенія, въ память ихъ, также стали называться городами и городками. Затѣмъ, при недружелюбныхъ отношеніяхъ съ туземцами, многія поселенія и эти города и городки и деревни должны были окапываться рвомъ и обноситься тыномъ, должны были огораживаться для защиты, и такимъ образомъ произошли общественныя укрѣпленія—города, терминъ которыхъ сохраненъ въ позднѣйшихъ укрѣпленіяхъ, воздвигаемыхъ князьями для защиты отъ набѣговъ Мордвы и Болгаръ. Развалины всѣхъ этихъ городовъ и городковъ, слѣды ихъ оградъ, ихъ укрѣпленій, находимые въ настоящее время, народъ называетъ общимъ именемъ „городища“ [66]).

---

[65]) Меряне и ихъ бытъ по курган. раскоп. 1872 г., стр. 94.

[66]) Меря и Ростовское Княжество, 1872 г., стр. 58 и 59. См. еще: Щекатова Геогр. Словарь ч. II, стр. 70. Кеппена—Сѣвер. Архивъ 1823 г. №1. стр. 25. Пассека, Рус. Ист. Сборн., т. III, 1838 г., стр. 21; Очерки Россіи, Кн. II, стр. 197. Савельева Арх. Розыск. во Владимір. губерн. Извѣстія Сахарова—Запис. Отд. Русск. и Славян. Археологіи. т. I. Отд. арх. обозр. Русск. Земли, стр. 15. Белюстина — Архивъ Ист. и практ. свѣдѣній, отн. до Россіи. Изд. Калачева. кн. II, стр. 3. Зырянова — Городища и курганы Шадринскаго уѣзд. Сементовскаго — Памят. старины Витебской губерніи, Дмитрюкова—Труды Курскаго стат. Комитета стр. 506. Раевскаго—Списокъ населен. мѣстъ Владимір. губ. Общ. свѣд. о губер. ст. XLV—XLVII. Невструева—О городищахъ древн. волж-болгар. и казан. царствъ. 1871 г. Хлѣбникова — Общество и государство въ до-монг. періодъ, стр. 17. Вѣст. Европы. 1870 г., кн. VIII, стр. 447. ст. Никитскаго.

Можно свести эти предположенія къ тремъ категоріямъ: первая видитъ въ городищахъ остатки древнихъ городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, служившихъ древнимъ славянамъ средствомъ защиты противъ нападеній непріятеля; вторая признаетъ въ нихъ памятники языческаго богослуженія—жертвенники, приходскіе храмы; третья старается примирить то и другое воззрѣніе, раздѣляя сохранившіяся городища на нѣсколько видовъ, на основаніи теоретическихъ соображеній о времени, къ которому относится тотъ или другой видъ.

Оставляя третье воззрѣніе, какъ неимѣющее никакихъ фактическихъ основаній, мы подвергнемъ критическому разбору аргументацію двухъ первыхъ и попытаемся отвѣтить на вопросъ, которое изъ нихъ должно быть признано наукою за соотвѣтствующее исторической дѣйствительности.

Теорія, признающая въ городищахъ памятники языческаго богослуженія, предполагаетъ отсутствіе общинныхъ пунктовъ народнаго поселенія въ Россіи до призванія Рюрика—отсутствіе городовъ, предполагаетъ разсѣянный бытъ древнихъ славянъ, скрывавшихся отъ нападеній непріятеля въ болотахъ и лѣсахъ, а не въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ [67]); на оборотъ, теорія, объявляющая многія тысячи сохранившихся городищъ остатками отъ древнихъ искусственно-укрѣпленныхъ народныхъ поселеній, указываетъ на скученную, общинною, въ первоначальномъ смыслѣ, городскую жизнь нашихъ предковъ. А потому, мы полагаемъ, что прежде нежели начинать безконечные споры о родовомъ или общинномъ бытѣ нашихъ предковъ въ эпоху призванія Варяговъ, слѣдовало сосредоточить все вниманіе на изученіи слѣдующихъ вопросовъ: что представляютъ наши городища въ ихъ настоящемъ видѣ? Какое ихъ значеніе въ исторіи? Къ какому времени они относятся? Можетъ быть, изученіе памятниковъ древности, сохранившихся въ нашихъ поляхъ и лѣсахъ, скажетъ намъ болѣе, нежели изученіе памятниковъ, сохранившихся въ нашихъ архивахъ; можетъ быть, изслѣдованіе городищъ укажетъ намъ яснѣе

[67]) Русск. Ист. Сбор. 1838 г., т. III, кн. III, Ист. система Ходаковскаго, стрн. 51 — 53.

и подробнѣе на общественный бытъ древнихъ славянъ, нежели темныя эластичныя указанія лѣтописей, прекратитъ нескончаемые споры ученыхъ по этому предмету, разрѣшивъ загадки, неразрѣшимыя по Нестору и его продолжателямъ, уяснивъ и дополнивъ ихъ указанія. А между тѣмъ, въ теченіи 50-ти лѣтъ не появилось въ нашей ученой литературѣ ни одного сочиненія, съ спеціальною цѣлію рѣшить, путемъ всесторонняго изученія, вопросъ о значеніи городищъ въ исторіи,—„вопросъ о городищахъ со времени Ходаковскаго не сдѣлалъ никакого существеннаго шага впередъ, не было сдѣлано никакихъ розысканій, которыя бы внесли какую нибудь опредѣленность въ вопросъ о городищахъ" [68]); „въ новѣйшее время городища превратились въ совершенныя загадки" [69]); „о прямомъ значеніи городищъ доселѣ ничего неизвѣстно" [70])—заявляютъ наши новѣйшіе ученые.

Изученіе существующей литературы о городищахъ, значеніе слова *городище* въ древнихъ актахъ и лѣтописяхъ и изслѣдованіе сохранившихся городищъ въ натурѣ побуждаютъ насъ признать въ этихъ памятникахъ остатки городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени,—памятники тѣхъ тысячъ городовъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ вышеприведенные архивные источники.

По наружной конструкціи слово городище соотвѣтствуетъ словамъ селище и дворище.

Въ самыхъ древнихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ слова городъ, село и дворъ выражаютъ собою различные роды народныхъ поселеній; тѣ-же слова, съ измѣненіемъ окончанія на ище, означаютъ оставленныя мѣста народныхъ поселеній, нежилыя, „пустыя", по выраженію одного изъ древнихъ памятниковъ [71]).

Селище означаетъ мѣсто, на которомъ нѣкогда стояло село; дворище означаетъ мѣсто, на которомъ нѣкогда былъ дворъ; церковище—мѣсто, на которомъ нѣкогда стояла церковь; мона-

---

[68]) Арх. Вѣст. Моск. Арх. Общ. 1868 г., т. I, ст. 62, 66.
[69]) Вѣст. Европы, 1870 г., Кн. VIII, Августъ, стр. 447.
[70]) Меряне и ихъ бытъ. Гр. Уварова, стр. 94.
[71]) Книга Бол. Черт., изд. Языкова, стр. 149.

стырище—мѣсто, гдѣ былъ монастырь; соотвѣтственно тому, городище должно означать мѣсто нѣкогда бывшаго города [72]).

Въ смыслѣ термина поселенія, слово городъ въ древности означало укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія [73]), слѣдовательно, слово городище должно означать мѣсто, на которомъ нѣкогда стоялъ городъ въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія.

Теоретическій выводъ филологіи подтверждается прямыми свидѣтельствами лѣтописей и древнихъ актовъ, гдѣ слову городище соотвѣтствуетъ только одно значеніе: значеніе мѣста бывшаго города. Несторъ, передавая народное преданіе о походѣ въ Грецію Кія, перваго князя Кіевскаго, высказываетъ: „идущу же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущіи, еже и донынѣ наричютъ Дунайцы *городище* Кіевець“ [74]).

Діаконъ Игнатій, въ описаніи путешествія митрополита Пимена въ Царьградъ, даетъ слову городище тоже значеніе: „во вторникъ же *Серклію градъ* минухомъ пловуще, *не градъ же убо, но точію городище*“ [75]).

Тоже значеніе слово городище сохраняетъ во всѣхъ другихъ историческихъ источникахъ [76]).

---

[72]) Есть и другія слова въ нашемъ языкѣ, въ которыхъ измѣненіе окончанія на ище указываетъ на остатокъ отъ цѣлаго, означаемаго тѣмъ же словомъ съ окончаніемъ неизмѣненнымъ; таковы: пожарище, пепелище, побоище, и т. д.

[73]) См. выше стр. 41 и сл.

[74]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 4.

[75]) Ист. Госуд. Рос., т. V, стр. 133.

[76]) Книга Больш. Черт., стр. 24: «Бѣлгородъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, а послѣ Литовскаго раззоренія перенесенъ на другую сторону Донца, отъ стараго городища на 380 сажень»; тамъ-же стр. 149: «а за тѣми деревнями и до сибирскаго камня житья никакого нѣтъ; есть пустыя городища чудскія и Манкоръ, иныя». Собр. рук. г. Ѳ. А. Толстаго, отд. V, № 65: «Описаніе о начатіи города Чернаго Яра и о сгорѣніи перваго города, которое мѣсто нынѣ называется городищемъ». Въ отвѣтѣ Менгли-Гирея Ивану III Васильевичу 1492 года, сказано: «я съ братомъ моимъ великимъ княземъ всегда одинъ человѣкъ, и строю теперь при устьи Днѣпра, на старомъ городищѣ, новую крѣпость, чтобы оттуда вредить Польшѣ». Ист. Гос. Рос., т. VI, стр. 146 и т. д.

Наконецъ, народныя преданія утверждаютъ, что множество сохранившихся городищъ представляютъ собою памятники древнихъ городовъ [77]). Съ другой стороны, ни въ лѣтописяхъ, ни въ древнихъ актахъ мы не находимъ иного значенія слова городище, кромѣ значенія мѣста бывшаго города. Въ силу сказанныхъ аргументовъ, до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія всѣ ученые признавали въ городищахъ остатки древнихъ городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія или крѣпостей. Такъ объяснено значеніе этихъ памятниковъ и въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, въ которомъ читаемъ: „городище значитъ такое мѣсто, гдѣ прежде сего бывалъ городъ или какое укрѣпленіе [78]).

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, польскій ученый Адамъ Чарноцкій, извѣстный въ наукѣ подъ именемъ Зоріана Доленги Ходаковскаго, обративъ вниманіе на громадное количество сохранившихся городищъ и подчиняясь господствовавшимъ въ то время воззрѣніямъ о разсѣянномъ бытѣ древнихъ славянъ и ничтожномъ количествѣ городовъ, существовавшихъ въ древнѣйшей Россіи, объявилъ понятія прежнихъ ученыхъ объ историческомъ значеніи городищъ грубою ошибкою незнанія, давъ этимъ памятникамъ новое объясненіе [79]).

---

[77]) См. Сѣв. Архивъ. 1823 г., № 1, ст. 25. Записки отдѣл. рус. и слав. арх., т. I, 1851 г. Отд. арх. обозр. рус. зем., стр. 15—31, №№ 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11, и др. Арх. Вѣст. Моск. Арх. Общ., т. I, 1868 г. стр. 62. Обозр. могилъ, валовъ и городищъ Кіев. губ. Изд. Фундуклея. 1848 г. с. VII и др.

[78]) Часть II, стр. 70.

[79]) «Одни, согласно съ Рулье», объявилъ Ходаковскій, «утверждаютъ, что городища должны быть остатками городовъ прежнихъ народовъ; иные хотятъ видѣть въ городкахъ и городищахъ родъ нѣкоторой обороны военной и всѣ ошибаются, ибо незнаютъ, что сіи городки слишкомъ многочисленны для нашего сѣвера, который не въ состояніи прокормить столько городовъ и столь тѣсны, что не могутъ помѣстить болѣе двухъ деревенскихъ хижинъ, и потому самому неспособны для обороны. Если бы дѣлали оные съ такимъ намѣреніемъ, нужно-ли было держаться правилъ, чтобъ всѣ городища имѣли входъ отъ востока, были насыпаны черноземомъ и окружались на четыре версты одинаковыми урочищами славянскими, то-есть, божественными, чиновными, жертвенными, любовными, природными, земледѣльческими и пр.» Жур. Мин. Нар. Просв., 1838 г., № 12, стр. 488. Русск. Ист. Сбор. 1844 г. т. VII, стр. 10.

Городища признаны не остатками древнихъ городовъ, какъ прежде думали ученые, а мѣстами языческаго богослуженія древнихъ славянъ, приходскими храмами, „насыпями, которыя ограждали нѣкогда посвященныя многобожію мѣста“ [80]).

Теорія городищъ Ходаковскаго имѣла въ наукѣ громадный успѣхъ и еще въ настоящее время ей слѣдуютъ многіе изъ уважаемыхъ нашихъ ученыхъ. Намъ кажется, чтобы признать въ сохранившихся городищахъ памятники языческаго богослуженія, должно признать достаточными основанія этого воззрѣнія, и, наоборотъ, должны быть признаны неубѣдительными доводы въ пользу воззрѣнія на городища, какъ на памятники древнихъ городовъ. Понятіе объ историческомъ значеніи городищъ ученыхъ до Ходаковскаго опирается на доводахъ филологіи, прямыхъ свидѣтельствахъ источниковъ и народныхъ преданіяхъ. Гипотеза Ходаковскаго держалась и держится на голословныхъ заявленіяхъ о личномъ убѣжденіи въ священномъ характерѣ этихъ памятниковъ, которое авторъ вынесъ, будто-бы, изъ личнаго изслѣдованія нѣсколькихъ сотень сохранившихся городищъ, изслѣдованныхъ имъ въ странствованіи между Шлезіею и Москвою, Бѣлоозерскимъ уѣздомъ и берегами Днѣстра, и на объявленныхъ имъ признакахъ повсемѣстнаго единообразія городищъ [81]).

Послѣдователи Ходаковскаго, принимая голословныя заявленія его о личномъ знакомствѣ со множествомъ городищъ за чистую монету, распространили мнѣнія, по которымъ: „Ходаковскій пѣшкомъ обошелъ почти всѣ славянскія земли, онъ изрылъ рус-

[80]) «нашедши» говоритъ Ходаковскій, «едва не при всѣхъ мѣстахъ, упоминаемыхъ въ Россіи до 989 г. земляные маленькіе городки, замѣтивъ ихъ вездѣ при урочищахъ, одноименныхъ съ славянскими божествами, и на всѣхъ порѣчьяхъ и поозерьяхъ, способствовавшихъ первоявленнымъ поселеніямъ, не могу не опредѣлить, что сіи однохарактерные окопы съ одинаковыми названіями значили въ 1 эпохѣ нашей священныя ограды, осѣняемыя рощами или дубравами, гаями, словомъ, онѣ были нашими lucus». Рус. Ист. Сбор. т. I, кн. 3, стр. 53. Изложеніе гипотезъ Ходаковскаго см. въ Вѣст. Европы 1819 г. № 20, стр. 279 и слѣд.; 1820 г. №№ 17 и 18; Сынъ Отеч. 1820 г. №№ 33—40; Рус. Ист. Сборн, т. I, к. 3, т. VII; Жур. Мин. Нар. Просв. 1838 г., № 12, стр. 479 и слѣд.

[81]) «Видѣвъ одинъ характеръ и неизмѣнныя условія во всѣхъ городкахъ. Изчисляю здѣсь сіи условія: 1) находятся вообще въ прелестныхъ избран-

скую землю; Ходаковскій имѣлъ право быть смѣлымъ въ своихъ заключеніяхъ, обладая огромнымъ запасомъ наблюденій; никто, кромѣ него, не путешествовалъ еще такъ долго и такъ исключительно съ цѣлію узнать городища", и т. д. [82]). Въ дѣйствительности же, изученіе теоріи городищъ Ходаковскаго въ изложеніи самого автора (а не въ сжатомъ изложеніи Погодина Изс. Зам. и Лекц. Т. II, стр. 400—414), сличеніе его соображеній о городищахъ, напечатанныхъ до появленія критики Калайдовича и послѣ ея и изслѣдованія городищъ въ натурѣ, указанныхъ самимъ Ходаковскимъ, доказываютъ, что знаменитая теорія богослужебнаго значенія городищъ была получена авторомъ путемъ кабинетныхъ соображеній, а не путемъ изученія этихъ памятниковъ въ натурѣ, что убѣжденіе о личномъ знакомствѣ Ходаковскаго со множествомъ городищъ, распространенное г. Погодинымъ путемъ лекцій въ московскомъ университетѣ, не имѣетъ фактическихъ основаній. Въ приступѣ къ отвѣту Калайдовича самъ Ходаковскій сознается: „надлежало мнѣ разсмотрѣть Россію... и я, снабженный открытыми листами, отправился

ныхъ мѣстахъ, имѣя входъ съ востока, лѣтняго или зимняго; 2) валъ изъ чернозема насыпанъ до самой подошвы; 3) внутренняя тѣснота; 4) постоянныя вокругъ урочища, какъ выше сказано; 5) извѣстное разстояніе отъ другихъ городковъ въ 4, 6, 8-ми старыхъ верстахъ, или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселеніямъ. Странствуя отъ Шлезіи до Москвы и отъ береговъ Днѣстра до Бѣлоозерскаго уѣзда, я видѣлъ нѣсколько сотъ уцѣлѣвшихъ городковъ, нерѣдко въ мѣстахъ, которыя никакимъ преданіемъ и историческимъ случаемъ не ознаменованы, часто находятся въ поляхъ, удаленныхъ отъ жила, въ лѣсахъ, пробуждаемыхъ журчаніемъ холоднаго ручейка... Рус. Ист. Сборн., т. I, кн. III стр. 11 и 13. «Г. Калайдовичъ спрашиваетъ меня: кто внушилъ такой даръ вѣдѣнія, при совершенномъ молчаніи всѣхъ вообще лѣтописей? Вѣдѣнія мои были внушены пятилѣтнимъ до того странствованіемъ». Тамъ-же, стр. 77. «Г. Калайдовичъ спрашиваетъ: кто разскажетъ намъ исторію сихъ городищъ и урочищъ, во множествѣ разсѣянныхъ по землѣ славянской? Сіе самое множество, или лучше сказать однообразіе, увольняетъ меня отъ особенныхъ исторій на каждомъ мѣстѣ. Общее, древнее у всѣхъ Словянъ, въ продолженіи 7 лѣтъ, выучился я нѣсколько узнавать». Тамъ-же, стр. 97.

[82]) См. Погодина—Изслѣд. Зам. и Лекц., т. II, стр. 390. Рус. Ист. Сбор. т. III, кн. III, стр. 73, прим. ред. Зап. Одес. Общ. Ист. и древ., т. II, стр. 533; и др.

изъ С.-Петербурга въ мое путешествіе, 17 Августа 1820 года. Взоръ и вопросы мои во-первыхъ устремились на Ижерскую землю (Ингрію) и на берега знаменитой Невы, оттуда перешелъ я къ устью Волхова и старой Ладоги,—далѣе къ Новугороду и окрестностямъ онаго... (перечисляется 25 русскихъ городовъ въ губерніяхъ Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Московской и Смоленской)... и прибылъ въ Москву 1821 года. Симъ заключались Annus Gratiae, первая поѣздка моя (замѣтимъ, первая и послѣдняя) *въ продолженіи одного съ небольшимъ лѣта и двухъ зимъ,* которыя употребилъ я въ занятіяхъ въ Новѣгородѣ и Москвѣ [83]). Слѣдовательно, знаменитый археологъ, географъ и историкъ, будто-бы, исходившій пѣшкомъ и изрывшій русскую землю, по его собственному сознанію, занимался въ Россіи изслѣдованіемъ городищъ только одно лѣто: онъ выѣхалъ изъ Петербурга 17-го Августа 1820 года, а окончилъ путешествіе въ Москвѣ въ слѣдующемъ 1821 году, положимъ даже въ концѣ его. Мы по собственному опыту знаемъ, да и каждый археологъ, лично изслѣдовавшій городища, знаетъ, что въ теченіи одного лѣта можно изучить въ археологическомъ отношеніи самое незначительное пространство земли; Ходаковскій же въ одно лѣто исходилъ и изслѣдовалъ 5 губерній, посѣтилъ 25 городовъ [84]); „среди сего странствованія лично обозрѣвалъ еще многія окрестности и мѣста замѣчательныя по древнимъ названіямъ или уцѣлѣвшимъ городкамъ, разрывалъ, такъ называемыя, Сопки въ Старой Ладогѣ, на Волотовѣ, при нижнемъ Волховѣ, и при Мологѣ, отличныя какія-то насыпи въ Чернобожьи“ [85]). Объѣхать такое

---

[83]) Рус. Ист. Сбор. т. I, кн. 3, ст. 5 — 7. Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1838 г. № 12, стр. 479 и слѣд.

[84]) Авторъ былъ: въ Ижорской Землѣ, Старой Ладогѣ, Новгородѣ, Лугѣ, Коропьи, Дѣвичей горѣ, Гдовѣ, Псковѣ, Изборскѣ, Порховѣ, Чернобожьи, опять въ Новгородѣ, Яжелобицахъ, Торжкѣ, Твери, Городнѣ на Волгѣ, Бѣжецкѣ, Бѣжецкомъ Погостѣ, Весьегонскѣ, Устюжнѣ, Веси-Колбской, Череповцѣ, Кашинѣ, Бѣлгородѣ на Волгѣ, Дмитровѣ, Троицкой Лаврѣ, Радонежѣ, Москвѣ, Звѣнигородѣ, Рузѣ Новой, Можайскѣ у источниковъ Москвы рѣки и опять въ Москвѣ. Тамъ-же, стр. 6,

[85]) Тамъ-же.

пространство земли въ указанный срокъ возможно, но невозможно его изслѣдовать въ археологическомъ отношеніи. Мы тѣмъ болѣе сомнѣваемся въ археологическихъ трудахъ автора, что въ подкрѣпленіе словъ, имъ не было обнародовано ни обѣщанныхъ описаній, ни плановъ, ни чертежей, ни даже простаго перечня сотенъ городищъ, будто-бы изслѣдованныхъ имъ. Но можетъ быть Ходаковскій хорошо познакомился съ городищами въ земляхъ западныхъ и южныхъ славянъ, до пріѣзда въ Россію? И это весьма сомнительно; не только описаній, но даже простаго перечня городищъ на западѣ, какъ и въ Россіи, составленнаго Ходаковскимъ не сохранилось, а между тѣмъ, есть основаніе думать, что онъ даже не былъ увѣренъ въ существованіи городищъ у западныхъ Славянъ [86]).

Откуда же Ходаковскій набралъ множество названій живыхъ урочищъ и городковъ, перечисленныхъ въ его, такъ-называемомъ, „Номенклатурномъ Словарѣ“ и означенныхъ на картѣ, изданной въ нынѣшнемъ году въ приложеніяхъ въ Древней Русской Исторіи Погодина? Послушаемъ опять самого автора: „среди сего странствованія, разсмотрѣлъ я 4 губернскіе чертежни въ генеральномъ производствѣ межевой всякаго уѣзда, со всѣми осѣдлостями, пустошами и т. п. живыми урочищами, все до одного нумера. Въ Москвѣ, пользуясь дозволеніемъ межевой канцеляріи, я разсмотрѣлъ еще 21 губернію со всею подробностію генеральнаго производства, съ экономическими примѣчаніями... содѣйствіе другихъ не могло быть вообще значительнымъ. Старый священникъ, помѣщикъ, земледѣлецъ, были моими наставниками касательно своего околотка. Надлежало по одной жемчужинѣ, такъ

---

[86]) Въ 1823 году въ Сѣверномъ Архивѣ было напечатано письмо Кеппена изъ Германштадта, въ которомъ было сказано: «городищъ, каковыя находитъ г. Ходаковскій, я не встрѣчалъ ни въ Славоніи, ни въ Сирміи. Здѣсь градищами называются развалины древнихъ замковъ и башень «Сѣв. Арх. 1823 г. № 1, стр. 25. Калайдовичъ указалъ Ходаковскому на это письмо и послѣдній отвѣчаетъ: «я просилъ г. Кеппена развѣдать не о башняхъ и замкахъ, построенныхъ въ новѣйшія времена, и не у дефиниторовъ келейныхъ или нормальныхъ, но при удобномъ случаѣ спросить тамошнихъ пановъ и кметей, особенно старожиловъ, есть-ли у нихъ что-нибудь похожее на русскія городища и польскія гродзиски. Рус. Ист. Сбор., т. I, кн. 3, стр. 45.

изъяснюсь, нанизывать сію нить длинную. Межевая канцелярія въ сихъ отношеніяхъ болѣе меня удовлетворяла—рѣдкій былъ уѣздъ, въ которомъ при первомъ взглядѣ не нашлось бы 10 городковъ" [87]).

И такъ, археологическое изслѣдованіе городищъ Россіи, предпринятое Ходаковскимъ, сосредоточилось въ межевой канцеляріи и ея отдѣленіяхъ и ограничилось выборомъ изъ чертежей и картъ генеральнаго межеванія живыхъ урочищъ и городищъ, которыя авторъ находилъ нужными для подкрѣпленія своихъ теорій. Но для того не нужно было странствовать по Россіи; можно было оставаясь въ Петербургѣ или Гомелѣ, пользуясь географическими картами и словарями, собрать сотни городищъ и живыхъ урочищъ. Слѣдовательно, теоріи Ходаковскаго о древнихъ городищахъ основаны не на изученіи городищъ въ натурѣ, а на кабинетной работѣ, при которой путешествіе по Россіи только маскировало чисто теоретическія построенія. Условія богослужебнаго значенія городищъ, объявленныя авторомъ въ „Письмѣ изъ Гомля", были получены имъ путемъ кабинетныхъ соображеній; приступивъ къ изученію городищъ въ натурѣ, осмотрѣвъ нѣсколько насыпей на Волховѣ и въ окрестностяхъ Новгорода, авторъ не нашелъ предположенныхъ имъ условій, но у него не хватило силы характера, чтобы сознаться въ своей ошибкѣ. Отсюда, ученый, ясно излагающій свои мысли въ „Письмѣ изъ Гомля" и въ „Проэктѣ ученаго путешествія по Россіи" [88]), въ „Донесеніи о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи" и въ отвѣтѣ Калайдовичу, названномъ редакціей Русскаго Историческаго Сборника за 1838 годъ „Исторической системой", впадаетъ въ безпрестанныя самопротиворѣчія; прячетъ свои мысли въ темнотѣ изложенія, въ общихъ мѣстахъ, въ двусмысленныхъ намекахъ; защищаетъ себя стороною или намеками о своей опытности и часто является совершенно непонятнымъ [89]).

---

[87]) Стр. 6—8.

[88]) Вѣст. Евр. 1819 г. № 20; 1820 г. № 17, 18.

[89]) Рус. Ист. Сборн. т. 1, к. 3, стр. 8, 9, 44, 45, 77, 79, 83, 92—96 и друг. Отвѣчая на вопросъ Калайдовича: «имѣли-ли наши предки

Сказанное объясняетъ, почему ни одно изъ фактическихъ основаній теоріи богослужебнаго значенія городищъ, созданной Ходаковскимъ, не оправдалось въ дѣйствительности.

Три извѣстныя въ наукѣ изслѣдованія, предпринятыя съ цѣлію изученія внѣшнихъ формъ сохранившихся городищъ, привели къ результатамъ, по которымъ признаки единообразія городищъ, положенные въ основаніе теоріи Ходаковскаго, оказались плодомъ фантазіи, а не факта. Эти изслѣдованія принадлежатъ К. Ѳ. Калайдовичу, И. И. Срезневскому и А. С. Уварову. Изслѣдованіе городищъ Рязанской губерніи привело г. Калайдовича къ слѣдующему результату: „позвольте“, писалъ знаменитый археологъ въ 1823 году, къ А. Ѳ. Малиновскому, „изчислить нѣсколько городковъ и городищъ, о которыхъ столь много говорятъ въ наше время, а потомъ предложить мнѣніе по сему предмету, которое будетъ совершенно противно извѣстнымъ предположеніямъ Ходаковскаго“. Слѣдуетъ перечень городищъ изслѣдованныхъ авторомъ, опроверженіе всѣхъ условій, на которыхъ основано воззрѣніе на городища, какъ на языческіе храмы и, наконецъ, слѣдующее заключеніе: „не оспариваю, что мѣста славянскихъ жертвоприношеній и кумиры были на возвышеніяхъ, могли окружаться валами, что въ числѣ городищъ найдется нѣсколько таковыхъ мольбищъ, но рѣшительно утверждаю, что

язычники храмы? были-ли у нихъ жрецы?» Ходаковскій договорился до того, что объявилъ русскіе города, упоминаемые въ договорѣ Олега съ греками *священными рощами*, а князей этихъ городовъ первосвященниками!? «О жрецахъ давнымъ давно извѣстно изъ лѣтописей: были у Славянъ Балтійскихъ; Русскіе также ихъ имѣли; даже Несторъ объ нихъ говоритъ, но мы ихъ до сихъ поръ у него не замѣтили. Въ договорахъ Руси съ Византіей 906, 912 и 945, не только Олегъ и Игорь называются свѣтлыми великими князьями, но и тѣ, которые остались въ городахъ: Кіевѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ, Любечѣ, Полотескѣ, Ростовѣ и прочихъ, сущіе подъ рукою Кіевскаго... Города въ означенныхъ мѣстахъ должно понимать посвященными оградами или рощами lucus, а свѣтлыхъ князей первосвященниками. Посмотримъ далѣе: Древляне говорятъ передъ кіевскою Ольгою: наши князья (во множеств. числѣ) суть добри, иже роспаслисуть Деревскую землю! Иныхъ, кромѣ духовныхъ, не можно предполагать въ 62 года послѣ покоренія той земли Олегомъ, и при собираемой тутъ ежегодно дани изъ Кіева». Тамъ-же, ст. 81, 82.

большую часть оныхъ составляютъ огражденія городовъ, селеній и крѣпостей“ [90]). Изслѣдованіе г. Срезневскаго городищъ южной Россіи и западныхъ славянъ привело къ слѣдующимъ результатамъ. Ходаковскій объявилъ, что „городища должно искать на каждой квадратной милѣ земли славянской, что каждое лежитъ порознь, уединенно, такъ, что нельзя видѣть двухъ трехъ на одной верстѣ“ [91]); г. Срезневскій замѣтилъ, что „факты противорѣчатъ такой догадкѣ... въ южной Россіи нѣкоторыя прирѣчья примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно пройдти большое пространство, напримѣръ, въ степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ, городища попадаются и на востокъ и на западъ такъ близко, что съ одного можно видѣть нѣсколько, что находимъ два три на одной полуверстной линіи“ [92]). Ходаковскій объявилъ: „городища вездѣ межъ собою единообразны, имѣютъ небольшіе кругловатые валы“ [93]); г. Срезневскій нашелъ: „разнообразіе формъ, которое встрѣчаемъ въ валахъ городищъ, болѣе всего мѣшаетъ ясности понятія о городищѣ вообще. Почти можно сказать, что нѣтъ черты, прямой, или кривой, по которой не была бы проведена насыпь вала въ городищѣ“ [94]). Ходаковскій считалъ входъ съ востока непремѣннымъ условіемъ всѣхъ городищъ, преимущественно доказывавшимъ ихъ религіозный характеръ [95]); г. Срезневскій высказываетъ: „Ходаковскій считалъ лице или входъ съ востока въ числѣ важныхъ условій городища и ошибся. Вы видѣли десять городищъ, обращенныхъ лицемъ къ западу, видѣли четыре, обращенныхъ къ сѣверу, видѣли два, обращенныхъ къ югу“ [96]). Ходаковскій объявилъ: „въ городищахъ, собственно такъ-называемыхъ, едва-ли можно помѣс-

---

[90]) Письма объ Арх. изслѣд. въ Ряз. губер., т. IV.

[91]) Рус. Ист. Сборн., 1838 г., кн. III, стр. 11, 12.

[92]) Зап. Одес. Общ. Ист. и древ., т. II, стр. 535, 536.

[93]) Сынъ От. 1820, № 33, стр. 296. Вѣст. Ев. 1819 г. № 20, стр. 218. Въ отвѣтѣ Калайдовичу авторъ отказался отъ этого положенія и долженъ былъ признать разнообразіе формъ городищъ. Р. И. С. 1838 г., III, стр. 10.

[94]) Стр. 537.

[95]) Жур. Мин. Нар. Пр. 1838 г. № 12, стр. 488. Истор. Система, стр. 11, 27, 93 и др.

[96]) Стр. 547.

тить двѣ хижины" [97]); г. Срезневскій нашелъ: „длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и доходитъ до 1000... Обыкновенной величины городища имѣютъ отъ 150 до 300 шаговъ длины по вѣнцу вала." [98]). Въ изслѣдованіи графа Уварова „Меряне и ихъ быть по курганнымъ раскопкамъ", въ отдѣленіи „первыя жилища и первыя поселенія" читаемъ: „найденные въ городищахъ желѣзные предметы неоспоримо пріурочиваютъ эти насыпи къ эпохѣ желѣзнаго вѣка... мы думаемъ, что обычай воздвигать городища былъ такимъ-же общенароднымъ обычаемъ у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка, какъ сожиганіе труповъ или насыпка кургановъ" [99]). Въ отдѣленіи „внутренній бытъ", подъ рубрикою „жилища", находимъ: „городища, о прямомъ значеніи которыхъ доселѣ ничего неизвѣстно, занимая центральное положеніе и вѣроятно самое лучшее возвышенное мѣсто на срединѣ мерянскихъ поселеній, служили укрѣпленнымъ мѣстомъ для самыхъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для будущихъ городовъ.... изъ всего этого можно замѣтить, что внутренняя часть городищъ была занята жилищами" [100]). Наконецъ, въ томъ же отдѣленіи, подъ рубрикою „предметы религіознаго вѣрованія", находимъ: „не смотря на количество изслѣдованныхъ мѣстностей, мы нигдѣ не нашли ясныхъ указаній на существованіе особыхъ мѣстъ для

---

[97]) Сынъ Отечест 1320 г. № 38. с. 201.

[98]) Стр. 548 и 549. См. еще Костомарова Сѣвер. рус. народопр., т. II, стр. 78—81. Описаніе городищъ отъ пригородовъ Псковскихъ. Величина площадей ихъ измѣняется отъ 500 до 900 шаговъ въ окружности: пространство Изборскаго городища «менѣе иного помѣщичьяго двора»; площадь Котельничьяго городища «до 600 шаговъ въ окружности»; «площадь Вревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину»; «площадь Вороночскаго городища болѣе 700 шаговъ въ окружности»; окружность площади Коложскаго городища до 800 шаговъ»; «Опочское городище имѣетъ въ окружности 750 шаговъ»; «окружность Краснаго городища 515 шаговъ»; «Вельское городище имѣетъ въ окружности 879 шаговъ».

[99]) Стр. 47

[100]) Стр. 94.

религіозныхъ обрядовъ, для капищъ и для жертвоприношеній. Слѣды обгорѣлыхъ предметовъ, угли и остатки звѣриныхъ костей, попадающіеся при раскопкѣ городищъ, могли принадлежать, какъ религіознымъ жертвоприношеніямъ, такъ и жилищамъ, находившимся въ этихъ городищахъ" [101]).

Такимъ образомъ, всѣ общія условія городищъ, положенныя Ходаковскимъ въ основаніе его теоріи, оказались несоотвѣтствующими дѣйствительности. Но если основанія воззрѣнія на городища, какъ на памятники языческаго богослуженія, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то что-же заставитъ насъ удерживать долѣе эту теорію въ виду вышеприведенныхъ историческихъ и филологическихъ данныхъ, указывающихъ на истинное значеніе этихъ памятниковъ въ исторіи.

Значеніе Ходаковскаго въ наукѣ опредѣляется не его теоретическими построеніями о значеніи городищъ въ исторіи, какъ памятниковъ миѳологіи, а тѣмъ, что онъ, выбравъ разсѣянныя извѣстія о городищахъ изъ географическихъ словарей и географическихъ картъ, обратилъ вниманіе на громадное количество этихъ памятниковъ. И этотъ существенный пунктъ въ трудахъ Ходаковскаго не обратилъ на себя должнаго вниманія ученыхъ, только благодаря фантастическимъ предположеніямъ самого автора о миѳологическомъ значеніи городищъ, какъ храмовъ, поставившихъ въ тѣни важное открытіе.

Будучи того мнѣнія, что только личное знакомство съ первичными источниками даетъ твердость убѣжденіямъ въ отношеніи историческихъ вопросовъ и желая провѣрить путемъ личнаго изслѣдованія городищъ воззрѣнія на эти памятники, высказанныя въ нашей ученой литературѣ ихъ прежними изслѣдователями, я сдѣлалъ два путешествія по Россіи: одно въ 1871 году, а другое въ 1872 году. Я осмотрѣлъ четыре позднѣйшія земляныя насыпи на лѣвомъ берегу р. Невы, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ названіями городковъ [102]); такой-же городокъ на

---

[101]) Стр. 97.

[102]) 1) На правомъ берегу устья р. Ижоры, въ селеніи Усть-Ижорѣ; 2) въ двухъ верстахъ отъ села Вознесенскаго или Корчмина, по дорогѣ въ дерев-

лѣвомъ берегу р. Назьи [103]); городище на лѣвомъ берегу р. Лавы [104]); четыре, сохранившіяся городища на р. Волховѣ [105]); пять городищъ въ окрестностяхъ Новгорода и Старой Руссы [106]); Дьяконово городище подъ Москвою [107]); четыре городища въ Курскомъ уѣздѣ на берегахъ рѣкъ Сейма, Рати и Куры [108]); два городища въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, на берегу р. Донца [109]); городокъ въ чертѣ города Путивля [110]); три городища въ Суджанскомъ уѣздѣ [111]); семь городищъ въ Глуховскомъ уѣздѣ на берегахъ рр. Есмани и Клевени [112]); тринадцать городищъ въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, на берегахъ рѣкъ Десны и Малотечны [113]); два городища въ Стародубскомъ

ню Новое, на такъ-называемомъ Шереметьевомъ полѣ; 3) на правомъ берегу устья р. Тосны въ селѣ Ивановскомъ; 4) подъ селеніемъ Петрушкинымъ.

[103]) У деревни Апракинъ городокъ.

[104]) У деревни Городище.

[105]) 1) Въ Старой Ладогѣ; 2) въ двухъ верстахъ отъ Старой Ладоги, внизъ по теченію Волхова, при впаденіи въ него Короповскаго ручья, между деревнями Короповкою и Любшею; 3) у деревни Дубовики, въ 9 верстахъ отъ Старой Ладоги, вверхъ по Волхову; 4) у села Городища, при впаденіи въ Волховъ ручья Солоника.

[106]) 1) Холопій городокъ въ 8 верстахъ отъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова, между Варлаамовымъ монастыремъ (Хутынь) и деревнею Робейкою; 2) въ одной верстѣ отъ Новгорода, противъ предмѣстья Славки; 3) у деревни Сергіева, въ 6 верстахъ отъ почтовой станціи Борки 4) въ одной верстѣ отъ села Бронницы; 5) въ Старорусскомъ уѣздѣ, у деревни Веряско, на р. Ловати.

[107]) Въ четырехъ верстахъ отъ Царицына, въ селѣ Дьяконовѣ, на берегу р. Москвы.

[108]) Два подъ Курскомъ, противъ села Толмачева; одно у деревни Городища и одно у деревни Гнѣздиловой.

[109]) Подъ Бѣлгородомъ.

[110]) Гдѣ нынѣ острогъ.

[111]) Два у Николаевской Бѣлогорской пустыни и одно у заштатнаго города Мирополья, при с. Рыбицѣ.

[112]) На р. Есмани: одно у деревни Будищъ и два у села Ротовки; на р. Клевени: у села Волокитина, у Воргла и два у села Литвиновичи.

[113]) На р. Деснѣ: три городища между Новгородсѣверскомъ и селеніемъ Команемъ; одно у села Араповичей; два у деревни Юхнова; два у села Горбова; одно у села Дегтяревки и одно у села Мезена. На р. Малотечнѣ: у деревни Кудлаевки; у села Стахорщины и у села Бугриновки.

уѣздѣ, на берегахъ рр. Вары и Судости [114]) и два городища подъ Черниговомъ, на берегахъ рѣкъ Десны и Снова [115]).

Мы убѣдились лично, что дѣйствительность противорѣчитъ всѣмъ основаніямъ теоріи историческаго значенія городищъ, созданной Ходаковскимъ. Такъ, Ходаковскій утверждалъ, что въ мѣстностяхъ, которыя въ древности не были заселены славянами, къ какимъ онъ причисляетъ берега Невы, неизвѣстны народу названія городище и городокъ, что единственный окопъ на Невѣ, при устьѣ Ижоры, носитъ въ народѣ названіе шанецъ, а не городокъ, что первый городокъ, соотвѣтствующій условіямъ древнихъ славянскихъ городковъ — городокъ Апраксинъ на р. Назьи, отъ котораго на югъ и на востокъ встрѣчаются городки соотвѣтственно его теоріи [116]). Въ дѣйствительности-же, на лѣвомъ берегу Невы мы нашли остатки четырехъ земляныхъ укрѣпленій, которыя каждому крестьянину ближайшихъ селъ и деревень извѣстны только подъ названіемъ городковъ; названіе шанецъ не извѣстно какъ финскому, такъ и славянскому элементамъ населенія; Апраксинъ городокъ по своимъ формамъ не отличается отъ городковъ на устьяхъ Ижоры и Тосны: всѣ три, при правильной четыреугольной формѣ, обведены рвами и имѣютъ по угламъ бастіоны для помѣщенія орудій; а слѣдовательно, если Усть-Ижорскій окопъ долженъ быть признанъ памятникомъ укрѣпленій системы Вобана, то таковымъ-же долженъ быть признанъ и городокъ Апраксинъ. Точно также, сохранившіяся древнѣйшія городища не представляютъ собою ни единообразной формы въ очертаніяхъ, ни единообразныхъ котлищъ на поверхности, ни единообразнаго расположенія, ни входа съ однимъ направленіемъ, ни насыпи единообразнаго состава, ни постоянно повторяющихся урочищъ въ ихъ окрестностяхъ. Напротивъ, формы городищъ, мѣстоположеніе, характеръ внѣшнихъ укрѣпленій, состоящихъ изъ

---

[114]) На р. Варѣ, въ усадьбѣ Городищѣ А. И. Ханенко; на р. Судости, у усадьбы Чубарова М. М. Ханенко.

[115]) При впаденіи Снова въ Десну, въ селѣ Брусиловѣ и на берегу Снова, въ селѣ Седневѣ.

[116]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1838 г., № XII, стр. 485.

рвовъ и валовъ, народныя преданія о значеніи ихъ, сличеніе мѣстонахожденія нѣкоторыхъ городищъ съ мѣстонахожденіемъ городовъ, называемыхъ лѣтописями въ до-татарскій періодъ, составъ городищныхъ насыпей и вещи, находимыя на поверхности городищъ и въ нихъ вырываемыя, убѣждаютъ, что эти памятники представляютъ собою не исключительныя мѣста языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, а жилыя мѣста, защищавшія древнихъ поселенцевъ въ Россіи отъ непріятельскихъ нападеній, остатки тѣхъ тысячъ городовъ, о которыхъ говорятъ лѣтописи, древніе акты и иностранные писатели, вышеприведенные нами.

Всѣ сохранившіяся древнія земляныя насыпи, извѣстныя въ народѣ подъ названіями городищъ и городковъ [117]), по внѣшнимъ формамъ, указывающимъ на эпоху ихъ происхожденія, мы думаемъ, должны быть раздѣлены на два разряда: 1) городища съ правильными угловатыми очертаніями, съ выступами или бастіонами по угламъ, для помѣщенія орудій, относящіяся къ періоду послѣ введенія въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ, и 2) городища съ кругообразными очертаніями, относящіяся къ періоду до изобрѣтенія пороха и пушекъ. Къ первому разряду, изъ осмотрѣнныхъ мною городищъ, относятся: четыре городка на Невѣ, Апраксинъ городокъ на р. Назьи, окопъ въ Старой Ладогѣ, съ южной стороны Георгіевской крѣпости, и городища подъ Бѣлгородомъ, въ Курской губерніи; ко второму, всѣ остальныя. Типомъ первыхъ можно считать окопъ, на которомъ построена Павловская крѣпость подъ Петербургомъ, или городище, изображенное у Фундуклея, въ приложеніяхъ къ его „Обозрѣнію могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи“ [118]); вторыя до безконечности разнообразны. Оставляя новѣйшія городища, какъ неимѣющія отношенія къ нынѣ изучаемому нами вопросу, мы укажемъ здѣсь только общія условія городищъ древнѣйшей эпохи.

---

[117]) Названія городище и городокъ въ народѣ не различаются: одну и туже насыпь одинъ крестьянинъ наз. городищемъ, а другой городкомъ; одинъ и тотъ-же крестьянинъ одну и туже насыпь называетъ городищемъ и городкомъ, смотря по формѣ предложеннаго ему вопроса.

[118]) Табл. II, № 6.

Древнѣйшія городища, за немногими исключеніями, расположены на наиболѣе высокихъ пунктахъ высокихъ побережій, защищены съ двухъ или трехъ сторонъ естественными оврагами или крутыми спусками къ рѣкѣ, а со стороны, примыкающей къ ровному, открытому полю, обведены искусственными укрѣпленіями, валами и рвами. Немногія городища, представляющія исключенія, помѣщены въ мѣстахъ низменныхъ, на лугахъ [119]), и въ такомъ случаѣ, всегда на мѣстахъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ или окружавшихся водою. Городищъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, я нигдѣ не встрѣчалъ.

Внутренняя часть или площадь городищъ, расположенныхъ на высокихъ побережьяхъ, всегда представляетъ собою отрѣзокъ горы, отдѣленный отъ прилегающаго поля насыпнымъ валомъ и выкопаннымъ рвомъ, а со стороны естественныхъ укрѣпленій ровно обрѣзанный, такъ что подходъ къ городищу съ луговой стороны очень затруднителенъ, а подъѣздъ невозможенъ. Величина площади, большей части изслѣдованныхъ мною городищъ, измѣняется отъ 300 до 450 шаговъ въ окружности; но встрѣчаются меньшія до 200 [120]) и большія до 1,000 шаговъ въ окружности [121]). Поверхность площади, за исключеніемъ городищъ, застроенныхъ или занятыхъ кладбищами въ новѣйшее время [122]), совершенно ровная, иногда поросшая лѣсомъ, а въ большинствѣ случаевъ, распахивается подъ посѣвы; никакихъ котлищъ, съ остатками жертвоприношеній, на поверхности городищъ я не встрѣчалъ. Форма площади разнообразна: городище на Лавѣ и Короповскій городокъ на Волховѣ треугольной формы; Сергіевскій го-

---

[119]) Холоповскій и Сергіевскій городки подъ Новгородомъ; Толмачево городище подъ Курскомъ и городокъ въ Глуховскомъ уѣздѣ, у деревни Литвиновичи.

[120]) Сергіевскій городокъ подъ Новгородомъ, Дьяконово городище подъ Москвою, большое Рыбицкое городище у Милрополья въ Суджанскомъ уѣздѣ.

[121]) Варгольское и Волокитинское городища на р. Клевени въ Глуховскомъ уѣздѣ, большое Бѣлогорское городище на р. Пслѣ, въ Суджанскомъ уѣздѣ, городокъ въ чертѣ города Путивля.

[122]) Городище на Волховѣ въ селѣ Городищѣ, Бронницкій городокъ, Путивльскій городокъ, городокъ въ Глуховскомъ уѣздѣ въ селѣ Литвиновичи, Еврейское кладбище подъ Новгородомъ.

родокъ подъ Новгородомъ въ формѣ правильнаго полукруга, Дьяконовское подъ Москвою, Кудлаевское и Чайкино въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ въ формѣ почти правильныхъ круговъ; два Юхновскихъ, въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, яйцеобразной формы, Дегтяревское и Чубаровское въ формѣ эллипсиса, и т. д. Входъ во всѣхъ городищахъ помѣщенъ съ той стороны, которая примыкаетъ къ открытому, ровному полю, отдѣленному отъ площади городищъ искусственными укрѣпленіями. Положеніе его опредѣляется мѣстными условіями. Такъ, напримѣръ: Кудлаевское городище на р. Молотечнѣ окружено съ сѣвера, запада и юга крутыми спусками къ рѣкѣ и естественными глубокими оврагами, по которымъ подниматься на городище очень трудно, а потому входъ этого городища обращенъ на востокъ, со стороны, гдѣ городище примыкаетъ къ полю, къ ровной поверхности. Чайкино городище, въ двухъ верстахъ отъ Кудлаевскаго, на той-же рѣкѣ, находится въ обратныхъ условіяхъ: примыкая къ открытому полю только съ запада, оно и входъ имѣетъ съ этой стороны, Слободское городище подъ Новгородсѣверскомъ, у села Команя, будучи помѣщено на крутомъ берегу Десны, имѣя съ сѣвера, сѣверо-востока, юга и юго-запада крутые спуски къ Деснѣ, въ глубокіе овраги, примыкая къ ровной поверхности только съ запада и сѣверо-запада, имѣетъ входъ съ послѣдняго; Бронницкій городокъ, помѣщенный на высокой, конусообразной горѣ, наиболѣе покатой съ сѣверной стороны, обращенъ входомъ на сѣверъ; Дьяконово городище подъ Москвою, кругомъ окруженное оврагами, длинной и узкой покатостью, спускающееся только съ восточной стороны, имѣетъ входъ съ востока; и т. д. Внѣшнія искусственныя укрѣпленія состоятъ изъ валовъ и рвовъ. Въ большинствѣ случаевъ городища окружены только однимъ валомъ, съ наружной стороны, окопаннымъ однимъ рвомъ, но встрѣчается ихъ и болѣе [123]). Во многихъ городищахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ почва издавна распахивается подъ посѣвы, рвы уже засыпаны, но

---

[123]) Кудлаевское городище на р. Малотечнѣ, Еврейское кладбище на р. Деснѣ.

бытность ихъ открывается раскопкою прилежащихъ къ валамъ мѣстностей.

Дѣлая пробныя ямы на многихъ изъ осмотрѣнныхъ мною городищахъ, я замѣтилъ, что составъ валовъ зависитъ отъ состава почвы въ той мѣстности, гдѣ расположено городище. Такъ, въ составѣ городищныхъ валовъ, лежащихъ на мѣловыхъ горахъ, преобладаетъ мѣлъ [124]); въ составѣ насыпей городищъ, лежащихъ въ глинистыхъ и песчаныхъ мѣстностяхъ, преобладаетъ глина и песокъ; наконецъ, въ городищахъ, лежащихъ въ мѣстностяхъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ чернозема, въ составѣ валовъ преобладаетъ черноземъ.

Внутренняя часть городищъ покрыта слоемъ перегноя растительныхъ веществъ и щебня, по толщинѣ различнымъ и подобнымъ щебню на дворищахъ и селищахъ новѣйшаго времени. Вездѣ я находилъ множество глиняныхъ черепковъ, кости, кирпичъ, битый дикій камень, уголь, золу и вещи, указывающія на домашнюю обстановку древнихъ Славянъ, но не на характеръ ихъ культа. Въ обрушившемся валѣ Дьяковскаго городища, подъ Москвою, найдена крестьянами цѣлая куча мѣдныхъ вещей, часть которыхъ, доставшаяся на долю одному изъ нашедшихъ крестьянъ, купленная мною и отданная въ музей Московскаго Археологическаго Общества (толстая мѣдная бляха и нѣсколько мѣдныхъ шейныхъ обручей) представляютъ собою древнія украшенія; остальныя вещи, проданныя крестьянами какимъ-то прохожимъ евреямъ, по ихъ описанію, были подобны вещамъ уцѣлѣвшимъ. При прорытіи мною въ томъ-же городищѣ пробной ямы, найдено множество разныхъ черепковъ, красной, бѣлой и черной глины, конскихъ и свиныхъ костей, битый камень, кирпичъ, уголь, зола, нѣсколько желѣзныхъ гвоздей и два маленькихъ глиняныхъ сосуда. При прорытіи двухъ пробныхъ ямъ въ большомъ Бѣлогорскомъ городищѣ, въ Суджанскомъ уѣздѣ, на р. Пслѣ, встрѣчены между прочимъ: четыре глиняныхъ кружка съ дырами (грузъ отъ рыбной сѣти), 4 заостренныя кости (вѣроятно, иглы для

---

[124]) Юхновское городище на Деснѣ, Бѣлогорское и большое Рыбницкое городища въ Суджанскомъ уѣздѣ на р Пслѣ.

шитья сѣтей), заостренный кабаній клыкъ, обдѣланный рогъ, маленькій глиняный сосудъ, известковый шарикъ, желѣзный ножикъ, мѣдный со стекломъ перстень и маленькій жерновъ или точило. При раскопкѣ Волокитинскаго городища въ Глуховскомъ уѣздѣ на р. Клевени, между прочимъ, найдено нѣсколько глиняныхъ шариковъ съ дырами, заостренныхъ костей и желѣзный топоръ, хранящійся у мѣстнаго помѣщика А. М. Митлошевскаго; на томъ-же городищѣ найдены крестьянами желѣзная шпора и желѣзный кинжалъ. При раскопкѣ пробной ямы на Юхновскомъ городище, найдено 16 глиняныхъ, конусообразныхъ слѣпковъ, неизвѣстнаго значенія, нѣсколько заостренныхъ костей и грузовые шарики.

Я не имѣлъ возможности раскопать, во всей цѣлости, ни одного городища; но сдѣланныя мною пробныя ямы на нѣкоторыхъ изъ нихъ не допускаютъ сомнѣній, что щебень, покрывающій внутреннюю часть городищъ, кости домашнихъ животныхъ, птицъ и рыбъ, глиняные черепки отъ различныхъ сосудовъ; битый дикій камень и кирпичъ, уголь и зола, лежащіе обширными пластами (возникновеніе которыхъ можетъ быть объяснено только сожженіемъ построекъ нѣкогда стоявшихъ на городищѣ), а не сваленныхъ гдѣ либо въ углу, у котлища или жертвенника, какъ думали прежде, — указываютъ на городища, какъ на памятники древнихъ народныхъ поселеній, укрѣпленныя жилища или города древнихъ обитателей Россіи. Такимъ образомъ обозрѣніе древнѣйшихъ городищъ на Лавѣ, Волховѣ, Лавати, Москвѣ, Сеймѣ, Курѣ, Рати, Пслѣ, Есмани, Клевени, Деснѣ, Малотечнѣ, Судости, Варѣ и Снови привело насъ къ тому-же заключенію о значеніи городищъ въ исторіи, къ какому пришли г. Калайдовичъ при обозрѣніи городищъ Рязанской губерніи, г. Пассекъ при обозрѣніи городищъ Тульской губерніи, г. Белюстинъ при обозрѣніи городищъ на Волгѣ, графъ Уваровъ при обозрѣніи городищъ Владимірской губерніи, г. Грабовскій при обозрѣніи городищъ Кіевской губерніи, то-есть, что городища представляютъ собою мѣста, на которыхъ прежде стояли города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія.

При взглядѣ на городища, какъ на мѣста древнихъ народ-

ныхъ поселеній, мы думаемъ, вполнѣ доказаннымъ собранными нами доказательствами, эти памятники получаютъ въ высшей степени важное значеніе для древнѣйшаго періода нашей исторіи, представляла собою чистый матеріалъ къ изученію количества поселеній въ древнѣйшей Россіи, путей колонизаціи, средствъ обороны отъ непріятеля, а въ нѣдрахъ своихъ, скрывая вещи, освѣщающія домашнюю обстановку нашихъ предковъ. Потому, убѣдившись мѣстными изслѣдованіями въ вѣрности моихъ заключеній объ историческомъ значеніи городищъ, полученныхъ на основаніи изученія архивныхъ источниковъ и ученой литературы, я нашелъ возможнымъ приступить къ собранію матеріаловъ для составленія общей географической карты сохранившихся городищъ, о необходимости которой для исторіи и археологіи издавна заявлялось въ нашей ученой литературѣ, но для составленія которой до настоящаго времени почти ничего не сдѣлано. Я тратилъ безполезно много времени и денегъ на поѣздки, отыскивая земляныя насыпи въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Географическая карта съ указателемъ могла бы облегчить дальнѣйшее изслѣдованіе городищъ лицамъ, которыя пожелали бы заняться ихъ изученіемъ. Обдумывая средства къ собранію матеріаловъ для составленія карты и указателя сохранившихся городищъ, я остановился на слѣдующемъ. Въ восьми губерніяхъ, изъ посѣщенныхъ мною въ нынѣшнемъ году, я обратился къ гг. Начальникамъ губерній и гг. Секретарямъ Статистическихъ Комитетовъ съ просьбой собрать свѣдѣнія о мѣстонахожденіи городищъ въ ихъ губерніяхъ, посредствомъ циркулярнаго запроса къ волостямъ, слѣдующаго содержанія: „Губернскій Статистическій Комитетъ предлагаетъ всѣмъ Волостнымъ Правленіямъ доставить непремѣнно къ..... числу будущаго.... мѣсяца свѣдѣнія: имѣются ли въ волости древнія земляныя насыпи, или валы, или окопы или батареи, которыя носятъ въ народѣ названія городковъ или городищъ, а если таковыя имѣются, то гдѣ именно, т. е., у какихъ городовъ, селъ, деревень, хуторовъ, рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ, въ какомъ направленіи и въ какомъ разстояніи отъ послѣднихъ“. Сверхъ того, я обратился къ Преосвященнымъ Сергію Курс-

кому, Наѳанаилу Черниговскому, Нектарію Харьковскому и Преосвященнымъ Викаріямъ Черниговскому и Харьковскому съ просьбой пригласить приходскихъ священниковъ (какъ лицъ наиболѣе образованныхъ въ мѣстностяхъ, ограниченныхъ небольшими округами, а потому наиболѣе способныхъ дать удовлетворительные отвѣты на интересные для науки вопросы), подвѣдомственныхъ имъ епархій, къ содѣйствію въ изученіи древнихъ земляныхъ насыпей и къ отвѣту на вопросы о городищахъ и курганахъ по составленной мною программѣ [125]).

Эта программа была напечатана въ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ съ резолюціей Преосвященныхъ, приглашавшей духовенство подвѣдомственныхъ имъ епархій „возможными мѣрами содѣйствовать моимъ изслѣдованіямъ“.

Полученныя уже мною донесенія волостей Черниговской, Курской и Тульской губерній и сообщенія нѣсколькихъ священниковъ оправдали мои ожиданія и доказываютъ, что указанными путями возможно собрать обширный и въ высшей степени важный матеріалъ къ изученію древнѣйшаго періода нашей исторіи. Въ Черниговской губерніи, по этимъ донесеніямъ, оказалось до 150 городищъ, въ Курской до 60, въ Тульской до 50. Изъ другихъ губерній свѣдѣнія еще не получены.

Въ виду собранныхъ нами доказательствъ, рѣшающихъ вопросъ о значеніи городищъ въ исторіи, остановимся на вопросѣ: какое количество сохранившихся городищъ представляютъ собою памятники городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени. Для рѣшенія этого вопроса, беремъ нѣсколько мѣстностей, входившихъ въ составъ русскихъ княжествъ удѣльнаго періода и перечислимъ сохранившіяся въ нихъ городища.

Мы знаемъ извѣстіе лѣтописи о неизвѣстныхъ намъ по име-

---

[125]) Въ программѣ я просилъ сообщить свѣдѣнія о мѣстонахожденіи сохранившихся древнихъ земляныхъ насыпей, ихъ величинѣ, формахъ, поверхности, укрѣпленіяхъ, положеніи входовъ, народныхъ преданіяхъ о ихъ значеніи, находкахъ на нихъ и ихъ роскопкахъ. См. Черниг. Епархіал. Изв. 1872 г., № 19, стр. 503—507.

намъ городахъ земли Ростовской, въ которыхъ въ 1096 году князь Олегъ Святославичъ посадилъ своихъ посадниковъ: „Олегъ... иерея всю землю Муромску и Ростовску, и посажа посадники по городамъ, и дани поча брати“ [126]); знаемъ также лѣтописное извѣстіе о 6-ти городахъ, лежавшихъ на Волгѣ, между Кснятитинымъ и Угличемъ, въ 1148 году, разоренныхъ Изяславомъ Мстиславичемъ: „Изяславъ... изъ Кіева иде на Гюргя Ростову съ Новгородци; и много воеваше люди Гюргево, и по Волзѣ взяша 6 городъкъ [127]). По изслѣдованіямъ г. Белюстина оказывается: „отъ Твери почти вплоть до Ярославля, по обѣимъ сторонамъ Волги, столько городищъ!... Такъ, при устьи р. Дубны городище, теперь село Дубенское городище; противъ него остатки вала, окоповъ, которыя доселѣ называются городищемъ; при устьи Хотчи городокъ, теперь село Бѣлгородокъ; при устьи Медвѣдицы весьма значительные остатки городищъ и укрѣпленій; на противоположномъ берегу отъ села Пухлимскаго, на пространствѣ 9-ти верстъ, почти непрерывная цѣпь окоповъ и укрѣпленій, явно сдѣланныхъ руками человѣческими, которые и доселѣ называются городищами (тутъ же и доселѣ существуетъ и деревня Городище)... Мѣстность, занятая въ настоящее время Калязинскимъ уѣздомъ, въ XII вѣкѣ больше или меньше уже была заселена. Предъ страшнымъ нашествіемъ татаръ населеніе этой мѣстности значительно развилось и усилилось, городки и городища сдѣлались людными городами. Такъ, Кснятинъ... и всѣ эти города погибли въ страшный погромъ татарскій“ [128]). По изслѣдованію графа А. С. Уварова въ двухъ губерніяхъ, Владимірской и Ярославской насчитывается до 60 городищъ [129]).

Мы знаемъ извѣстіе о многихъ городахъ, называемыхъ и не называемыхъ лѣтописями, при описаніи походовъ Святослава Ольговича въ землѣ Вятичей подъ 1146 и 1147 гг. [130]) Г.

---

[126]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 108.

[127]) Такъ-же, т. III, стр. 10.

[128]) Арх. Ист. и Прак. свѣд. отн. до Россіи. Калачева, 1861 г., кн. II, ст. 3—5. Записка о городѣ Калязинѣ.

[129]) Меряне и ихъ бытъ по кург. раскопкамъ. Стр. 47—49, изд. 1872 г.

[130]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 25 — 37; Ник. списк., ч. II, стр. 91—96.

Сахаровъ, въ статьѣ „Памятники Тульской губерніи", извѣщаетъ: „Тульская губернія, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, извѣстна по лѣтописямъ съ XII вѣка. Городища, можетъ быть, предъявляютъ древнюю жизнь гораздо ранѣе этого вѣка и дополняютъ собою указанія о бывшихъ городахъ и селеніяхъ, не находимыхъ въ лѣтописяхъ и актахъ. Городищъ въ Тульской губерніи извѣстно мнѣ до 53. Изъ нихъ находятся: въ уѣздѣ Тульскомъ 5; Веневскомъ 12; Каширскомъ 6; Епифанскомъ 4; Алексинскомъ 5; Крапивенскомъ 2; Богородицкомъ 3; Одоевскомъ 3; Новосильскомъ 3; Ефремовскомъ 2; Бѣлевскомъ 6; Чернскомъ 2. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, вѣроятно, ихъ окажется болѣе"... [131]). О большей части Тульскихъ городищъ существуютъ лѣтописныя свидѣтельства или народныя преданія, утверждающія, что на мѣстахъ нынѣшнихъ городищъ стояли нѣкогда города, разоренные татарами" [132]).

Въ лѣтописи, подъ 1207 годомъ, говорится о многихъ городахъ въ Рязанскомъ княжествѣ, имена которыхъ остаются неизвѣстными: „и передашася люди (Проняне)... князь же великій омиривъ ихъ, и посади у нихъ Ольга Володиміровича, а самъ поиде къ Рязаню, посадники посажавъ своѣ по всѣмъ городамъ ихъ" [133]). Г. Калайдовичъ лично изслѣдовалъ 12 сохранившихся городищъ въ Рязанской губерніи, вынесъ убѣжденіе, что эти городища суть памятники древнихъ городовъ и кромѣ того извѣстилъ насъ: „къ изчисленнымъ 12 городкамъ, городищамъ, городцамъ и вышгородамъ, я могъ бы еще присоединить, сверхъ видѣнныхъ, подобные, о коихъ слышалъ на пути и которые существуютъ въ своихъ названіяхъ, вмѣстѣ съ остатками древнихъ окопонъ" [134]). Въ книгѣ Большему Чертежу упоминается 10 древнѣйшихъ городищъ на небольшомъ пространствѣ, по системѣ С. Донца: „Бѣлгородъ стоялъ на Донцѣ, на

[131]) Записки отдѣл. Рус. и Слав. Археологіи, т. I, 1851. Отдѣл. Арх. Обозр. Рус. земли, стр. 15 и слѣд.

[132]) Тамъ-же, №№ 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11 и др.

[133]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 182.

[134]) Письма объ Арх. изслѣд. въ Рязанской губ., стр. 48.

Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, а послѣ Литовскаго разоренья перенесенъ на другую сторону Донца, отъ стараго городища на 380 сажень; а ниже Бѣлгорода... промежъ Нежеголя и колодца Нежегольскаго, на Донцѣ, городище Нежегольское; а ниже Салтановскаго колодезя, на Донцѣ, городище Салтановское; ниже Салтановскаго колодезя верстъ съ полтретьятцать городище Котковское; а ниже Котковскаго городища верстъ съ 5, городище Гумнинья; а ниже Тетлѣги, на Донцѣ, Чугуево городище; а на устьи Уды Кабаново городище, отъ устья версты съ двѣ; а вверхъ по Удамъ съ лѣвой стороны Хорошее городище; а по лѣвой сторонѣ вверхъ, выше Хорошаго городища, Донецкое городище, отъ Хорошаго верстъ съ 5; а ниже Кабанова городища, съ крымской стороны, внизъ по Донцу, Махлачево городище, отъ Кабанова верстъ съ 5; а ниже Мжа рѣки, на Донцѣ, Зиѣево городище“ [135]). Г. Пассекъ лично видѣлъ эти городища и пришелъ къ заключенію, что они составляютъ собою „остатки городовъ, вѣроятно, XII вѣка“ [136]).

Въ лѣтописи подъ 1214 годомъ сказано: „Новгородци начаша воевати по Днѣпрю городѣ Черьниговскеѣ, и взяша Рѣчицѣ на щитъ и иные городѣ минозѣ Черниговскыя, и придоша подъ Вышегородъ“ [137]). Г. Грабовскій число 159 городищъ, извѣстныхъ въ Кіевской губерніи (и между ними значительная часть по Днѣпру), считаетъ уменьшеннымъ противъ дѣйствительности [138]). По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ нынѣшнемъ году черезъ волости, на Днѣпрѣ, съ Черниговской стороны, отъ впаденія въ него рѣки Сожи до Кіева, сохранилось 13 городищъ [139]).

Въ 1234 году Даніилъ Галицкій „поимаша грады многи по Деснѣ, туже взяша и Хороборъ и Сосницю и Сновескъ и

---

[135]) Книга Больш. Черт. изд. Языкова, 1838 г., стр. 24, 26, 27, 28, 29, 34.

[136]) Очерки Россіи, 1840 г., кн. II, стр. 197, 198.

[137]) П. С. Р. Л., т. III, стр. 32.

[138]) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. Изд. Фундуклея. Отд. II, Городища, 1848 г., стрн. 113.

[139]) См. приложеніе.

иныи грады многіи и придоша опять Чернигову“ [140]). По нашимъ изслѣдованіямъ и по донесеніямъ волостей на Деснѣ, между Новгородсѣверскомъ и Черниговомъ, сохранилось 24 городища [141]).

На основаніи приведенныхъ фактовъ, мы, конечно, имѣемъ право сказать: множество сохранившихся городищъ, будучи памятниками древнихъ городовъ, подтверждаютъ собою свидѣтельства нашихъ лѣтописей, древнихъ актовъ и иностранныхъ писателей о множествѣ городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, имена которыхъ остаются намъ неизвѣстными.

Противъ собранныхъ нами свидѣтельствъ источниковъ о количествѣ городовъ въ Россіи до татарскаго времени, можно предвидѣть слѣдующее возраженіе: если вѣрны свидѣтельства нашихъ источниковъ о множествѣ городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, если тысячи сохранившихся городищъ суть памятники городовъ Россіи до татарскаго періода, то необходимо допустить довольно многочисленное населеніе въ древнѣйшей Россіи. Когда же, куда и почему изчезло населеніе тысячъ городовъ древнѣйшей Россіи, о которыхъ говорятъ источники? Почему въ Россіи XV—XVII вв. мы встрѣчаемъ множество „пустыхъ“ городищъ и немного городовъ? Что превратило множество городовъ до-татарской Россіи въ „пустыя“ городища? Могутъ сказать намъ словами уважаемаго историка: „было бы слишкомъ смѣшно думать, что племена славянскія были многочисленны и наполняли сплошь пространство; повѣрка готова: многочисленно-ли было здѣсь народонаселеніе, спустя много и много вѣковъ послѣ описываемаго времени? и теперь наша восточная равнина принадлежитъ къ малонаселеннымъ частямъ Европы, что-жъ было за тысячу лѣтъ назадъ?“ [142]). На это мы отвѣтимъ: при изученіи исторіи народовъ, не должно упускать изъ вида, что законъ разростанія народонаселенія не всегда осуществляется на практикѣ, что въ жизни народовъ бываютъ условія,

[140]) Лѣт. по Ипат. списк. стр. 514.

[141]) См. приложеніе.

[142]) С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XIII, стр. 5.

при которыхъ народонаселеніе въ данной странѣ не только не увеличивается, но даже уменьшается, что, наконецъ, бываютъ событія не только уменьшающія народонаселеніе въ данной странѣ, но и совсѣмъ его уничтожающія. Во-первыхъ, нѣтъ надобности думать, что племена славянскія наполняли сплошь пространство древнѣйшей Россіи: изслѣдованіе сохранившихся городищъ убѣждаетъ, что древнѣйшія поселенія славянъ группировались только по берегамъ рѣкъ; междурѣчья, часто на десятки и сотни верстъ, оставались незаселенными. Во-вторыхъ, на чемъ основано убѣжденіе о малонаселенности Россіи древнѣйшаго періода, сравнительно съ періодомъ позднѣйшимъ? Въ подтвержденіе предположеній, намъ не приходилось встрѣчать въ литературѣ фактическихъ аргументовъ; „теперь наша восточная равнина принадлежитъ къ малонаселеннымъ частямъ Европы, чтожъ было за тысячу лѣтъ назадъ“ — аргументъ слишкомъ недостаточный. Мы думаемъ, прежде нежели класть убѣжденіе о меньшей населенности Россіи древнѣйшаго періода, сравнительно съ періодомъ позднѣйшимъ, въ основаніе тѣхъ или другихъ историческихъ и юридическихъ теорій [143]), слѣдовало поставить и разрѣшить на основаніи фактическихъ данныхъ, представляемыхъ источниками, вопросъ: дѣйствительно-ли русская земля въ древнѣйшую эпоху была менѣе заселена, нежели въ XIV—XVII столѣтіяхъ? Не было-ли историческихъ событій, которыя уничтожили или уменьшили численность населенія древнѣйшей Россіи?

Въ источникахъ находимъ ясный отвѣтъ: для Россіи XIII вѣка нашествіе татаръ было событіемъ, отъ котораго однѣ изъ ея заселенныхъ областей превратились въ безлюдныя пустыни, а другія изъ многолюдныхъ сдѣлались малолюдными; отъ руки татаръ народы Россіи гибли милліонами, а разрушеннымъ татарами русскимъ городамъ „нѣсть числа“ [144]).

Допустимъ, скажутъ намъ, что тысячи сохранившихся горо-

[143]) См. Неволина, Полн. Собр. Сочин. т. VI, стр. 436. Горчакова «О зем. влад. Митр. Пат. и Св. Синода», стр. 68, 69 и др.

[144]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 196 — 198, 221 — 225; т II, 176 — 179. Ист. Гос. Рос. Карамзина, тт. III, IV, гл. V, VII, VIII; т. V.

дищъ суть памятники русскихъ городовъ до татарскаго времени, но почему же въ XIV—XVII столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ множество городищъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было власти татаръ, что въ такихъ мѣстностяхъ превратило города въ городища? Почему, далѣе, въ позднѣйшее время, встрѣчаемъ народныя поселенія не на городищахъ, а въ сторонѣ отъ нихъ, въ разстояніи полуверсты и болѣе?

Ограничимся пока краткимъ отвѣтомъ: соединеніе разрозненныхъ племенъ русскихъ славянъ въ одно государство, образованіе военнаго сословія, укрѣпленіе государственныхъ границъ и учрежденіе пограничной стражи сдѣлали для государственнаго народонаселенія возможною жизнь въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, сельскихъ; изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія превратило неприступные, при холодномъ оружіи, городки древнѣйшихъ временъ (помѣщенные на вершинахъ горъ, съ деревянными укрѣпленіями) въ легко доступные.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, явилась возможность развитія общественной жизни въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для поселянъ, нежели горныя вершины; съ другой, древніе городки перестали удовлетворять своей цѣли, то есть, не спасали уже своихъ жителей при нападеніи непріятеля, при посредствѣ пушекъ, легко овладѣвавшаго городскими стѣнами, и народъ, оставивъ мѣста прежнихъ поселеній, спустился съ горъ въ долины,—въ мѣста болѣе удобныя для земледѣлія, поближе къ водѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Время первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи и ихъ значеніе въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Въ предъидущей главѣ мы собрали свидѣтельства источниковъ, убѣждающія въ существованіи нѣсколькихъ тысячъ городовъ въ Россіи до-татарскаго періода. Политическая классификація этихъ городовъ, взаимныя отношенія между различными разрядами и значеніе каждаго разряда въ составѣ политическихъ учрежденій древнѣйшей Россіи могутъ быть поняты только тогда, когда будетъ рѣшенъ въ наукѣ вопросъ о времени и условіяхъ первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи съ ихъ общимъ характеромъ. Общій-же характеръ ихъ тотъ, что, будучи укрѣпленными пунктами народнаго поселенія, они соединяли населеніе древнѣйшей Россіи въ нѣсколько тысячъ маленькихъ общинъ, отдѣльные члены которыхъ связывались въ виду потребности — противодѣйствовать общими усиліями нападеніямъ внѣшнихъ враговъ.

Народъ, общественная организація котораго вступаетъ на степень скученной, общинной, городской жизни въ первоначальномъ смыслѣ, становится на высшую ступень политической организаціи, отличную отъ ея низшихъ сферъ нетолько количественно, но и качественно: характеромъ общественной власти. Въ политическомъ отношеніи общинная жизнь народа стоитъ выше разрозненной жизни родовъ „на особыхъ мѣстахъ, съ особыми владыками", и являясь у даннаго народа слѣдствіемъ тѣхъ или другихъ историческихъ событій, скоро измѣняетъ родовыя начала организаціи первичныхъ человѣческихъ союзовъ: родовой, патріархальный народный бытъ, основанный на родственныхъ отноше-

ніяхъ сочленовъ союзовъ, измѣняется въ формы быта общинно-государственнаго, гдѣ родовыя, родственныя, кровныя отношенія отходятъ на второй планъ. Съ появленіемъ городовъ у даннаго народа, появляется общественная власть съ новымъ характеромъ: прежніе властители родовыхъ союзовъ, господствовавшіе надъ ними по праву старѣйшинства, уступаютъ верховное главенство въ общественныхъ союзахъ лицамъ, получающимъ это главенство не по праву рожденія, а по инымъ началамъ: старѣйшины замѣняются старшинами, подъ тѣми или другими названіями.

Различіе существующихъ воззрѣній на значеніе первоначальныхъ славянскихъ городовъ, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ, постоянно заселенныхъ, или временно заселявшихся, въ виду опасности отъ внѣшнихъ враговъ, примыкавшимъ къ укрѣпленію поселеніемъ [1]), не измѣняетъ сущности дѣла въ сказанномъ отношеніи. Будемъ-ли мы смотрѣть на первоначальные города русскихъ славянъ, какъ на укрѣпленныя мѣста съ постояннымъ населеніемъ, или какъ на крѣпости, въ которыхъ пряталось и защищалось населеніе при нападеніи непріятелей, въ которыхъ сходилось оно для общественныхъ дѣлъ, жертвоприношеній, суда и проч., признаемъ мы въ нихъ обиталища родовыхъ или договорныхъ общинъ,—во всякомъ случаѣ,— одно несомнѣнно: первоначальные славянскіе города были центрами единенія общинъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ или многихъ родовъ. Въ общинѣ-же, составившейся изъ соединенія нѣсколькихъ родовъ въ одинъ союзъ, центромъ котораго былъ городъ, право старѣйшаго является дѣломъ спорнымъ; каждый родъ, изъ вступившихъ въ общину, могъ представить своего кандидата въ главы союза, для завѣдыванія общими союзными дѣлами. Кѣмъ должны были разрѣшаться недоразумѣнія въ такихъ общинахъ, и кто долженъ былъ завѣдывать общими, союзными дѣлами? Можно представить себѣ слѣдующіе пути исхода.

Главенство въ общинѣ, а съ нимъ, и права управленія общественными дѣлами, могли сосредоточиться: 1) въ собраніи старѣйшинъ-родоначальниковъ, главъ и представителей родовъ, со-

[1]) См. выше, стр. 17 — 21.

единившихся въ одну общину; 2) въ собраніи всѣхъ свободныхъ членовъ общины; 3) въ рукахъ лица, получившаго главенство въ союзѣ при посредствѣ физической силы, путемъ завоеванія; 4) въ рукахъ лица, получившаго главенство въ союзѣ при посредствѣ свободнаго соглашенія старѣйшинъ союза, или всѣхъ свободныхъ гражданъ его, путемъ избранія. Кромѣ того, мыслимы различныя комбинаціи; какъ, напримѣръ: въ военное время могъ быть избираемъ неограниченный начальникъ надъ общиной, а въ мирное съ правами, ограниченными властью собранія старѣйшинъ, или всѣхъ гражданъ общины; одни изъ общественныхъ дѣлъ могли быть сосредоточены въ рукахъ одного лица, другія въ рукахъ другаго, третьи оставлены за сходомъ, и т. д. Но во всѣхъ случаяхъ, какъ только возникаетъ городъ, соединяющій нѣсколько родовъ въ одинъ союзъ, то возникаетъ и власть, по идеѣ своей, отличная отъ власти родоначальника-старѣйшины въ родовыхъ общественныхъ союзахъ: коллективный, или единоличный глава городской общины обязанъ охранять внѣшнюю безопасность и внутренніе миръ и порядокъ, интересные не только для того рода, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію, но для всѣхъ соединившихся родовъ, для всѣхъ сочленовъ общины. Его власть соединяетъ отдѣльныхъ членовъ общины въ политическій союзъ уже не въ силу кровнаго родства и власти старѣйшаго въ родѣ, но въ силу внѣшней и внутренней безопасности индивидуумовъ, семействъ и родовъ, составившихъ одну общину. Семейства и роды, вошедши въ составъ городской общины, теряютъ ихъ прежнее значеніе самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ. Если до того времени „хозяинъ господствовалъ въ домѣ, отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякій строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ; лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайдти слабые и невооруженные, *каждое семейство было маленькою независимою республикою* [2]),—то съ появленіемъ городовъ, родоначальники теряютъ значеніе верховныхъ

[2]) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 43.

владыкъ, уступивъ его главамъ городской общины; семейства и роды сохраняются, но уже не въ качествѣ самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, какъ въ чисто родовомъ бытѣ народа, а въ качествѣ составныхъ частей высшаго политическаго тѣла—общины или государства. Слѣдовательно, эпохою появленія городскихъ общинъ у даннаго народа характеризуется переходная эпоха его политическаго существованія, переходная эпоха отъ низшихъ сферъ человѣческаго общежитія къ сферамъ высшимъ, изъ формъ родоваго быта въ формы быта общинно-государственнаго.

Указанное значеніе за первоначальными городами у русскихъ славянъ признаютъ и послѣдователи теоріи родоваго быта русскихъ славянъ въ эпоху призванія варяго-руссовъ. Извѣстный современный послѣдователь этой теоріи, С. М. Соловьевъ, представляя себѣ первоначальные города русскихъ славянъ только огороженными селами, обиталищами одного или нѣсколькихъ родовъ [3]), въ тоже время высказываетъ: „не смотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городовая жизнь, *какъ жизнь вмѣстѣ*, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала“ [4]). Но если первоначальный славянскій городъ имѣлъ важное историческое значеніе, если въ городахъ возникло сознаніе о необходимости правительственнаго начала, если эпоха появленія городской жизни у русскихъ славянъ была переходною эпохою ихъ политическаго существованія, когда родовыя начала общежитія уступили первенствующее мѣсто началамъ общинно-государственнымъ, то точное опредѣленіе времени первоначальнаго появленія городовъ у русскихъ славянъ является существен-

---

[3]) «Прежніе города славянскихъ племенъ были не иное что, какъ огороженныя села». Ист. Рос. т. I, стр. 255. «Въ городахъ усобицы долженствовали быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ славянъ изъ словъ лѣтописца можно заключить только то, что эти огороженныя мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ». Тамъ-же, стр. 67.

[4]) Тамъ-же.

нѣйшихъ вопросовъ, какъ для политической исторіи русскаго народа, такъ и для исторіи его права. Рѣшеніе вопроса: когда и при какихъ условіяхъ славяно-русское народонаселеніе начало сосредоточиваться въ городахъ и возлѣ городовъ рѣшаетъ существеннѣйшій вопросъ нашей начальной исторіи — вопросъ о характерѣ общественнаго быта нашихъ предковъ въ первую историческую эпоху.

Въ существующей историко-юридической литературѣ, за исключеніемъ изслѣдованія г. Даниловича, да и то не прямо относящагося къ русскимъ городамъ [5]), (въ которомъ предположеніе Шлецера о появленіи городовъ у русскихъ славянъ со времени Рюрика принято, какъ доказанный фактъ), мы не встрѣчаемъ изслѣдованій, спеціально посвященныхъ поставленному вопросу.

Мнѣнія историковъ и ученыхъ юристовъ о времени первоначальнаго появленія городовъ въ предѣлахъ древнѣйшей Россіи, высказанныя ими при разработкѣ другихъ историческихъ вопросовъ, въ высшей степени разногласны и основаны болѣе на теоретическихъ соображеніяхъ ихъ авторовъ, нежели на положительныхъ фактахъ [6]). Одни изъ ученыхъ начинаютъ эпоху образованія городовъ у русскихъ славянъ временемъ призванія Рюрика: другіе отдаляютъ ее ко времени изгнанія варяговъ; третьи — за нѣсколько вѣковъ до IX столѣтія; четвертые—ко временамъ первоначальной колонизаціи предѣловъ древнѣйшей Россіи славянскими племенами. Одно изъ этихъ мнѣній должно быть истиннымъ, потому что при первыхъ Рюриковичахъ въ предѣлахъ Россіи, по всеобщему признанію, существовали уже многіе города, а слѣдовательно, эпоха ихъ начальнаго образованія должна совпадать съ однимъ изъ столѣтій между временемъ первоначальнаго поселенія славянъ въ Россіи и временемъ призванія варяговъ. Которое-же изъ существующихъ въ наукѣ воззрѣній на время первичнаго появленія городовъ у русскихъ славянъ дол-

---

[5]) Истор. взглядъ на др. образован. Слав. и преим. польскихъ городовъ до XIII стол. Рус. Ист. Сбор., 1841 г., т. IV, к. 2 и 3.

[6]) См. выше, введеніе, разд. I, стр. 2 — 14.

жно быть признано за соотвѣтствующее исторической дѣйствительности?

Изученіе источниковъ, прежде всего, привело насъ къ заключенію, что ученые, начинающіе эпоху образованія первыхъ городовъ въ Россіи эпохою призванія Рюрика, основываются на свидѣтельствахъ источниковъ невѣрно понятыхъ. Въ доказательство своихъ мнѣній, эти ученые обыкновенно ссылаются на слова Іорнанда: „Sclavini.... paludes silvasque pro civitatibus habent", свидѣтельствующія, будто-бы, что славяне въ половинѣ VI вѣка еще не имѣли городовъ, и на слѣдующія извѣстія Нестора: „Возсташа Славяне, и Кривици, и Чудь и Меря на Варяги, и изгнаша ихъ за море, и не даша имъ дани и начаша сами себѣ владѣти и городы ставити", „Рюрикъ роздая волости мужемъ своимъ и городы рубити овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро", свидѣтельствующія, будто-бы, что русскіе славяне стали строить города только въ эпоху водворенія между ними Варяго-руссовъ [7]. Но извѣстіе Іорнанда, какъ мы уже имѣли случай замѣтить [8]), указываетъ на характеръ страны славянской, а не на характеръ ихъ общественнаго быта. „Hi (Sclavini) paludes silvasque pro civitatibus habent", какъ справедливо замѣтилъ уже Шафарикъ „значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ только, что у древнихъ славянъ болота и лѣса замѣняли укрѣпленія" [9]). Это свидѣтельство должно быть понимаемо не въ смыслѣ: „Славяне, не имѣя городовъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ искали спасенія отъ враговъ" [10]), а буквально: „Славяне болота и лѣса вмѣсто городовъ имѣютъ", или „болота и лѣса служатъ славянамъ вмѣсто городовъ", въ смыслѣ укрѣпленій, крѣпостей, то есть, что характеръ страны славянъ защищаетъ ихъ отъ непріятельскихъ нападеній. Слово civitas въ этомъ извѣстіи должно быть понимаемо въ смыслѣ укрѣпленія,

---

7) Тамъ-же.

8) Тамъ-же, стр. 24.

9) Славянскія древности т. I, кн. II, стр. 418, 419.

10) Рус. Истор. Сборн. 1838 г., т. I, кн. III, стр. 52. Тамъ-же, 1841 г., т. IV, кн. II, стр. 170, и др.

защищающаго отъ непріятельскихъ нападеній. Въ томъ-же смыслѣ должно быть понимаемо и слово *городъ* въ вышеприведенныхъ свидѣтельствахъ нашей древнѣйшей лѣтописи. Древнеславянское слово градъ или городъ, какъ латинское civitas, рядомъ съ значеніемъ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія, имѣло значеніе ограды, укрѣпленія и въ этомъ значеніи встрѣчается въ древнѣйшихъ источникахъ очень часто. По понятіямъ древнихъ, можно было много разъ въ данномъ пунктѣ уничтожать и снова ставить городъ, но это не значило уничтожать и создавать городскую общину. Данный городъ, въ смыслѣ пункта народнаго поселенія, могъ существовать съ незапамятнаго для исторіи времени, хотя извѣстіе объ его построеніи въ первый разъ встрѣчается въ памятникахъ XI, XII или XIII вѣка. Сказанное даетъ намъ ключъ къ пониманію точнаго смысла приведенныхъ свидѣтельствъ Нестора. Въ нихъ подъ словами „ставить города“ и „рубить города“ можно разумѣть построеніе городовъ въ значеніи укрѣпленій, городскихъ стѣнъ, крѣпостей, которыя могли быть вновь возводимы, или только подновляемы, или расширяемы по изгнаніи или призваніи Варяговъ, въ городахъ, въ смыслѣ пунктовъ народнаго поселенія, существовавшихъ издавна. И дѣйствительно, изслѣдователи, основывающіе теорію появленія городовъ въ Россіи до времени Рюрика на извѣстіи Кенигсбергскаго списка Нестора: „Рюрикъ роздая волости мужемъ своимъ, и городы рубити, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“, не обратили вниманія на свидѣтельства всѣхъ древнѣйшихъ списковъ Нестора и между ними самого Кенигсбергскаго, слѣдующее тотчасъ послѣ приведеннаго свидѣтельства, подъ тѣмъ-же 862 годомъ: „и по тѣмъ городомъ находницы суть Варяги, а первыи насельницы въ Новгородѣ Словене, въ Полоцку Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ“ [11]), изъ котораго открывается, что Полоцкъ, Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ Новгородъ и Муромъ существовали до призванія Рюрика, а приказаніе Рюрика „городы

[11]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 9.

рубити", означало только новую постройку или подновленіе укрѣпленій въ этихъ городахъ. Слѣдовательно, прямыя свидѣтельства источниковъ, приводимыя въ подтвержденіе теоріи появленія городовъ у русскихъ славянъ съ эпохи водворенія въ ихъ землѣ Варяго-руссовъ, могутъ быть мнимыми. Съ другой стороны, имѣются прямыя и несомнѣнныя свидѣтельства нашей начальной лѣтописи и иноземныхъ писателей о существованіи многихъ городовъ у русскихъ славянъ до времени призванія Рюрика. Одно изъ такихъ свидѣтельствъ мы только что привели. Затѣмъ, при описаніи разселенія Славянъ въ предѣлахъ Россіи, въ лѣтописи читаемъ: „Улучи, Тиверци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру, оли до моря; *суть гради ихъ и до сего дне*" [12]). При повѣствованіи о мщеніи Св. Ольги Древлянамъ, въ лѣтописи сказано: „Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, собравъ вои многи и храбры, иде на Деревьску землю.... И побѣдиша Деревляны, Деревляны-же побѣгоша и *затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга-же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь городъ*" [13]). Сверхъ того, по разнымъ случаямъ, таже лѣтопись называетъ по именамъ до 20 городовъ, найденныхъ призванными Варяго-руссами у различныхъ племенъ русскихъ славянъ. Такъ, въ предѣлахъ владѣній Ильменскихъ славянъ встрѣчаемъ Новгородъ, Ладогу, Ростовъ, Муромъ и Бѣлоозеро [14]); у Кривичей — Смоленскъ, Изборскъ, Псковъ и Полоцкъ [15]); въ землѣ Сѣверянъ—Черниговъ, Любечъ и Переяславль [16]); у Полянъ—Кіевъ [17]); у Древлянъ—Искоростѣнь и Вручій [18]); у Хорватовъ—Перемышль и Червень [19]); у Уличей—Пересѣчень [20]). При томъ, безъ сомнѣнія, упоминаемые лѣтописью

[12]) Тамъ-же, стр. 5.

[13]) Тамъ-же, стр. 25.

[14]) Тамъ-же, стр. 3, 9.

[15]) Тамъ-же, стр. 5, 9, 12.

[16]) Тамъ-же, стр. 10, 13.

[17]) Тамъ-же, стр. 4.

[18]) Тамъ-же, стр. 25, 32.

[19]) Слав. Древн., Шафарика, т. II, кн. I, стр. 168; Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 35.

[20]) Ник. сп. Ак. изд., т. I, стр. 41.

города составляютъ собою только очень малую часть городовъ, существовавшихъ въ предѣлахъ Россіи до Рюрика, потому что: 1) лѣтопись Нестора не географическое сочиненіе, а историческое повѣствованіе, въ которомъ о городахъ упоминается только случайно, при описаніи тѣхъ или другихъ событій; 2) періодъ до Рюрика описанъ на немногихъ страницахъ и описаніе такого характера, при которомъ не было повода къ перечисленію городовъ; 3) лѣтопись составлена двумя съ половиною столѣтіями позже призванія Рюрика, а потому имена многихъ славянскихъ городовъ могли быть неизвѣстны Нестору.

Сказанія сѣверныхъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ сосѣдей русскихъ славянъ не противорѣчатъ свидѣтельствамъ Нестора о существованіи многихъ городовъ въ ихъ странѣ въ эпоху призванія Рюрика, но, напротивъ, вполнѣ подтверждаютъ эти свидѣтельства [21]).

И такъ, съ одной стороны, свидѣтельства источниковъ, приводимыя въ подтвержденіе теоріи появленія городовъ у русскихъ славянъ со времени Рюрика, представляются намъ не дѣйствительными; съ другой, встрѣчаемъ у Нестора и въ сказаніяхъ иностранныхъ писателей свидѣтельства о существованіи многихъ городовъ въ предѣлахъ Россіи до Рюрика и въ первые годы водворенія между русскими славянами призванныхъ варяго-руссовъ. Слѣдовательно, русскіе славяне не обязаны призваннымъ князьямъ появленіемъ городовъ въ ихъ странѣ, не съ Рюрика началось въ Россіи построеніе городовъ, сосредоточеніе народонаселенія. Нѣтъ основаній дѣлать исключенія изъ этого положенія даже для тѣхъ племенъ русскихъ славянъ, въ отношеніи которыхъ мы не встрѣчаемъ въ источникахъ указаній на существованіе городовъ въ эпоху призванія Рюрика. Несторъ въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ не говоритъ ни объ одномъ городѣ въ землѣ Радимичей и Вятичей; въ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей также не находимъ указаній на существованіе городовъ у этихъ племенъ въ указанную эпоху. Можно-ли изъ этого заключить, что въ періодъ подчиненія этихъ племенъ кіевскимъ князьямъ и въ предъ-

---

[21]) См. выше, глава первая, стр. 89—94.

идущее время у нихъ еще не было городовъ? Едва-ли. У иностранныхъ писателей не встрѣчаемъ вообще никакихъ извѣстій въ отношеніи Радимичей и Вятичей, а потому у нихъ не встрѣчаемъ указаній и на города этихъ племенъ. Въ скудныхъ извѣстіяхъ Нестора [22]) также не находимъ повода къ предположенію о несуществованіи городовъ у Радимичей и Вятичей въ эпоху Рюрика. О городахъ Дреговичей наша лѣтопись также не даетъ никакихъ указаній, но мы встрѣчаемъ его у Константина Багрянороднаго. Указаніе лѣтописи на города Уличей и Тиверцевъ явилось случайно, при указаніи на ихъ многочисленность; ни одинъ городъ у послѣднихъ не названъ по имени, а между тѣмъ, землеписецъ Баварскій насчитываетъ 318 городовъ у Уличей и 148 городовъ у Тиверцевъ, существовавшихъ въ IX вѣкѣ. Нравы Радимичей и Вятичей нашимъ лѣтописцемъ представляются одинаковыми съ нравами Древлянъ, Сѣверянъ и Кривичей [23]), у которыхъ несомнѣнно существовали города за долго до времени Рюрика. Наконецъ, Несторъ нигдѣ не говоритъ, что призванные князья строили города въ землѣ Радимичей и Вятичей, а между тѣмъ, русскія лѣтописи, описывая политическія событія позднѣйшаго времени, упоминаютъ здѣсь множество городовъ неизвѣстно кѣмъ и когда построенныхъ [24]).

Слѣдовательно, молчаніе историческихъ источниковъ въ отношеніи городовъ у Вятичей и Радимичей еще не даетъ права на заключеніе о дѣйствительномъ несуществованіи городовъ у

---

[22]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 5, 6, 8, 10, 12, 27, 35, 36, 52.

[23]) Тамъ-же, стр. 6.

[24]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 98; т. II, стр. 30; Ник. сп. ак. изд., т. II, стр. 96. И. Д. Бѣляевъ, въ статьѣ о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, замѣчаетъ: «походъ Святослава съ Юрьевыми Суздальцами представляетъ собраніе географическихъ подробностей о землѣ Вятичей, *доселѣ остававшейся, по нашимъ лѣтописямъ, совершенно неизвѣстною* и обнимаетъ географическими свѣдѣніями всю страну по Окѣ и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря предпріимчивости Юрія и усердію его добрыхъ Суздальцевъ, мы получаемъ теперь нѣсколько ясное понятіе о томъ, что этотъ *доселѣ неизвѣстный край, совершенно забытый прежними нашими лѣтописями*, кипѣлъ жизнью и дѣятельностію не меньше другихъ краевъ Руси; что *въ немъ было множество городовъ*». Записки Импер. русск. геогр. общ., кн. VI, стр. 45.

этихъ племенъ въ эпоху призванія Рюрика. Скорѣе, напротивъ, скудость извѣстій Нестора объ этихъ племенахъ и указаніе на одинаковый общественный бытъ ихъ съ другими племенами русскихъ славянъ, у которыхъ несомнѣнно были города, въ связи съ позднѣйшими указаніями русскихъ лѣтописей на многіе города въ землѣ Вятичей, неизвѣстно кѣмъ и когда построенные, даютъ право на противное заключеніе: Радимичи и Вятичи, подобно другимъ славянскимъ племенамъ, въ эпоху присоединенія ихъ къ владѣніямъ Олега имѣли многіе города. Но, представляя несомнѣнныя свидѣтельства въ пользу существованія многихъ городовъ у народовъ, призвавшихъ Варягоруссовъ, источники не даютъ прямаго отвѣта на вопросъ: когда эти города получили первоначальное бытіе. За исключеніемъ извѣстія о Новгородѣ, по словамъ Нестора, основаннаго при первоначальномъ поселеніи славянъ на берегахъ озера Ильменя, всѣ извѣстія нашей начальной лѣтописи объ основаніи древнѣйшихъ городовъ въ Россіи очень неясны; даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ говорится о построеніи такого-то города, такимъ-то княземъ, въ такомъ-то году и о населеніи этого города стараніями князя, не имѣютъ рѣшительнаго значенія.

О времени основанія В. Новгорода на первыхъ страницахъ нашей начальной лѣтописи встрѣчаемъ три извѣстія. Въ описаніи разселенія славянъ сказано: „Словѣне же сѣдоша около озера Ильмера и прозвашася своимъ именемъ *и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новъгородъ*“ [25]). Въ преданіи о путешествіи по славянскимъ землямъ апостола Андрея читаемъ: „поиде по Днѣпру горѣ. *И приде въ Словены, идеже нынѣ Новъгородъ.* И видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай, и како ся мыютъ и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варягы, и приде въ Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ и рече: дивно видѣхъ землю Словеньску; идущю ми сѣмо, видѣхъ бани древяны, и пережгуть я вельми, и съвлекутся и будутъ нази и обольются мытелью, и возмуть вѣники и начнутъ хвостатись, а

25) П. С. Р. Л., т. I, стр. 3.

того собѣ добьють, одва вылѣзуть ле живи и обольются водою студеною и тако оживуть. *И тако творять по вся дни* не мучими ни кимъ же, но сами ся мучать, и творять не мытву собѣ, но мученье“ [26]). Наконецъ, въ описанiи событiй послѣдовавшихъ за смертью Синеуса и Трувора сказано: „прiя Рюрикъ власть всю одинъ: *и пришедъ къ Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ и прозваша Новъгородъ*“ [27]). Основываясь на двухъ первыхъ извѣстiяхъ, Карамзинъ замѣчаетъ: „на берегахъ озера Ильменя поселились, собственно такъ называемые, славяне, которые *послѣ* Рождества Христова основали Новгородъ“ [28]), и мотивируетъ эту мысль слѣдующимъ доказательствомъ: „я говорю, что Новгородъ основанъ послѣ Р. Х., ибо его не было еще въ то время, какъ Св. Андрей, по словамъ Несторовымъ, приходилъ въ Россiю: „и приде въ Словени идѣже *нынѣ* Новгородъ“ [29]). Мы полагаемъ, лѣтописецъ приведенными словами хотѣлъ обозначить только пунктъ, посѣщенный Андреемъ, не думая сказать, что въ I-мъ вѣкѣ еще не было славянскаго города на берегахъ озера Ильменя, и если изъ сказанiй Нестора можно заключать о жизни славянъ на озерѣ Ильменѣ уже въ I-мъ вѣкѣ, то изъ нихъ же должно заключить и о бытiи тамъ многолюднаго славянскаго поселенiя, города. Въ томъ убѣждаютъ насъ:

1) Тотъ-же разсказъ Нестора о посѣщенiи береговъ Ильменя апостоломъ Андреемъ. Влагая въ уста Св. Андрея описанiе славянскаго обычая париться въ баняхъ, лѣтописецъ говоритъ: „и *то творять по вся дни*“ [30]); но бани, въ которыхъ моются и парятся „по вся дни“, то-есть каждый день, апостолъ могъ видѣть только въ значительномъ многолюдномъ городѣ. 2) Народныя преданiя. Въ народныхъ преданiяхъ, перешедшихъ въ XVI и XVII столѣтiяхъ въ книжныя сказки, а отчасти живущихъ

---

26) Лѣт. по Ипат. списк., стр. 5.
27) Тамъ-же, стр. 11.
28) Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 19.
29) Тамъ-же, примѣч. 70.
30) П. С. Р. Л., т. I, стр. 4.

и до сихъ поръ, сохранилось воспоминаніе о пришествіи на берега озера Ильменя во времена незапамятной древности племени славянскаго, которое, тотчасъ по пришествіи, построило городъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Новгородъ [31]). 3) Прямое свидѣтельство Нестора: „Словени же сѣдоша около езера Ильменя, прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша Новгородъ“ [32]). Что-же касается до названія этого города Новгородомъ, то этотъ вопросъ едва-ли можетъ возбуждать сомнѣнія. Подъ 862 годомъ лѣтописецъ приписываетъ основаніе Новгорода Рюрику: „пришедъ къ Ильмерю, сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новгородъ“ [33]). Это извѣстіе какъ будто противорѣчитъ нашему выводу о построеніи Новгорода славянами при первоначальномъ поселеніи въ предѣлахъ Россіи; но противорѣчіе уже разрѣшено въ нашей ученой литературѣ словами: „лѣтописецъ говоритъ о построеніи Новгорода Славянами. Но въ томъ же лѣтописцѣ находимъ и извѣстіе о построеніи Новгорода Рюрикомъ. Единственное средство согласить противорѣчія—это предположить, что *старый городъ былъ построенъ славянами, а новый получилъ бытіе и названіе при Рюрикѣ*“ [34]). Рюрикъ построилъ только укрѣпленія въ Новгородѣ, новую крѣпость. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ слѣдующія обстоятельства: по смерти братьевъ Рюрикъ переселился въ Новгородъ и принялъ достоинство единаго Новгородскаго князья: „пріи власть Рюрикъ обою брату и нача владѣти одинъ». Но этого достигъ Рюрикъ не безъ сопротивленія Новгородцевъ: „оскорбишася Новгородцы“, продолжаетъ лѣтопись, и глаголюще: „яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того-же лѣта уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ, совѣтниковъ его“ [35]). Подобная же драма повторилась и въ 867 году: „того

[31]) Истор. Гос. Рос., Карамзина, т. I, пр. 70 и 91. Костомарова. Свв. Рус. Нар., т. I, стр. 3—13.
[32]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 3.
[33]) Ипат., Хлѣб., Радз. и Троиц. списки.
[34]) Ист. Рос. съ Д. вр. Соловьева, т. I, примѣч. 166.
[35]) П. С. Р. Л., X, 864 г. Ник. сп. с. 16.

же лѣта избѣгоша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много Новгородскихъ мужей“ [36]). Если же Рюрикъ встрѣтилъ въ Новгородцахъ сопротивленіе и вражду, то переселеніе его изъ Ладоги въ Новгородъ было фактомъ насилія Рюрика, а не свободнаго призванія Новгородцами. А при такихъ условіяхъ, Рюрику было необходимо укрѣпиться въ Новгородѣ, построить собственное укрѣпленіе. Это рѣшеніе подтверждаетъ и городище, существующее съ незапамятныхъ временъ подъ Новымъ городомъ, у предмѣстья „Славни“, на мѣстѣ котораго стоялъ, вѣроятно, старый славянскій городъ, а равно и то обстоятельство, что со времени Рюрика Ильменскіе славяне стали называтъся Новгородцами, какъ свидѣтельствуютъ всѣ древнѣйшіе списки Нестора: *„отъ тѣхъ Варягъ прозвана Русская земля Новгородцы* (Новгородъ по Кенигсб. списку); *ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словени“*, *„Прежъ бо бѣша Словене до Рюрика перекошася“* [37]), то есть, со времени призванія Варяжскихъ князей Русская земля стала называться Новгородомъ, Новгородцы стали называться этимъ именемъ со времени Рюрика, прежде же назывались Славянами. И такъ, при первоначальномъ поселеніи на берегахъ озера Ильменя, Славяне основали городъ (можетъ быть Славянскъ, какъ говорятъ преданія), который съ 864 года, съ построеніемъ новой крѣпости при Рюрикѣ, сталъ называться Новымъ городомъ, Новгородомъ.

О времени и обстоятельствахъ первоначальнаго основанія Кіева лѣтописецъ передаетъ слѣдующее: „Поляномъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими яже и до сея братья бяху Поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 брата, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь. И сѣдяще Кій на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюдуже прозвася Хоривица, створиша городокъ, во имя брата ихъ старѣйшаго и нарекоша и

[36]) Тамъ-же., стр. 17.
[37]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 9; варіанты.

Кіевъ". Нѣкоторые, продолжаетъ лѣтописецъ, считаютъ Кія перевозчикомъ, потому что въ старину былъ подъ Кіевомъ перевозъ черезъ Днѣпръ, называвшійся Кіевымъ; но Кій начальствовалъ въ родѣ своемъ, какъ говорятъ, ходилъ въ Константинополь и принялъ тамъ великую честь отъ какого-то царя греческаго. На возвратномъ пути, увидѣвъ берега Дуная, Кій полюбилъ ихъ, срубилъ тамъ городокъ и хотѣлъ остаться; но жители тамошніе не позволили ему поселиться на Дунаѣ, и до настоящаго времени называютъ мѣсто, на которомъ былъ срубленъ Кіемъ городокъ, „городище Кіевецъ". Кій возвратился въ свой городъ Кіевъ и здѣсь умеръ; братья его и сестра здѣсь-же умерли. „И по сихъ братья почаша держави родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане" [38]). Анализируя это преданіе мы видимъ: 1) Лѣтописецъ не сомнѣвался въ основаніи Кіева во времена незапамятной древности; 2) Несторъ не распространяетъ особнаго быта на всѣ пламена восточныхъ славянъ, какъ это привыкли дѣлать въ нашей историко-юридической литературѣ со времени Шлецера [39]). Напротивъ, Несторъ выраженіемъ: „Поляномъ же жившимъ особѣ", три раза употребленнымъ на двухъ страницахъ, въ этомъ случаѣ, отличаетъ Полянъ отъ другихъ славянскихъ племенъ. 3) Несторъ извѣщаетъ здѣсь о временахъ давно минувшихъ, о которыхъ онъ не могъ имѣть положительныхъ свѣдѣній, а писалъ по догадкамъ или по преданію, всегда эластичному и часто переходящему въ сказки. Обстоятельства, сопровождавшія построеніе Кіева, приводимыя Несторомъ, могли быть выдумкою: „Можетъ быть", замѣчаетъ Карамзинъ, что Кій и братья его

---

[38]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 4 и 5.

[39]) «Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: «Каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Соловьева. Ист. Россіи, т. I, стр. 62. См. еще Погодина, Изслѣд. Замѣч. и Лекц., т. II, стр. 391. Рус. Ист. Сбор. 1840 г., т. IV, кн. II, стр. 159. Горчакова. «О зем. влад. Митр., Патр. и Св. Синода, стр. 127 и др.

[illegible] существовали въ самомъ дѣлѣ, и что вымыслъ [illegible] мѣстъ. Неизвѣстно отъ чего происшед[illegible] Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ [illegible] забытой, и рѣчки Либеди, впадающей [illegible] отъ новой Кіевской крѣпости, могли по[illegible] басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ: [illegible] примѣры въ греческихъ и сѣверныхъ по[illegible] которые, желая питать народное любопытство, [illegible] и легковѣрія, изъ географическихъ на[illegible] цѣлыя исторіи и біографіи [40]). Нельзя не сог[illegible] справедливостію этихъ словъ знаменитаго историка. [illegible] то, что въ XI вѣкѣ уже забыли кто основалъ Кі[illegible] когда онъ основанъ. Основываясь на прилагательномъ на[illegible] Кіева, думали, что онъ основанъ Кіемъ, но кто былъ этотъ Кій и когда онъ жилъ никто не зналъ. Одни думали, что Кій былъ перевозчикомъ; другіе, и между ними Несторъ, предполагали въ немъ начальника Полянъ, князя, но какъ тѣ, такъ и другіе не могли представить достаточныхъ доказательствъ своему мнѣнію: первые основывались на томъ, что въ старину на Днѣпрѣ былъ перевозъ, называвшійся Кіевымъ перевозомъ, вторые указывали на преданіе, по которому Кій будто-бы ходилъ къ Царюгороду и принялъ тамъ честь отъ какого то царя. Кто же изъ нихъ былъ правъ? Византійскіе историки не подтверждаютъ преданія о свиданіи Кія съ какимъ бы то ни было царемъ греческимъ. Самъ Несторъ, основывая на этомъ свиданіи княжеское достоинство Кія, знаетъ объ немъ очень немного: „приходившю ему къ царю не свѣмы, но токмо о семъ вѣмы, якоже сказаютъ, яко велику честь принялъ есть отъ царя, котораго не вѣмъ и при которомъ приходи цари“ [41]). 4) Понятіе Нестора объ особной жизни Полянъ, а съ нимъ, и его свидѣтельство: „каждый жилъ съ своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ“, могли быть слѣдствіемъ сказки о трехъ братьяхъ, будто бы, жившихъ сначала отдѣльно, „на особыхъ горахъ“, а по-

[40]) Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 20.

[41]) Лѣт., по Ипат. списк., стр. 6.

томъ, соединившихся и построившихъ общій городъ, названный по имени старшаго брата Кіевымъ. Если преданіе о трехъ братьяхъ не имѣетъ историческаго значенія, то не имѣетъ значенія историческаго свидѣтельства и его слѣдствіе. Если Несторъ не зналъ времени основанія Кіева, то какъ онъ могъ знать быть Полянъ до времени его основанія? Послѣ-же основанія Кіева, по словамъ самого Нестора, власть надъ Полянами перешла въ руки одного лица („Кій княжаше въ родѣ своемъ") и его потомства („и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ") [42]). Поляне составили собою особое княженіе, волость, подъ верховною властію князей Кіевскихъ. Слѣдовательно, имѣются основанія, по которымъ свидѣтельство Нестора о первоначальной особной жизни Полянъ не только не должно быть распространяемо на всѣ племена восточныхъ славянъ, но, напротивъ, можетъ быть оспариваемо и въ примѣненіи къ самымъ Полянамъ, а тогда, предположеніе объ основаніи Кіева, подобно Новгороду, тотчасъ по занятіи славянами береговъ Днѣпра уже не будетъ противорѣчить источникамъ.

О Смоленскѣ и Любечѣ начальная наша лѣтопись также упоминаетъ, какъ о городахъ, существовавшихъ съ незапамятнаго времени: Кривичи иже сѣдять наверхъ Волги и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленьскъ"; „поиде Олегъ, поимъ вои многи, Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи, *и приде къ Смоленьску*, и прія градъ, и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ, *и взя Любець* и посади мужъ свой" [43]).

Подъ 862 годомъ нѣкоторыхъ списковъ Нестора находимъ свидѣтельства о построеніи Полоцка, Ростова и Бѣлоозера въ княженіе Рюрика [44]). Но это свидѣтельство опровергается свидѣтельствомъ всѣхъ древнѣйшихъ списковъ Нестора, по которому Полоцкъ, Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ Новгородъ и Муромъ существовали до Рюрика [45]).

---

[42]) См. Сергѣевича «Вѣче и Князь», стр. 44 — 50.
[43]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 5, 10.
[44]) Лѣт. Нестора по Кенигсб. списку. Изд. Акад. Наукъ, 1767 г., стр. 16.
[45]) Тамъ-же, П. С. Р. Л., т. I, стр. 9.

Основываясь на „Житіи Блаженной Ольги", по которому Псковъ основанъ Св. Ольгою, нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ приписываютъ ей основаніе этого города [46]); но „Житіе Ольги" сочинено не ранѣе XVI вѣка, а между тѣмъ въ древнѣйшихъ спискахъ Нестора, имѣется слѣдующее свидѣтельство: „въ лѣто 6411 (903) Игореви взростшю и хожаше по Олзѣ и слушаше его; *и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу*" [47]). Въ самомъ „Житіи" сказано, что Ольга до замужества своего была бѣдная простая сельская дѣвушка, послѣ же замужества Ольга не могла основать Пскова, въ которомъ сама жила еще до замужества, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ.

Подъ 992 годомъ лѣтописи находимъ свидѣтельство о построеніи княземъ Владиміромъ города Переяславля [48]); но изъ договора Олега съ Греками видно, что въ 907 году Переяславль, рядомъ съ Кіевомъ, Черниговомъ, Полоцкомъ, Ростовомъ и Любечемъ, былъ старѣйшимъ городомъ въ русской землѣ [49]).

Подъ 993 годомъ въ лѣтописи сказано: „Володимеръ заложи градъ Бѣлгородъ и наруби въ не отъ иныхъ городовъ и много людій сведе въ онь" [50]), но подъ 980 годомъ мы узнаемъ, что Владиміръ еще будучи язычникомъ держалъ въ томъ-же Бѣлгородѣ 300 наложницъ [51]).

Приведенныхъ свидѣтельствъ достаточно для доказательства разнорѣчія нашихъ источниковъ о времени основанія русскихъ городовъ, упоминаемыхъ на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтопи-

---

[46]) «Ко времени первыхъ преемниковъ Рюрика должно отнести начало двухъ городовъ: Вышгорода, основаннаго, какъ думаетъ Карамзинъ, Олегомъ и составлявшаго собственный удѣлъ Ольги и Пскова, построеннаго самою Ольгою. Въ «Житіи Блаженной Ольги» сказано: «посла тамо злата и сребра много на созданіе Церкви Тройцѣ Святой и повѣлѣ при ней людемъ поселитися, не въ долгомъ времени бысть градъ великъ, Псковъ, отъ рѣки Псковы нарицаемой и прославляше имя Пресвятыя Троицы». Плошинскій. Сред. или Город. сословіе, стр. 11.

[47]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 12.

[48]) «Володимеръ заложи городъ на бродѣ томъ и начере и Переяславль» Тамъ-же, стр. 15.

[49]) Тамъ-же, стр. 53.

[50]) Тамъ-же, стр. 59.

[51]) Тамъ-же, т. I, стр. 34.

сей. Изъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи Нестора до смерти Ярослава Владиміровича, только начальное построеніе Юрьева, Владиміра Волынскаго и Ярославля можетъ быть отнесено, съ нѣкоторою вѣроятностію, къ эпохѣ первыхъ Рюриковичей; объ остальныхъ, лѣтописецъ упоминаетъ, при описаніи того или другаго событія, какъ о городахъ, существовавшихъ искони.

За неимѣніемъ прямыхъ указаній въ источникахъ на время первичнаго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи, мы по необходимости должны сдѣлать попытку разрѣшенія интересующаго насъ вопроса на основаніи косвенныхъ указаній источниковъ и сравнительнаго изученія историческихъ явленій.

Теорія историческаго развитія народныхъ поселеній въ Россіи.

Въ современной историко-юридической литературѣ господствуетъ ученіе, по которому въ исторіи развитія славянскихъ поселеній въ Россіи различаются 3 періода: періодъ хуторовъ, періодъ селеній и періодъ городовъ; изъ хуторовъ, путемъ разростанія населенія, образовались села, изъ селеній—города. Это воззрѣніе проведено въ русскую исторію Шлецеромъ и Карамзинымъ. Послѣдній, касаясь политическаго быта древнихъ славянъ, составившихъ государство русское, высказываетъ: „предки наши строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ.... Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякій строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. *Каждое семейство было маленькою независимою республикою*... въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость,

укрѣпили между ними связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, *сблизились жилищами и завели селенія*" [52]). Три ступени историческаго развитія славянскихъ поселеній въ Россіи, въ указанномъ порядкѣ, принимаются и новѣйшими нашими учеными, и притомъ, не только послѣдователями теоріи родоваго быта нашихъ предковъ въ эпоху призванія Рюрика, но и учеными, признающими паденіе родовыхъ началъ въ политической жизни русскихъ славянъ задолго до этой эпохи. Такъ, И. Д. Бѣляевъ, касаясь первоначальнаго способа образованія древнѣйшихъ русскихъ народовъ замѣчаетъ: „города сіи составились доброю волею жителей страны, которые, будучи увлекаемы выгодами мѣстности, удобствами общинной жизни, *стягивали къ одной точкѣ селенія, родственныя между собою и такимъ образомъ составили города*" [53]). Н. И. Костомаровъ, на вопросъ: „что такое древнѣйшій русскій городъ и какъ онъ возникъ въ русской славянщинѣ?" отвѣчаетъ: „*въ глубокой древности славяне жили дворами.* Съ развѣтвленіемъ семей дворы размножились. Ихъ соединяла сначала родовая связь. *Дворы, соединенные между собою составляли села.* Частыя опасности отъ иноземцевъ вызвали потребность самозащищенія и самосохраненія. Это по неволѣ сближало и соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ *жители расположенныхъ близко между собою селъ, строили укрѣпленныя мѣста,* принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣстѣ и для всѣхъ, въ равной степени, служившія въ случаѣ надобности убѣжищемъ. *Такія укрѣпленныя мѣста назывались градами или по русскому на*

---

[52]) Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 38, 43.

[53]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1848 г., стр. 160. Впрочемъ, уважаемый юристъ-историкъ въ позднѣйшемъ сочиненіи высказалъ другое воззрѣніе: «Славяне по своему шаткому, ненадежному положенію на чужой землѣ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины, въ которыя дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь-бы кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защищать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; такимъ только образомъ, при такихъ условіяхъ общинной жизни, Славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россіею». Разсказы изъ Русск. Ист., кн. I, стр. 6.

ръчію городами [54]). На трехъ указанныхъ ступеняхъ историческаго развитія славянскихъ поселеній въ Россіи возникла, такъ называемая, теорія родоваго быта древнихъ славянъ, проведенная въ исторію русскаго права Эверсомъ [55]). Періодъ разрозненности славянъ въ хуторахъ и селахъ, по этой теоріи, соотвѣтствуетъ періоду родоваго быта русскихъ славянъ; эпоха появленія городовъ признается эпохою паденія родовыхъ началъ и возникновенія началъ общинно-договорныхъ въ политической жизни древне-славянскихъ обществъ [56]).

Намъ исторія славянскихъ поселеній въ Россіи представляется въ обратномъ порядкѣ. Изученіе историческихъ памятниковъ, въ связи съ сравнительнымъ изученіемъ существующихъ въ наукѣ теорій древне-славянскаго общественнаго быта, убѣждаетъ насъ, что общественная жизнь русскихъ славянъ началась съ городовъ, а не съ хуторовъ; изъ городовъ уже, спустя много времени послѣ ихъ первоначальнаго образованія, славянское народонаселеніе Россіи разсѣялось въ селахъ и хуторахъ.

Славянскіе племена, по сказанію Нестора, общепринятому учеными, выдвигались съ Дуная незначительными партіями и занимали земли уже прежде нихъ занятыя другими народами, неславянскими. Туземцы, естественно, не могли относиться пассивно къ новымъ поселенцамъ въ ихъ странѣ: славяне должны были пробиваться сквозь нихъ, отнимать у нихъ землю. Такое положеніе новыхъ переселенцевъ въ чужой странѣ заставляло ихъ жить съ большою осторожностію и имѣть постоянное средство защиты противъ туземцевъ. Сверхъ того, сами переселенцы не жили мирно между собою [57]).

Исторія представляетъ намъ возможность наблюдать заселеніе страны колонизирующимъ народомъ, при сказанныхъ условіяхъ.

Изученіе памятниковъ XIV, XV, XVI и XVII столѣтій до-

---

54) Вѣст. Европы, 1870 г., кн. XI, стр. 27.
55) Древ. Русск. Право, 1835 г., введеніе особ., стр. 2 и 3.
56) Исторія Россіи Соловьева; т. I, стр. 62, 67, т. XIII, стр. 4 и слѣд.
57) П. С. Р. Л., т. I, стр. 7, 8.

казываетъ, что въ позднѣйшее время въ мѣстностяхъ незаселенныхъ, или заселенныхъ не русскимъ народомъ, города появлялись прежде чѣмъ сельскія поселенія. Южныя, восточныя и юговосточныя окраины московскаго государства заселялись при посредствѣ городовъ и городковъ. По системѣ рр. Дона и Донца, въ низовьяхъ Волги и въ Сибири долгое время одни города составляли русскія поселенія востока и юговостока Россіи. Беремъ, для примѣра, пространство Россіи, прилегающее къ верхнему и среднему теченію рѣки Дона и его притока С. Донца и прослѣдимъ историческія явленія, сопровождавшія заселеніе этого края. Для провѣрки высказанной нами теоріи, эта мѣстность представляетъ особенное удобство. Юго-восточныя пространства древней Россіи, при заселеніи ихъ русскимъ народомъ, представляли условія, подобныя условіямъ, при какихъ заселялись незаселенныя земли въ Россіи вообще при первоначальномъ ихъ занятіи славянами, а потому выводы, получаемые при изученіи исторіи развитія народныхъ поселеній на юго-востокѣ Россіи XV, XVI и XVII вѣковъ могутъ быть безошибочно отнесены къ исторіи развитія народныхъ поселеній въ древней Россіи вообще. Законы народной жизни, при неизмѣнности внѣшнихъ условій, также постоянны и неизмѣнны, какъ законы физическіе, а потому если данная мѣстность въ XVI и XVII вѣкахъ заселялась при условіяхъ, подобныхъ условіямъ заселенія другой мѣстности въ VI и VII вѣкахъ, то явленія сопровождавщія возникновеніе и развитіе народныхъ поселеній будутъ одинаковы тамъ и здѣсь.

Пространства современной Россіи, составляющія восточныя половины Харьковской и Курской губерній, юговосточныя Орловской, Рязанской и Тамбовской и всю Воронежскую губернію до XIII вѣка входили въ составъ Переяславскаго, Черниговскаго и Рязанскаго княжествъ и были заселены городами [58]).

---

[58]) Подъ 1148 годомъ въ лѣтописи читаемъ: «Глѣбъ Юрьевичъ иде къ Рязани, и бывъ *въ градѣхъ Черленаго Яру и на Велицей Воронѣ*». Ник. сп., ч. II, стр. 105. Подъ 1177 годомъ: «отбѣжа князь Ярополкъ *въ Воронежъ и тамо прехожаше отъ града во градъ* отъ многіе печали и скорби не вѣдый камо ся дѣти». Тамъ-же, стр. 236. См. еще: Акты Историческіе.

Владычество татаръ разрушило эти города и совершенно обезлюдило системы Дона и С. Донца: народонаселеніе истреблено или бѣжало во внутреннія пространства русской земли. Въ концѣ XVI столѣтія, рядъ городовъ, простиравшійся отъ города Темникова, на рѣкѣ Мокшѣ на юго-западъ, почти до устья рѣки Сейма [59]), составлялъ собою конечные пункты русскихъ поселеній на юго-востокѣ. Все пространство на югъ и на юго-востокъ отъ этихъ городовъ представляется современными путешественниками безлюдною пустыней, съ полнымъ отсутствіемъ общественныхъ поселеній, не было ни селъ, ни городовъ, ни людей [60]).

Вторично юго-востокъ Россіи заселенъ русскимъ народомъ двумя путями: посредствомъ свободной колонизаціи русскаго народа, заселившаго нижнее теченіе Дона, до впаденія въ него р. Богучара [61]), и мѣрами московскаго правительства, повелѣніемъ котораго строились города въ безлюдныхъ мѣстахъ и переводилось въ нихъ населеніе изъ внутреннихъ уѣздовъ. Остановимся на каждомъ изъ нихъ.

Поселенія Донскихъ казаковъ возникали при слѣдующихъ

т. I, №№ 1 и 3. Воронежскіе акты, т. III, прилож. стр. II. Ист. Гос. Рос., Карамзина, т. V, стр. 67. Кн. Больш. Чертежу, стр. 24—34, изд. 1838 г.

[59]) Темниковъ, Кадомъ, Шатскъ, Ряжскъ, Донковъ, Елецъ, Новосиль, Минскъ, Орелъ, Карачевъ, Дмитріевъ, Рыльскъ и Путивль. Воронеж. Акты Кн. III, прилож., стр. I.

[60]) Діаконъ Смоленскаго епископа Михаила, Игнатій, въ своемъ описаніи хожденія (въ 1389 году) митрополита Пимена въ Царьградъ, представляетъ страну выше впаденія Мечи и Быстрой Сосны въ Донъ, внизъ по этой рѣкѣ, за устья Медвѣдицы и Бѣлаго Яра совершенно безлюдною: «Бысть же сіе путное шествіе, говоритъ онъ, печально и унынливо, бяше бо пустыня зѣло всюду не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, *ни града, ни села*: аще бо и бываша древне грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ—мѣста точію; пусто жъ все и не населено; *ни гдѣ бо видѣти человѣка*, точію пустыни велія и звѣріе множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бяша вся пустыни великія». Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. V, стр. 67. Въ томъ-же видѣ мы встрѣчаемъ этотъ край столѣтіе спустя въ концѣ XV вѣка, въ описаніи путешествія пословъ Венеціанскаго Контарини и Московскаго Марка Руфа, ѣхавшихъ въ 1476 году изъ Персіи въ Москву. Запи. Географ. Общ., кн. VI, стр. 214.

[61]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. VIII, стр. 86 и пр. 251—254.

условіяхъ: съ одной стороны, крымскіе татары, а съ другой, ногайскіе всегда готовы были воспользоваться достояніемъ молодыхъ колоній: шайки ихъ безпрерывно бродили между устьями Волги и Днѣпра, жгли и грабили безъ пощады все, чѣмъ можно было завладѣть. Противодѣйствовать этимъ условіямъ могли только скученная жизнь и городскія укрѣпленія. Существованіе неукрѣпленныхъ народныхъ поселеній въ сосѣдствѣ съ народами татарскими немыслимо. А такъ какъ эти условія длились, пока сосѣдившіе съ Донскими казаками татарскіе народы не вошли въ составъ русскаго царства, то до XVIII столѣтія на Дону не могло быть иныхъ народныхъ поселеній, кромѣ городовъ. И дѣйствительно, сохранился драгоцѣнный для насъ документъ, свидѣтельствующій, что въ концѣ XVII столѣтія на Дону, между устьями Богучара и Аксая, стояло 52 города и не было ни одного селенія [62]).

---

[62]) «Тетрадь Записная» пѣвчихъ дьяковъ, сопровождавшихъ Петра I подъ Азовъ въ 1694 году. «Маія въ 6-й день поутру приплыли въ первый казачій городокъ Донецкій, а сидитъ онъ на острову Дона рѣки и были тутъ до обѣда; а послѣ обѣда приплыли во 2-й городокъ Казанка, а въ ночи проплыли третій городокъ Мигулинъ, 4-й городокъ Ишанка; поутру проплыли 5-й городокъ Ришетовъ, и послѣ обѣда проплыли 6-й городокъ Вешки. А въ ночи проплыли 7-й городокъ Хоперъ. Маія въ 8-й день поутру 8-й городокъ Медвѣдицкой. Того-жъ числа послѣ обѣда проплыли 9-й городокъ Роспопинъ, 10-й Клецкой, а въ ночи проплыли 11-й Перекопской, 12-й Кремянной, Маія въ 9-й день проплыли 13-й городокъ Пердуновъ, 14-й Григорьевской, 15-й Сиротинъ, 16-й Илавла, а въ ночи проплыли 17-й городокъ Качаринъ. Маія въ 18-й день проплыли 18-й городокъ Паншинъ и въ немъ не стояли, а стояли ниже ево. Маія въ 11-й день проплыли 19-й городокъ Голубые; послѣ обѣда 20-й городокъ Пять Избъ; и въ т. ночь проплыли 21-й городокъ Верхній Чиръ, 22-й городокъ Нижній Чиръ. Маія въ 12-й день проплыли 23-й городокъ Кобыльникъ, а ввечеру проплыли 24-й городокъ Есаулы. Маія въ 13-й день проплыли 25-й городокъ Зимовейки, 26-й городокъ Курманъ Яръ, а въ ночи проплыли 27-й городокъ Нагавки. Маія въ 14-й день проплыли 28-й городокъ Курманъ Яръ Нижній, а послѣ обѣда проплыли 29-й городокъ Нагавкинъ Нижній, 30-й городокъ Терновыя, 31-й городокъ Цымла. Маія въ 15-й день поутру проплыли 32-й городокъ Кумшикъ, а послѣ обѣда проплыли 33-й городокъ Романовскій, 34-й городокъ Корчала Верхней, 35-й городокъ Комышниковъ, 36-й городокъ Быстрянскъ. Маія въ 16-й день поутру проплыли 37 й городокъ Коргола Нижній, 38-й городокъ Михалевъ Верхній, 39-й городокъ Михалевъ Нижній, а послѣ обѣда проплыли 40-й городокъ Троклинъ, 41-й Кичальникъ, въ немъ

Мы видимъ здѣсь, что народная колонизація заселяла юго-востокъ Россіи при посредствѣ городовъ, скучивавшихъ колонистовъ въ маленькія общины, раздѣленныя одна отъ другой пространствами отъ 2-хъ до 5-ти верстъ.

Посредствомъ городовъ заселяло безлюдныя степи юго-востока и московское правительство. Въ 1586 г., по распоряженію его, вновь укрѣплены и заселены, запустѣвшіе со времени татаръ, Курскъ и Кромы и вновь построены Ливны и Воронежъ; въ 1593 году построены Бѣлгородъ, Осколъ и Валуйка; въ первой половинѣ XVII столѣтія основаны: Козловъ, Яблоновъ, Тополи, Верхососенскій, Усердъ, Урывъ, Ольшанскъ, Усмань, Коротоякъ, Орловъ, Сокольскій, Костенскъ, Острогожскъ, Новый Осколъ, Землянскъ и др. „Каждый шагъ въ разширеніи государственныхъ границъ сопровождался построеніемъ городовъ"[63]). Воздвигая города, правительство принимало важныя мѣры въ предупрежденіе внезапныхъ нападеній непріятеля на новыя поселенія: насыпаны на обширныя пространства земляные валы, подѣланы засѣки, устроены стоялые и жилые остроги, сторожи, станицы[64]). Благодаря такимъ предохранительнымъ мѣрамъ правительства, въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія около Воронежа, Ливенъ, Оскола и Бѣлгорода стали мало по малу возникать сельскія поселенія, которыя тѣснились къ городамъ какъ можно ближе, чтобы въ случаѣ внезапнаго нападенія врага можно было съ

зимовалъ Стенка Разинъ, 42-й городокъ Ведерниковъ, 43-й городокъ Бабинъ, 44-й городокъ Золотой. Маія въ 17-й день проплыли 45-й городокъ Кочетовъ, 46-й городокъ Семи Корокорой, а послѣ обѣда проплыли 47-й городокъ Раздоры. Маія въ 18-й день поутру проплыли 48-й городокъ Мелеховъ, 49-й городокъ Безсергневъ, а послѣ обѣда проплыли 50-й городокъ Богеай, 51-й городокъ Миничъ Маія въ 19-й день послѣ обѣда прошли 52-й городокъ Черкасской...» (рукопись неокончена). Воронежскіе акты, кн. I. № XVI, стр. 47 — 50.

[63]) См. Костомарова. «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Современникъ, 1860 г., № III, Мартъ, стр. 10. Городскія поселенія, т. I, стр. V. Воронеж. акты, кн. II, Прилож.

[64]) Книги Разрядныя; т. I, стр. 941 — 978. Воронеж. акты, кн. I, стр. 118—126; кн. II, стр. 5, 17, 42, 43, 161 и 168, «О стан. и стор. службѣ». Бѣляева. Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846 г., № 4.

женами, дѣтьми и имуществомъ укрыться въ „осаду", въ стѣнахъ города [65]).

За немногими исключеніями, сельскія поселенія составляли частную собственность, принадлежали помѣщикамъ и были населены ихъ крестьянами, въ противоположность городамъ, въ стѣнахъ которыхъ (въ осадѣ) и возлѣ стѣнъ которыхъ (на посадѣ) сосредоточивались служилые классы и лично свободные посадскіе люди. Издатели Сборника Воронежскихъ актовъ перечисляютъ 87 сельскихъ поселеній, существовавшихъ въ Воронежскомъ уѣздѣ въ XVII столѣтіи; въ актахъ этого сборника находимъ только 39 сельскихъ поселеній, изъ которыхъ древнѣйшія упоминаются только съ 1625 года. Изъ послѣднихъ, 23 прямо называются помѣщичьими, большая часть остальныхъ, по всей вѣроятности, также представляла собою крестьянскія поселенія, потому что акты называютъ многихъ помѣщиковъ и крестьянъ того времени, не называя селъ и деревень, къ которымъ они принадлежали [66]). Такимъ образомъ, исторія заселенія юго-востока Россіи представляетъ намъ слѣдующія явленія. 1) Въ мѣстахъ незаселенныхъ или заселенныхъ не русскимъ народомъ первоначально возникали города. 2) Съ увеличеніемъ количества городовъ, съ учрежденіемъ пограничной стражи и укрѣпленіемъ государственныхъ границъ, спустя нѣсколько сотъ лѣтъ (въ нижнемъ теченіи Дона) и нѣсколько десятковъ лѣтъ (въ верхнемъ теченіи Дона и С. Донца) послѣ первоначальнаго появленія городовъ въ странѣ, начинаютъ возникать сельскія поселенія. 3) Сельскія поселенія появляются первоначально вблизи городовъ (чтобы можно было при нападеніи врага поскорѣе укрыться въ стѣнахъ города) и удаляются отъ городовъ по мѣрѣ уменьшенія опасности, грозившей со стороны татаръ. 4) Сельскія поселенія населены преимущественно помѣщичьими крестьянами, то есть лицами, которыхъ необходимость заставляла оставить стѣны города и подвергнуть себя опасности отъ внезапнаго нападенія врага.

---

[65]) Воронеж. Акты, кн. III, прилож. стр. V.

[66]) Ср. Указ. къ Воронеж. актамъ, т. I, стр. 60 — 62; т. II, стр. 65, 66; т. III, стр. 79—81 и соотвѣтствующіе имъ акты въ сборникѣ.

Заручившись указанными фактами изъ исторіи заселенія юго-востока и востока Россіи позднѣйшаго времени, обратимся къ изученію древнѣйшей эпохи. Какъ ни скудны извѣстія источниковъ, тѣмъ не менѣе, они даютъ достаточныя основанія для того, чтобы признать въ первоначальномъ способѣ заселенія Россіи славянами тотъ же способъ, какимъ заселялись степи Россіи въ позднѣйшее время. Занимая чужую страну, славяне должны были поступать такъ, какъ поступали всѣ народы, занимая чужую страну, какъ селились сами славяне на глазахъ исторіи. Острова и побережья Средиземнаго и Чернаго морей заселялись выселками изъ Финикіи, Кареагена, Греціи и Рима при посредствѣ колоній-городовъ; римляне, завоевавъ южные берега Британіи, тотчасъ основали тамъ семь колоній-городовъ; въ Америкѣ первоначально появлялись города съ европейскимъ населеніемъ, а потомъ уже сельскіе виды народныхъ поселеній. Также поступали и славяне во всѣхъ случаяхъ, записанныхъ исторіей. „Славяне, пришедши въ Германію, въ самомъ началѣ своего пребыванія въ ней, построили множество городовъ“ [67]). Кій, по преданію, записанному Несторомъ, желая переселиться на Дунай съ своими соотечественниками, построилъ тамъ городъ Кіевецъ [68]). Новгородъ, по точному смыслу нашей начальной лѣтописи, основанъ славянами при первоначальномъ поселеніи славянъ на берегахъ озера Ильменя [69]). Въ историческое время, въ 1181 году, Новгородцы, переселившіеся иа рѣку Каму при первоначальномъ поселеніи тамъ основали два города [70]). Берега Дона заселялись выходцами изъ Россіи при посредствѣ городовъ. Каждый шагъ въ расширеніи государственныхъ границъ Россіи сопровождался построеніемъ городовъ.

Съ другой стороны, исторія не представляетъ фактовъ, гдѣ бы осѣдлый земледѣльческій народъ, по мѣсту своего прежняго жительства, знакомый съ высшею цивилизаціею своего времени,

---

[67]) Шафарикъ, Слав. Древ., т. I, кн. II, стр. 378.
[68]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 4.
[69]) См. выше.
[70]) Ист. Гос. Рос., III, п. 32.

какими были славяне при первомъ появленіи ихъ въ исторіи [71]), переселившись въ новую страну, занятую туземнымъ населеніемъ, селился въ этой странѣ не скученно, въ городахъ, а разсыпавшись по странѣ, порвалъ политическую связь между своими членами и сталъ жить „въ хуторахъ", отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, безъ всякаго политическаго соединенія между собою. Партіи славянъ пришельцевъ въ Россіи, конечно, не расходились по странѣ, какъ это представляется по нынѣ господствующей теоріи историческаго развитія славянскихъ поселеній въ Россіи, а селились такъ, какъ селятся всѣ народы въ подобныхъ обстоятельствахъ, какъ селились сами славяне на глазахъ исторіи. На основаніи изложенныхъ фактовъ, мы предлагаемъ слѣдующую теорію исторіи славянскихъ поселеній въ Россіи.

Партіи славянскихъ переселенцевъ, являясь въ новой странѣ, уже занятой другими народами, не расходились врозь, но для взаимной безопасности ихъ членовъ, селились въ избранныхъ мѣстахъ общинами, оградивъ эти мѣста насыпями, рвами, оградами, стѣнами и тѣмъ превративъ ихъ въ города. Съ нарожденіемъ народонаселенія въ этихъ городахъ, первоначальные размѣры ихъ укрѣпленій дѣлались недостаточными, чтобъ вмѣстить въ себѣ разросшуюся общину. Это вело къ одному изъ двухъ результатовъ: или увеличивались размѣры стараго города, или, рядомъ съ нимъ, *при городѣ* существовавшемъ, старѣйшемъ, ставилось новое укрѣпленіе, *пригородъ* стараго, въ который перемѣщалась часть населенія общины. Потому то почти во всѣхъ древнѣйшихъ городахъ Россіи, мы встрѣчаемъ по нѣскольку городовъ, какъ ихъ составныхъ частей [72]). Если мѣстныя условія не дозволяли построить пригородъ вблизи стараго города, или, если населеніе стараго города возрастало до такой степени, что окружающія поля оказывались недостаточными для прокормленія увеличившагося населенія общины, то часть послѣдняго выселялась изъ стараго города въ мѣста болѣе или менѣе отъ него

[71]) Русск. Ист. Сбор., т. IV, кн. II, стр. 164. 1840 г., Шафарика. Слав. Древ., т. I, кн. II, стр. 418 и слѣд.

[72]) См. выше, стр. 44.

отдаленныя. Выходцы изъ старыхъ городовъ, если только выселялись они не вслѣдствіе борьбы партій въ старыхъ городахъ и не съ цѣлями административными, селились какъ можно ближе къ митрополіи, чтобы въ случаѣ враждебныхъ нападеній можно было найдти защиту въ старѣйшемъ, многолюднѣйшемъ, крѣпчайшемъ, болѣе сильномъ городѣ. Выселокъ, удалившійся отъ своей митрополіи, хотя бы только на три или на четыре версты, ограждалъ новое мѣсто своего жительства и тѣмъ превращалъ его въ городъ, по отношенію къ старѣйшему городу называвшійся пригородомъ. Предгородья или пригороды, лежавшіе вблизи первоначальнаго старѣйшаго города, и пригороды, удаленные отъ митрополіи на болѣе или менѣе значительное разстояніе, имѣли между собою, кромѣ общаго происхожденія, сходство по отношеніямъ къ старѣйшему городу: какъ тѣ, такъ и другіе состояли въ зависимости отъ митрополіи, въ положеніи младшихъ къ старшему, какъ дѣти къ отцу, слуги къ господину, слабѣйшій къ сильнѣйшему. Только необходимость могла заставить старѣйшій городъ дать колоніи возможность „начати общежительствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители“ [73]). Съ пригородомъ могла повториться исторія старѣйшаго города, вызывавшая появленіе пригородовъ пригорода и т. д. Такъ возникала цѣпь городовъ, связанныхъ послѣдовательною подчиненностью старѣйшему городу, составлявшихъ одну политическую общину, пользовавшуюся политической автономіей, съ территоріей, принадлежавшей одному племени. Такъ образовались тѣ племенные политическіе союзы, на существованіе которыхъ до Рюрика указываетъ начальная наша лѣтопись [74]).

Жизнь въ мѣстахъ и посадахъ еще въ позднѣйшее время, при Рюриковичахъ, представляла много опасностей, и при каждой

---

[73]) Ист. Гос. Рос., Карамзина, т. III, прим. 32.

[74]) «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ *княженье* въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ-же Кривичи иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдятъ Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ». П. С. Р. Л., т. I, стр. 5.

изъ нихъ, мѣщане должны были оставлять свои мѣста и бѣжать въ стѣны города. Опасности же, при непрерывныхъ движеніяхъ въ земляхъ, занятыхъ русскими славянами, различныхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ, при безпрерывныхъ междоусобныхъ войнахъ славянскихъ племенъ, еще не сплоченныхъ въ одно государство, при борьбѣ съ финскими племенами, какъ туземцами, должны были дѣйствовать въ земляхъ русскихъ славянъ безпрерывно. Въ виду этихъ опасностей, только нужда могла заставить свободнаго горожанина оставить городъ и удалиться отъ взаимной защиты сочленовъ общины, подвергнуть себя постоянной опасности, отъ которой болѣе или менѣе гарантировали стѣны города и скученность населенія.

Но если мѣста, лежавшія непосредственно за стѣнами городскихъ укрѣпленій, представляли собою опасныя, а потому неудобныя мѣстажительства, то сельскія поселенія, удаленныя отъ городовъ, тѣмъ болѣе. Жизнь въ сельскихъ поселеніяхъ представляется намъ невозможною при внѣшнихъ условіяхъ общественной жизни древне-русскихъ славянъ, напоминающихъ условія заселенія юго-востока Россіи въ позднѣйшее время. Этимъ объясняется молчаніе нашей древнѣйшей лѣтописи въ отношеніи сельскихъ поселеній Россіи времени первыхъ Рюриковичей: лѣтописецъ молчитъ о селахъ, потому что селъ не было [75]). Въ X вѣкѣ начальная наша лѣтопись, при безпрестанныхъ упоминаніяхъ о городахъ, называетъ только два селенія: Ольжицы и Берестовое. Но и эти поселенія, какъ кажется, названы лѣтописцемъ селами только потому, что они были таковыми въ его время [76]). Берестовое совсѣмъ не похоже на древнія села: въ немъ, по словамъ лѣтописи, жили 200 наложницъ Св. Владиміра, при которыхъ необходимо предположить обширный штатъ слугъ и хранителей;

[75]) Ср. Соловьева Истор. Россіи, т. XIII, стр. 7. Горчакова, О земел. владѣн. митроп., патріарх. и св. синода, стр. 195.

[76]) «иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли. . *есть село ее Ольжичи и доселѣ*». П. С. Р. Л., т. I, стр. 25. г. 917. «А наложьницъ бѣ у него (Владиміра) 300 Вышегородѣ, а 300 въ Бѣлѣгородѣ, *а 200 въ Берестовѣ въ селци, еже зоутъ нынѣ Берестовое*». Тамъ-же, г. 980, стр. 34.

такое поселеніе, не смотря на его близость къ Кіеву, едва ли могло быть оставлено княземъ неукрѣпленнымъ.

Съ теченіемъ времени, количество славянскихъ городовъ и пригородовъ увеличивается, а съ тѣмъ вмѣстѣ, укрѣпляются и увеличиваются границы занятыхъ славянами земель; отдѣльныя племена соединяются въ одно государство; возникаетъ классъ военныхъ людей, посвящающихъ свою дѣятельность исключительно защитѣ государства; общественная власть получаетъ болѣе силы, а съ нею, и возможности къ защитѣ подчиненнаго ей народонаселенія; вводится болѣе прочный юридическій порядокъ, а съ нимъ, ослабѣваетъ господство физической силы. Эти явленія возникли и развивались въ средѣ русскихъ славянъ на глазахъ исторіи. Сокративъ опасности жизни особнякомъ, они дали возможность зарожденія и развитія сельской жизни, положили начало движенія народонаселенія изъ городовъ въ поля. Мало по малу возникли села, деревни, хутора. Народонаселеніе разсѣевается по странѣ, удаляется далѣе и далѣе отъ городовъ, помѣщенныхъ на вершинахъ горъ, въ мѣстахъ мало удобныхъ для земледѣлія, удаленныхъ отъ воды, находя защиту отъ непріятелей, нестолько въ городскихъ укрѣпленіяхъ и мелкихъ союзахъ, сколько въ общемъ государственномъ союзѣ, въ государственной власти и въ служиломъ сословіи, спеціально посвященномъ охраненію государства и его народа отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей и враговъ.

Первымъ событіемъ, породившимъ важныя слѣдствія въ отношеніи развитія сельскихъ поселеній въ Россіи, было событіе призванія Рюрика и размноженіе его рода, съ правами княжескаго достоинства. Первымъ и важнѣйшимъ слѣдствіемъ призванія Варяго-русскихъ князей было соединеніе разрозненныхъ славянскихъ племенъ, составлявшихъ до того времени множество независимыхъ другъ отъ друга общинъ-республикъ, воевавшихъ между собою, въ одинъ гражданскій союзъ, въ одно государство, подъ властію одного дома, князей Рюриковичей, получившихъ, а вѣрнѣе, завоевавшихъ право княжить въ земляхъ русскихъ славянъ. Вслѣдствіе соединенія славянскихъ племенъ въ одно государство, уменьшились опасности, происходившія отъ взаимной борьбы сла-

вянъ между собою. Тогда какъ до Рюрика возставалъ городъ на городъ и въ взаимной борьбѣ борящіеся города дѣйствовали какъ независимыя государства съ призваніемъ Рюрика, съ соединеніемъ славянскихъ племенъ въ одинъ постоянный союзъ, случаи взаимной борьбы между славянами должны были уменьшиться, превратиться изъ правила въ исключеніе. Вторымъ важнѣйшимъ слѣдствіемъ дѣятельности Рюриковичей было огражденіе земель, занятыхъ русскими славянами и вошедшихъ въ составъ русскаго государства, отъ нападеній внѣшнихъ непріятелей, чуждыхъ народовъ. Съ самого начала водворенія Рюриковичей въ земляхъ русскихъ славянъ мы видимъ усиліе съ ихъ стороны, направленное къ этой цѣли. Уже Рюрикъ, тотчасъ по занятіи Новгорода, посылаетъ своихъ мужей въ пограничные пункты Новгородскихъ владѣній и приказываетъ имъ исправить тамошнія укрѣпленія [77]). Олегъ, по занятіи Кіева, строитъ крѣпости въ Кіевскомъ княжествѣ [78]). Владиміръ Св. нетолько строитъ отдѣльныя укрѣпленія на границахъ Кіевскаго княжества, по рѣкамъ Деснѣ, Востри, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, но огораживаетъ всю пограничную линію отъ набѣговъ скитающихся непріятелей Россіи на югѣ и юго-востокѣ [79]). Ярославъ Владиміровичъ ставитъ крѣпости по рѣкѣ Роси [80]). Суздальскіе князья продолжаютъ туже дѣятельность на сѣверо-востокѣ Россіи [81]). Въ X, XI, XII и XIII столѣтіяхъ наши лѣтописи безпрестанно упоминаютъ о построеніи того или другаго укрѣпленія, тѣмъ или другимъ княземъ. Построеніе городовъ, въ смыслѣ укрѣпленій, обращаетъ на себя вниманіе нашихъ лѣтописцевъ, наравнѣ съ важнѣйшими государственными событіями, потому что въ древности построеніе новыхъ и поддержаніе старыхъ укрѣпленій составляло

---

[77]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 9.

[78]) Тамъ-же, стр. 10.

[79]) Тамъ-же, стр. 52. «Duos dies cum exertitu duxit me ipse usque ad. regni sui terminum, ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit. Русская Бесѣда, 1856 г., глава I, стр. 12. Послан., Еписк. Бруна къ Генриху III.

[80]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 65.

[81]) Исторія Россіи Татищева, кн. III, стр. 76.

государственную потребность первѣйшей важности. Третьимъ слѣдствіемъ образованія общей для русскихъ славянъ княжеской власти было возникновеніе особаго класса лицъ (дружины князя), спеціально посвящавшаго свою дѣятельность защитѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ, быстро передвигавшагося съ одного мѣста на другое по требованію обстоятельствъ. Но не смотря на указанныя обстоятельства, молодое государство, возникшее изъ множества до того времени независимыхъ другъ отъ друга республикъ, въ первое время своего существованія не обладало еще достаточнымъ количествомъ средствъ, чтобы уничтожить вполнѣ причины, заставлявшія народонаселеніе до того времени скучиваться исключительно въ городахъ, чтобы обезопасить пространства земли, лежавшія между городами. Слѣдствіями призванія Рюрика и соединенія русскихъ славянъ въ общій гражданскій союзъ эти причины были только ослаблены, но не совершенно уничтожены. Печенѣги и Половцы безпрерывно бродили въ русской землѣ, разоряли и подбирали къ своимъ рукамъ все, что не было защищено силою, заставляя славянъ держаться городовъ и не слишкомъ удаляться отъ ихъ защиты. Размноженіе Рюрикова дома и раздѣленіе Россіи на множество княжествъ, ставшихъ почти въ совершенно независимое положеніе другъ къ другу на подобіе славянскихъ республикъ до Рюрика, безпрестанно воевавшихъ между собою, также не могло благопріятствовать развитію общественной жизни въ мѣстахъ открытыхъ, неукрѣпленныхъ. Жизнь въ неукрѣпленныхъ поселеніяхъ, въ первые вѣка русскаго государства, не смотря на указанную дѣятельность русскихъ князей, представляла еще много опасностей; а потому, мало по малу возникшія селенія во внутреннихъ княжествахъ, наиболѣе защищенныхъ отъ внѣшнихъ нападеній, тѣснились къ городамъ, какъ можно ближе, чтобы въ случаѣ внезапнаго нападенія врага, можно было съ дѣтьми и имуществомъ укрыться въ стѣнахъ города. Сельскіе жители жили въ безпрестанномъ страхѣ, ежеминутно ожидая нападеній на свою жизнь и имущество; а при такихъ условіяхъ, жизнь внѣ городовъ представляла мало привлекательнаго, и только крайняя необходимость могла заста-

вить свободнаго горожанина оставить городъ и поселиться въ открытомъ полѣ. Съ конца XI столѣтія древнѣйшіе списки нашихъ лѣтописей, описывая политическія событія въ центральныхъ русскихъ княжествахъ, начинаютъ упоминать о селахъ, но для того только, чтобы сказать, что подъ такимъ-то городомъ села выжжены, а населеніе ихъ истреблено или разбѣжалось по городамъ, вслѣдствіе жестокости Половцевъ или князей, поссорившихся между собою [82]). Разбойническія партіи постоянно двигались въ промежуткахъ между русскими городами, нерѣдко подступая къ самымъ городамъ; незащищенныя городами пространства земли, пройденныя непріятелемъ, представляли безлюдныя пустыни: жилища сожжены, народонаселеніе перебито, уведено въ рабство или бѣжало. И подобныя явленія повторялись въ разныхъ мѣстностяхъ древней России почти ежегодно. При такихъ условіяхъ общественной жизни древней Россіи, могла-ли быть возможность развитія общественной жизни въ мѣстахъ открытыхъ, не защищенныхъ оградами,въ поселеніяхъ малолюдныхъ, сельскихъ? Россія первыхъ вѣковъ, по внѣшнимъ условіямъ общественной жизни, безошибочно можно сказать, находилась въ томъ положеніи, въ какомъ исторія застаетъ юго-востокъ Россіи въ XVI вѣкѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сколько нибудь безопасными мѣстами жительства являются только города, а потому какъ тамъ, такъ и здѣсь города являются нормою общественныхъ поселеній, а села исключеніемъ.

Вторымъ важнымъ событіемъ въ развитіи народныхъ поселеній въ Россіи было событіе опустошенія Россіи татарами.

По словамъ Суздальской лѣтописи въ 1237 году „придоша отъ восточные страны на Рязанскую землю безбожные татары, и почаша воевати Рязанску землю и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь и пожгоша и князя ихъ убиша; ихже емше овы распинахуть, другія же стрѣлами разстрѣляху въ ня, а ини опакы рукѣ связывахуть; много же святыхъ церквій огневи предаша, и монастырѣ и села пожгоша, имѣнья не мало обою

---

[82]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 92, 95, 96, 147, 154; т. II, 12, 13, 34.

сторону взяша, потомъ поидоша на Коломну" [83]). Карамзинъ, описывая опустошеніе Рязанской земли татарами, говоритъ: „Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юрьевой, гдѣ сей князь затворился. Татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася 5 дней. Въ шестой день татары вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, его супруга, его мать, бояре, народъ были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ или связавъ имъ руки стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы, оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли іереевъ или кровью ихъ обагряли алтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ изчезъ вопль отчаянія, ибо некому уже было стенать и плакать" [84]). Ингорь, возвратившись въ область Рязанскую, „нашелъ ее въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и нтицами" [85]).

Опустошивъ Рязанскую область, обративъ ея города въ кучи пепла, татары направились въ область Суздальскую: „взяша Москву, князя Володимера яша руками, а люди убиша отъ старьца и до сущаго младенца... взяша Суздаль... и люди вcѣ изсѣкоша... идоша ко Володимерю... и взяша градъ... отъ уного и до старца и сущаго младенца, и та вся изсѣкоша... оттолѣ, овіи же идоша къ Ростову, а иніи же къ Ярославлю, а иніи на Волгу и на Городецъ и тѣ поплѣниша все по Волзѣ и до Галича Володимерьскаго, а иніи идоша къ Переяславлю и тотъ градъ взяша, оттолѣ всю страну ту и городы мнози поплѣниша: Юрь-

---

[83]) Тамъ-же, стр. 196, Лавр. сп. Троиц. сп., стр. 221, 222.
[84]) Ист. Гос. Рос., т. III, стр. 167 и пр. 359.
[85]) Тамъ-же, стр. 168.

евъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, туже и сына Ярославля убиша, и до Торжку нѣсть мѣста, идѣже не повоеваша...“ „Взяша градъ Торжекъ и изсѣкоша вся отъ мужеська полу и до женьска, тогда же гоняша я окаяніи отъ Торжку Серегерскымъ путемъ полни до Игнача Креста, а все людіе сѣкуще аки траву... отселѣ воротися и пріиде къ городу Козельску... взя градъ Козельскъ и губи вся и до отрочане ссущихъ млеко; а о князѣ Василіи невѣдомы есть, иніи же глаголаху, яко въ крови утопе, понеже бо младъ бѣ. Батый же взялъ Козельскъ и поиде въ землю Половецкую“ [86]). Опустошивъ восточную половину Россіи, уничтоживъ населеніе волостей Пронской, Рязанской, Коломенской, Московской, Суздальской, Владимірской, Ростовской, Ярославской, Городецкой, Юрьевской, Переяславской, Дмитровской, Тверской, Кашинской, Волокской, Кснятинской, Торжковской, Козельской и т. д., татары обратили свои силы на западъ въ волости приднѣпровскія: „оттуда-же (съ земли Половецкой) поча посылати на грады руськыя и взя градъ Переяславль и люди вся сущая въ градѣ овыхъ избиша а иныхъ плѣниша“ [87]); — „въ тоже время посла на Черниговъ: и градъ взяша и запалиша огнемъ, епископа оставиша жива и ведоша и во Глуховъ“ [88]). Въ 1240 году „приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьцѣ... и пріатъ бысть градъ сице воими. Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужьства ради его... приде къ городу Колодяжну... люди передашася и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю, взятъ я... приде къ Володимерю и взя и копьемъ и изби и не щадя, также и градъ Галичъ, *иныи грады многы, имъ же нѣсть числа*“ [89]). Даніилъ, по возвращеніи въ отечество, нашелъ его въ подобномъ состояніи: „Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестью, и не возмогоша ити въ поле, смрада ради множьства избьенныхъ: не бѣ бо на Володимерѣ не осталъ живый“ [90]).

[86]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 196—198, 223, 225. Никон. списк., ч. II, ст 376 и 378.

[87]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 175.

[88]) Тамъ-же, т. II, стр. 176 и 177.

[89]) Тамъ-же, стр. 178.

[90]) Тамъ-же, стр. 179.

Обративъ въ кучи пепла, по словамъ лѣтописей, „безчисленное количество“ русскихъ городовъ въ теченіи 1237—1240 гг., татары и послѣ того періодически опустошали возникавшіе изъ развалинъ города Россіи, уже состоявшей въ ихъ подданствѣ. Такъ, въ 1293 году Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переяславль, Угличъ, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и многіе другіе города были взяты татарами какъ непріятельскіе: жители перебиты или плѣнены; въ 1284 году опустошена Курская область; въ 1319 году преданы огню и желѣзу города Ростовъ, Кострома, Брянскъ; въ 1327 году опустошены со всѣми пригородами, Тверь, Кашинъ, Торжокъ, жители истреблены огнемъ и мечемъ, другіе отведены въ неволю; въ 1377 году уничтожены города Нижній-Новгородъ и Рязань; въ 1382 году „отъ Москвы остались только дымъ, пепелъ, земля окровавленная, трупы и обгорѣлыя церкви; ужасное безмолвіе смерти прерывалось однимъ глухимъ стономъ нѣкоторыхъ страдальцевъ, изсѣченныхъ саблями татаръ, но еще не лишенныхъ жизни и чувства“ и т. д. [91]). Разрушая русскіе города, татары въ тоже время запрещали князьямъ возобновлять ихъ укрѣпленія. Объ этомъ находимъ любопытныя свидѣтельства въ Ипатскомъ спискѣ Волынской лѣтописи. Только что успѣли умные и дѣятельные князья Галицкіе и Волынскіе, Даніилъ и Василій, возобновить нѣкоторые изъ горородовъ юго-западной Россіи, разрушенныхъ Батыемъ, какъ явился сподвижникъ Батыя Бурондай и приказалъ разрушить отстроенные города, что и было исполнено [92]).

Въ лицѣ татаръ явилась въ Россіи вражеская сила, противъ которой не спасала скученность населенія въ городкахъ. Совершенно дѣйствительная сила противодѣйствія враждебнымъ нападеніямъ при партизанскихъ войнахъ до-татарскаго времени, малолюдные древніе городки Россіи были совершенно безсильны противъ татарскихъ массъ. Какъ до татаръ народъ искалъ спасенія въ совмѣстной общинной

[91]) См. Карамзина, Ист. Гос. Рос., т. IV, гл. V, VII, VIII, т. V.

[92]) Въ 1261 году «рече Буронда Василькови: «оже есте мои мирници, размечете же городы своѣ всѣ». «Левъ размета Даниловъ, Истожекъ, оттолѣ же посла Львовъ размѣта, а Василко пославъ Кремянѣць размета и Луческъ..» Лѣт. по Ипат. сп., стр. 562, 563.

жизни, въ стѣнахъ города, такъ послѣ татаръ сталъ искать его въ разрозненности, въ болотахъ и лѣсахъ. Какъ до татаръ, въ случаѣ опасности, народъ бѣжалъ въ стѣны города [93]), такъ послѣ татаръ, въ подобныхъ случаяхъ, онъ разбѣгался изъ городовъ по лѣсамъ и болотамъ [94]).

Наконецъ, образованіе военнаго сословія при Московскомъ правительствѣ, укрѣпленіе государственныхъ границъ и учрежденіе пограничной стражи сдѣлали для государственнаго народонаселенія возможную жизнь въ общинныхъ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, сельскихъ; изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія превратило, при холодномъ оружіи, неприступные городки древнѣйшихъ временъ въ легко доступные. Такимъ образомъ, въ Московскій періодъ, съ одной стороны, явилась возможность развитія общественной жизни въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для поселянъ, нежели горныя вершины, съ другой, древніе городки перестали удовлетворять своему назначенію, то есть, не спасали уже своихъ жителей при нападеніи непріятеля, посредствомъ пушекъ, легко овладѣвавшаго городскими стѣнами, и народъ, оставивъ мѣста прежнихъ поселеній, спустился съ горъ въ долины; мѣста прежнихъ поселеній превратились изъ городовъ въ городища; села сдѣлались общею формою народныхъ поселеній, а города исключеніемъ.

93) «Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Деревьску землю. Изидоша Деревляне противу... побѣдиша *Деревляны, Деревляны же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ»*. Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 24.

94) «Мценскъ мѣсто болотистое, гдѣ въ древности была крѣпость, слѣды которой существуютъ и нынѣ. Около этого мѣста до сихъ поръ нѣкоторые живутъ въ палаткахъ и при наступленіи опасности *прячутся въ болота какъ за стѣны крѣпости»*. Записк. О Московіи Герберштейна. 1866 г., стр. 103.

Выразимъ въ краткихъ положеніяхъ результаты изложенныхъ нами изслѣдованій.

I. Въ существующей историко-юридической литературѣ высказана масса мнѣній, противорѣчащихъ другъ другу и непримиримыхъ, по общимъ, самымъ существеннымъ, основнымъ вопросамъ исторіи русскихъ городовъ, безъ точнаго рѣшенія которыхъ невозможна научная систематическая разработка частныхъ вопросовъ.

II. Главная причина существующихъ въ ученой литературѣ недоразумѣній по вопросамъ изъ исторіи русскихъ городовъ—въ неустановившемся воззрѣніи на значеніе древняго русскаго города, какъ предмета специальнаго изученія.

III. Изъ множества значеній, соотвѣтствовавшихъ слову городъ въ историческомъ развитіи русскаго языка, предметомъ специальнаго изученія долженъ быть городъ въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія.

IV. Въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, города, будучи учрежденіями общественными, искусственными, придуманными народомъ для общей пользы, имѣли важное значеніе въ составѣ политическихъ учрежденій Россіи древнѣйшаго періода, но не имѣютъ ничего общаго съ городами позднѣйшей Россіи.

V. Въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, города до настоящаго времени оставались внѣ специальныхъ историко-юридическихъ изслѣдованій.

VI. Въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи, существующихъ спискахъ городовъ и географическихъ картахъ Россіи древнѣйшаго періода насчитывается около 350 городовъ въ Россіи до татарскаго времени; въ дѣйствительности же ихъ было нѣсколько тысячъ.

VII. Если въ древнѣйшей Россіи было нѣсколько тысячъ укрѣпленныхъ городовъ, то въ настоящее время, на поверхности Россіи, должно быть видимо нѣсколько тысячъ остатковъ древнихъ укрѣпленій; и дѣйствительно, нѣсколько тысячъ сохранив-

жизни, въ стѣнахъ города, такъ послѣ татаръ въ разрозненности, въ болотахъ и лѣсахъ. Как случаѣ опасности, народъ бѣжалъ въ стѣны послѣ татаръ, въ подобныхъ случаяхъ, онъ р... довъ по лѣсамъ и болотамъ [94]).

Наконецъ, образованіе военнаго сослов... правительствѣ, укрѣпленіе государственныхъ... ніе пограничной стражи сдѣлали для гос... селенія возможную жизнь въ общинныхъ... ныхъ, сельскихъ; изобрѣтеніе огнестрѣл... при холодномъ оружіи, неприступные г... менъ въ легко доступные. Таким об... одъ, съ одной стороны, явилась возм... ной жизни въ поселеніяхъ неукрѣп... удобныхъ для поселянъ, нежели ... древніе городки перестали удовле... есть, не спасали уже своихъ ж... посредствомъ пушекъ, легко ов... и народъ, оставивъ мѣста п... горъ въ долины; мѣста прежн... родовъ въ городища; села ед... поселеній, а города исключе...

... ...нй ... ...ою-

... ...тѣхъ горо- ...нѣй въ нау- ...славян- ...жизни. ...щество- ...ніе ... ...зыка и ... ...въ городамъ ... начала.

... народныхъ ... городъ, осно- ... времени Рю- ... ...ствѣ го- ... можетъ быть ... Русл. должны ... которыхъ ле- ... новыя нача- ... позднѣйшее вре- ... въ древ- ... гражданскаго бы-

[93]) «Ольга съ сыномъ ... и иде на Деревьску зем... ляны, Деревляны же по... Собр. Рус. Лѣт., т. I, с...

[94]) «Мценскъ мѣст... ды ко...

существованія рода,
у новѣйшіе послѣ-

ѧ. Сергѣевича «Вѣче и Князь», стр. 44, 45. К. С. Аксаковъ статью мъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности, направленопроверженію основаній школы родоваго быта древнихъ славянъ е, и въ частности воззрѣній гг. Соловьева, Кавелина и Аѳанасьева, очаетъ слѣдующими словами: «русская земля есть изначала наименѣе ріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно обинная) земля». Пол. Соб. Соч., т. I, стр. 124. Патріархальною она и не огла быть, при условіяхъ заселенія Россіи славянами, прибавимъ мы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

УКАЗАТЕЛЬ СОХРАНИВШИХСЯ ГОРОДИЩЪ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

Конотопскій уѣздъ.

Городище въ Голенской волости, въ 4-хъ верстахъ отъ села Гайворона и въ 7-ми верстахъ отъ мѣстечка Голенокъ, на берегу рѣки Ромна. Величина площади насыпи болѣе 100 саженъ; поверхность площади ровная; на ней сѣютъ хлѣбъ; форма площади кругообразная, помѣщается на западномъ берегу рѣки Ромна (нынѣ болото съ протокомъ); внѣшнія укрѣпленія состоятъ изъ насыпнаго вала вышиною въ 3 сажени; входъ помѣщенъ съ запада. Укрѣпленіе это, по народному преданію, сдѣлано Шведами. Донесеніе Волостнаго Правленія отъ 13-го Августа 1872 года за № 753.

Городище въ Великосамборской волости, при селѣ Великомъ Самборѣ, около $^1/_4$ версты отъ него, въ направленіи на юго-востокъ. Дон. Вол. Прав. за № 275.

Городокъ въ той же волости, у самого селенія Гиревки, съ западной его стороны. Лѣтъ за 100 назадъ, какъ говорятъ старожилы, на этомъ городкѣ находились капитальныя строенія, неизвѣстно кѣмъ и когда уничтоженныя. Дон. Вол. Прав. за № 275.

---

*) Составленъ на основаніи трехъ источниковъ: 1) донесеній волостныхъ правленій; 2) свѣдѣній, собранныхъ преосвященнымъ Филаретомъ, напечатанныхъ въ Черниговскихъ епархіальныхъ извѣстіяхъ 1862—1870 гг. и 3) личныхъ нашихъ изслѣдованій.

Кролевецкій уѣздъ.

Городокъ въ Оболонской волости, у села Городища, при въѣздѣ въ него изъ деревни Савинокъ, на берегу рѣки Быстрицы. Городокъ устроенъ, по народному преданію, Шведами въ началѣ прошлаго столѣтія, во время войны короля шведскаго Карла XII съ Русскими, до одержанія надъ нимъ побѣды подъ Полтавою царемъ Петромъ Великимъ. Насыпь эта простирается на разстояніи 100 саженъ въ длину и около 15 саженъ въ ширину, имѣетъ незначительную вверху площадку, занимающую около 500 кв. саженъ; съ лѣвой стороны этой насыпи, въ разстояніи отъ нея не болѣе $^1/_4$ версты лежитъ небольшое, но глубокое озеро, называемое Старая Десна, съ правой же стороны течетъ небольшая и узкая рѣчка Быстрица, впадающая въ рѣку Новую Десну. Дон. Вол. Прав. № 1112. Въ верстѣ отъ села Городища, на югѣ, имѣется возвышенное мѣсто, окруженное валомъ, извѣстно по нынѣ подъ именемъ городка. Лѣтъ за 100, по словамъ старожиловъ, городокъ окруженъ былъ непроходимыми болотами и лѣсами, которыхъ нынѣ и слѣда нѣтъ. Во время весенняго розлива Десны городокъ представляетъ собою островъ, соединяющійся съ селомъ Городищемъ только узкимъ перешейкомъ. Нынѣ здѣсь кладбище. Это памятникъ древняго укрѣпленія, до-татарскаго городка. Черниговскія Епархіальныя Извѣстія 1869 г. Прибавленія, стр. 112.

Городокъ въ Коропской волости, у села Райгородка, на лѣвомъ берегу рѣки Десны. Городокъ этотъ занимаетъ пространства, примѣрно, около 1 десятины, сдѣланъ въ древнее время изъ земли, насыпанной вокругъ валомъ, а въ срединѣ вала ровная площадь; отстоитъ онъ отъ рѣки Десны саженей на 30; помѣщенъ на очень возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго видно вокругъ большое пространство. По разсказамъ и по образу этого городка, полагать можно, что онъ устроенъ для военныхъ дѣйствій, Дон. Вол. Прав. за № 909. Въ Райгородкѣ на сѣверъ отъ храма, въ верстѣ отъ него, находится городокъ, укрѣпленіе

весьма древнее. Площадь съ трехъ сторонъ,— сѣверо-западной и южной обнесена глубокимъ рвомъ и огромнымъ валомъ, а съ восточной стороны защищена озеромъ; восточный и южный валъ еще цѣлы, но сѣверный почти совсѣмъ розмытъ полою водою Десны. Ровъ вокругъ крѣпости такъ великъ, что въ немъ свободно можно проѣхать одною и даже двумя повозками. Ворота въ крѣпость одни—съ запада. Въ разрушенной Десною сѣверной части вала жители находили серебрянные крестики, металлическіе остатки конской сбруи и мѣдныя подковы. Черниговскія Епархіальныя Извѣстія, 1869 г. Прибавленія, стр. 26.

Городокъ въ Алтыновской волости, въ селѣ Спасскомъ. Въ Спасскомъ замокъ и городокъ, нынѣ уже почти невидные, а въ верстѣ отъ Спасскаго Лобанова гора, искусствомъ обращенная въ укрѣпленіе. Черниговскія Епархіальныя Извѣстія 1868 г. Приб. стр. 1047. У села Спасскаго имѣется насыпь колесообразной формы; высота и глубина оной, съ прiѣзда отъ села Алтыновки до 3-хъ саженъ. Дон. Вол. Правл. № 828.

Городище въ той же волости, у села Божка, на правомъ берегу р. Сейма. По описи имѣній Крупицкаго монастыря 1744 года видимъ въ числѣ земель с. Божка городище. И такъ, вблизи нынѣшняго поселенія былъ когда то городъ, съ своимъ языческимъ божкомъ, передавшимъ свое имя поселенію. Черн. Епарх. Изв. 1868 г. Приб. стр. 1050.

Городище въ Понорницкой волости, въ двухъ верстахъ отъ с. Разлетъ, въ урочищѣ „Никольскомъ“, на берегу р. Десны. Мѣсто городокъ окопано рвомъ, глубиною и шириною въ три косыхъ сажня; длина его 44, а ширина 24 сажня; на городкѣ нынѣ находится образъ св. Николая. Дон. Вол. Правл. № 846. Въ трехъ верстахъ ниже Разлетъ, на скатѣ горы, городище, называемое „Николка“. Николка, начинаясь отъ подошвы горы въ 20 саженяхъ, оканчивается круглою площадью въ 80 саженей, окопанною рвомъ въ три сажени глубины. Съ южной низменной стороны, примыкая къ лугу, съ восточной и западной отрѣзано оно отъ сосѣднихъ горъ глубокими оврагами, тогда какъ съ сѣверной, граничащей съ полями, защищено своимъ глу-

бокимъ рвомъ. И по нынѣшнему виду своему, городище памятникъ сильнаго, укрѣпленнаго города. Черн. Епарх. Изв. 1869 г. Приб. стр. 99.

Городокъ въ той же волости, въ с. Крыскахъ. По преданію, на этомъ городкѣ жили нѣкогда Шведы. Дон. Вол. Прав. № 846. Внутри нынѣшняго поселенія Крысокъ есть городокъ, гора вышиною отъ подошвы до 50 сажень; три стороны ея весьма круты и обрывисты, съ четвертой стороны, отъ поля, въѣздъ на гору; на площадкѣ, по угламъ, еще видны ямы: надобно полагать, что городокъ былъ окруженъ стѣною. Внизу горы недавно было топкое болото. Это памятникъ города, изчезнувшаго въ татарщину. Черн. Епарх. Изв. 1869 г. Приб. стр. 118.

Городокъ въ Покошичской волости, въ дачахъ с. Радичева, въ урочищѣ Фостенскомъ, но берегу р. Десны. Дон. Вол. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ с. Радичева, въ урочищѣ „Мѣщанскомъ“, въ двухъ верстахъ отъ Фостенскаго городка, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городище въ той же волости, въ дачахъ с. Радичева, въ урочищѣ „Хотинскомъ“, въ одной верстѣ отъ Мѣщанскаго городка, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ с. Радичева, въ урочищѣ „Московскомъ“, въ одной верстѣ отъ городка Хотинскаго, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ с. Псаревки, въ урочищѣ „Хоромки“, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городище въ той же волости, въ дачахъ с. Псаревки, въ урочищѣ „Водопойло“, въ 3/4 версты отъ городка Хоромскаго, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ с. Псаревки, въ урочищѣ „Распутновщина“, въ одной верстѣ отъ города Водопойловскаго, на бергу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, у села Мезина, гдѣ сельское кладбище, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730. Въ Мезинѣ, въ двухъ шагахъ отъ кладбища, городокъ, въ длину 40

саженей, а въ ширину въ 30 саженей. Это памятникъ древняго до-татарскаго Мезина.—Онъ былъ городкомъ, укрѣпленнымъ мѣстомъ. Черн. Епарх. Изв. 1869 г. Приб. стр. 96.

Глуховской уѣздъ.

Городище въ Есманской волости, въ самомъ с. Есмани, на лѣвомъ берегу р. Есмани. Величина площади этого городища— 300 аршинъ въ окружности; поверхность площади занята кладбищемъ; до 1738 г. стояла на немъ приходская церковь; по возвышенной на $1^1/_2$ аршина окраинѣ площади городища, по обрывамъ, замѣтны слои насыпи изъ угля и кирпича; форма площади кругообразная; помѣщено на берегу р. Есмани, на незначителвно возвышенномъ мѣстѣ, въ разстояніи отъ рѣки на 40 сажень; внѣшнихъ искусственныхъ укрѣпленій не сохранилось; съ восточной и западной сторонъ къ городищу примыкаютъ естественные овраги, идущіе отъ поля къ рѣкѣ; къ рѣкѣ городище обращено сѣверною стороною; входъ въ городище не сохранился; преданій о его основаніи, значеніи, а равно о находкахъ на немъ или возлѣ него, не сохранилось. Сообщ. прих. Священника с. Есмани о. Порфирія, № 285.

Городокъ у села Пустогорода. Напротивъ нынѣшняго с. Пустогорода есть городокъ, лежащій надъ болотомъ; это возвышенная площадь, окруженная валомъ и глубокимъ рвомъ. Здѣсь и нынѣ выкапываютъ уголья. Здѣсь-же стоялъ и храмъ Св. Георгія до позднято времени. По преданію, во время очень давнее, жители городка защищались противъ сильнаго непріятеля съ твердостію. Для защиты своей они наносили бревна и пускали ихъ подъ ноги осаждавшаго врага; это было въ день Св. Георгія. Съ молитвами Побѣдоносцу, они отбили врага; и послѣ того, Пустогородъ долго былъ убѣжищемъ для окрестныхъ жителей во время разореній татарскихъ, но потомъ опустѣлъ и мѣсто стало называться Пустогородъ. Черниг. Епарх. Изв. 1866 г. Прибавленія, стр. 663.

Городокъ-Заингородокъ въ Улановской волости, въ дачахъ села Иванова, въ 4-хъ верстахъ отъ него, а отъ села Ястребщины въ 3-хъ верстахъ. Помѣщенъ на высокомъ мѣстѣ; внизу имѣется колодезь съ хорошею ключевою водою. По сказанію старожиловъ, на немъ жили когда-то люди, подъ названіемъ Ляхи. Д. В. Пр. № 439.

Городище въ Тулиголовской волости, въ дачахъ села Тулиголова, въ смѣнѣ къ селу Ярославцу, въ разстояніи отъ Тулиголова до $2^1/_4$ верстъ. Лежитъ на высокомъ мѣстѣ, надъ болотомъ; земля на немъ распахивается подъ посѣвы. Д. В. Пр. № 554. Въ дачахъ Тулиголова есть городище. Это валъ, окруженный болотомъ рѣки Рети и только узкимъ перешейкомъ соединяющійся съ твердою землею. Ч. Е. И. 1864 г. Приб. стр. 735.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Щербы, въ смѣнѣ къ селу Тулиголову, въ разстояніи отъ села Щербы около $3^1/_2$ верстъ, въ урочищѣ Вербоватицѣ. Лежитъ на высокомъ пунктѣ; вокругъ окопанъ канавою, которая отъ древности ея существованія начала обрушиваться. Д. В. Пр. № 554.

Городокъ въ той же волости, у того же села, въ смѣнѣ къ селу Полошкамъ, за улицею Ковалевскою, надъ рѣкою Ретью. Лежитъ на высокомъ мѣстѣ, окруженномъ рѣкою Ретью. Д. В. Пр. № 554.

Городокъ въ Ярославецкой волости, въ самомъ селѣ Ярославцѣ, на берегу озера Бычка, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ приходской храмъ. Это круглая плоскость на возвышенномъ холмѣ, обведенная валомъ и глубокимъ рвомъ. Когда въ 1841 г. разрывали насыпь вокругъ церковной ограды и ровняли площадь для сада, то найдены были три ядра, величиною съ большое яблоко; одно изъ нихъ было или казалось въ родѣ стеклянаго. Ч. Е. И. 1864 г. стр. 697.

Городокъ въ той же волости, въ лѣсныхъ дачахъ села Ярославца, въ 5-ти верстахъ отъ него на востокъ, въ урочищѣ „Каменьи“. Лежитъ на высокой горѣ, обведенной валомъ; на небольшомъ пространствѣ этого вала нѣтъ насыпи, каковой про-

межутокъ называется воротами, куда и въ настоящее время въѣзжають. Д. В. Пр. № 331. По нынѣ въ лѣсныхъ дачахъ Ярославца, въ 5-ти верстахъ отъ нынѣшняго поселенія, есть городокъ. На одномъ изъ холмовъ, образующихъ собою длинную цѣпь надъ глубокою и широкою логовиною, сдѣлана насыпь вышиною въ сажень, обведенная рвомъ, глубокимъ до 2-хъ саженъ; огражденная валомъ площадь—въ поперечникѣ 20 саж.; на ней есть яма, которая по преданію осталась послѣ колодца; въ сторонѣ, обращенной къ яру, входъ въ городокъ, между двухъ огромныхъ столбовъ, изъ которыхъ одинъ многіе еще видѣли, лѣтъ за сорокъ назадъ; теперь на мѣстѣ столбовъ остаются углубленія. Ч. Е. И. 1864 г. Приб. стр. 697.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Воргла, въ 2-хъ верстахъ отъ него на югъ, надъ лугомъ рѣки Клевени, недалеко отъ впаденія ея въ рѣку сеймъ. Д. В. Пр. № 331. Варгольское городище помѣщено на высокомъ мысѣ и состоитъ изъ двухъ насыпей, лежащихъ рядомъ, отдѣленныхъ рвомъ, шириною около 10 саженъ; обѣ насыпи съ востока, юга и запада защищены естественными оврагами и крутыми спусками къ болоту, а съ сѣверной стороны, примыкающей къ открытому полю, были отдѣлены валомъ и рвомъ, длиною въ 100 шаговъ. Величина площади обеихъ городковъ болѣе 1000 шаговъ въ окружности: одинъ около 500 шаговъ, а другой болѣе 550. Форма площадей неправильная, съ закругленными очертаніями; поверхность площадей ровная и распахивается подъ посѣвы; при распашкѣ, выпахиваютъ глиняные черепки, кости животныхъ и глиняные, проверченные шарики. Входъ въ оба городка съ сѣверо-запада.

Городокъ въ той же волости, въ селеніи Литвиновичахъ, гдѣ нынѣ стоитъ храмъ Петра и Павла, на берегу рѣки Воргла. Это возвышенная, кругообразная площадь, 70 саженъ въ діаметрѣ, окруженная высокимъ валомъ. Ч. Е. Из. 1864 г. Приб. стр. 731.

Городище въ Холоповской волости, у деревни Дорошевки, въ разстояніи ¼ версты отъ нея по дорогѣ въ село Волокити-

но; на берегу рѣки Клевени. Д. В. Пр. № 1065. Это городище помѣщено на высокомъ шпилѣ, защищенномъ съ сѣверо-западной и юго-западной сторонъ естественными, глубокими оврагами, а съ юго-восточной крутымъ и высокимъ спускомъ къ берегу рѣки Клевени и только съ сѣверо-восточной стороны примыкающимъ къ открытому полю. Состоитъ оно изъ двухъ насыпей, раздѣленныхъ выкопаннымъ рвомъ, около 4-хъ сажень глубины и 6-ти сажень длины: малаго городища и большаго городища. Величина площади перваго около 250 шаговъ въ окружности, а втораго около 400 шаговъ. Форма площадей неправильная, съ округленными очертаніями. Поверхность площадей ровная и распахивается подъ посѣвы. Въ 1871 году часть вала малаго городища была разрыта мѣстнымъ помѣщикомъ А. М. Митлошевскимъ, при чемъ, были найдены рабочими заостренная кость и желѣзный, съѣденный ржавчиною военный топоръ. На поверхности городища, при распашкѣ, найдены крестьянами желѣзный ножъ и желѣзная шпора; сверхъ того, попадается множество различныхъ глиняныхъ черепковъ, костей животныхъ, угля и проверченные глиняные шарики. Входъ въ городище съ сѣверо-востока.

Городище въ той же волости, у села Ротовки, въ одной верстѣ отъ него, по направленію къ селу Антиламъ, Путивльскаго уѣзда, на высокомъ берегу р. Клевени. Д. В. Пр. № 1065.

Городокъ въ той же волости, между селомъ Ротовкою и деревнею Вьязенкою, въ разстояніи трехъ верстъ отъ перваго, на высокомъ берегу рѣки Клевени. Д. В. Пр. № 1065.

Городище въ той же волости, у села Ховзовки, въ одной верстѣ отъ него, на высокомъ берегу рѣки Клевени. Д. В. Пр. № 1065.

Городище въ той же волости, въ разстояніи 5 верстъ отъ села Холопкова и 3 верстъ отъ деревни Будищъ, надъ болотомъ рѣки Клевени. Д. В. Пр. № 1065.

Городище въ той же волости, въ 3-хъ верстахъ отъ села Викторова и въ одной верстѣ отъ хутора Марковичева, надъ болотомъ р. Есмани. Д. В. Пр. № 1065.

Городище въ той же волости, за селомъ Сварковымъ, по дорогѣ на село Есмань, въ одной верстѣ отъ села Сварковя; надъ рѣкою Клевенью. Д. В. Пр. № 1065.

Новгородсѣверскій уѣздъ.

Городокъ—замокъ въ чертѣ города Новгородсѣверска, за соборною церковью, на высокомъ берегу рѣки Десны. Это высокая гора, со всѣхъ сторонъ окруженная глубокими оврагами и крутыми спусками къ Деснѣ, оканчивающаяся вверху кругообразною площадью до 200 аршинъ въ діаметрѣ. Поверхность площади холмистая, какъ будто, была когда-то прорѣзана нѣсколькими перекрещивающимися траншеями. Площадь была обведена вокругъ насыпнымъ валомъ.

Городище въ 2-хъ верстахъ отъ Новгородсѣверска, на высокомъ мысѣ, защищено—съ сѣверо-востока глубокимъ оврагомъ, съ юго-востока и юго-запада крутыми спусками къ Деснѣ, а съ сѣверо-запада примыкаетъ къ полю, отдѣленному отъ площади городища двумя выкопанными рвами и насыпнымъ валомъ. Величина площади около 350 шаговъ въ окружности; форма площади кругообразная; поверхность площади занята еврейскимъ кладбищемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи; входъ обращенъ на сѣверозападъ.

Городокъ въ Рыковской волости, въ 2-хъ верстахъ отъ села Команя, по дорогѣ въ Новгородсѣверскъ, на высокомъ берегу Десны. Окружено съ сѣвера, востока и юга естественными глубокими оврагами и спусками къ рѣкѣ Деснѣ, а съ запада, со стороны примыкающей къ полю, обведено выкопаннымъ рвомъ. Площадь городка занимаетъ пространство до 100 шаговъ въ длину и до 80 въ ширину; форма площади неправильная, съ закругленными очертаніями; поверхность — ровная и распахивается подъ посѣвы. При распашкѣ, выпахиваются различные, глиняные черепки, кости животныхъ, уголь и битый дикій камень; входъ въ городище съ сѣверо-запада.

Городище въ той же волости, въ одной верстѣ отъ деревни Юхнова, по дорогѣ къ Пироговскому парому, на высокомъ берегу Десны, извѣстномъ въ народѣ подъ названіемъ Путивльской горы. Городище состоитъ изъ двухъ насыпей, лежащихъ въ 50 шагахъ одна отъ другой, раздѣленныхъ оврагомъ. Городки занимаютъ два мыса яйцеобразной формы; только съ сѣверо-западной стороны примыкаютъ къ полю, а съ остальныхъ сторонъ окружены глубокими оврагами и крутыми спусками къ Деснѣ. Отъ поля городки были отдѣлены валами и рвами, нынѣ едва замѣтными, потому что съ давнихъ временъ распахиваются подъ посѣвы. Величина площадей городовъ почти одинакова, каждый около 350 шаговъ въ окружности; форма площадей неправильная, съ круглыми очертаніями; поверхность — ровная. При распашкѣ выпахиваются различные глиняные черепки, кости, уголь, зола и дикій битый камень. По донесенію волостнаго правленія, на этомъ городищѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія найдены были серебряные и золотые обручи, проданные находчиками донскимъ казакамъ, стоявшимъ въ то время на постоѣ въ деревнѣ Юхновѣ. При раскопкѣ пробной ямы на одномъ изъ городковъ, найдены были нѣсколько глиняныхъ, проверченныхъ шариковъ, различной величины; нѣсколько заостренныхъ костей, нѣсколько глиняныхъ, круглыхъ слѣпковъ, величиною въ кулакъ, и 16 конусообразныхъ глиняныхъ слѣпковъ, съ 5, 6 и 7 правильно расположенными дырочками, неизвѣстнаго значенія.

Городокъ въ той же волости, у села Горокъ, на высокомъ мысѣ берега Десны. Съ трехъ сторонъ окруженъ крутыми спусками, а съ четвертой примыкаетъ къ полю, отъ котораго былъ отдѣленъ выкопаннымъ рвомъ, слѣды котораго нынѣ едва замѣтны, потому что соха уже съ давнихъ временъ, не останавливаясь, проходитъ съ поля на городокъ и обратно. Величина площади городка около 400 шаговъ въ окружности; форма площади сердцевидная; поверхность—ровная. При распашкѣ, выпахиваютъ глиняные черепки, кости, битый дикій камень, кирпичъ и уголь.

Городокъ въ той же волости, въ одной верстѣ отъ села Дегтяревки, по дорогѣ къ селу Горки, на высокомъ мысѣ, за-

щищенномъ съ юго-востока, юго-запада и съ сѣверо-запада крутыми спусками въ овраги и къ лугу Десны, а съ сѣверо-востока примыкающемъ къ полю. Отъ поля площадь городища защищена насыпнымъ валомъ и глубокимъ выкопаннымъ рвомъ. Форма площади эллипсическая; длина площади около 150 шаговъ, а ширина около 70; поверхность ровная и распахивается подъ посѣвы. При распашкѣ, выпахиваютъ глиняные черепки, кости, битый дикій камень, уголь и проверченные глиняные шарики. Входъ помѣщенъ съ с. с. востока.

Городокъ въ той же волости, въ одной верстѣ отъ деревни Кудлаевки, по дорогѣ въ усадьбу П. Я. Самоквасова, на высокомъ берегу рѣки Малотечны. Съ сѣверо-запада и юго-запада защищено крутыми спусками въ овраги и къ рѣкѣ, а съ сѣверо-востока и юго-востока примыкаетъ къ полю, отъ котораго площадь городка отдѣлена двумя параллельными глубокими вырытыми рвами и насыпнымъ валомъ. Форма площади — правильный кругъ, 120 шаговъ въ діаметрѣ; поверхность площади ровная и распахивается подъ посѣвы. При распашкѣ, выпахиваютъ глиняные черепки, кости, уголь, глиняные круглые слѣпки и битый камень.

Городокъ въ той же волости, у села Стахорщины, въ урочищѣ „Чайчинъ логъ". Со всѣхъ сторонъ защищено глубокими оврагами и только съ западной стороны узкимъ перешейкомъ примыкаетъ къ полю, отъ котораго отдѣлено выкопаннымъ рвомъ. Величина площади около 350 шаговъ въ окружности; форма — кругообразная, поверхность ровная, поросшая старымъ лѣсомъ.

Городокъ въ той же волости, у села Багриновки, на лѣвомъ берегу р. Малотечны. Защищено оврагами и выкопаннымъ рвомъ. Величина площади около 300 шаговъ въ окружности; форма неправильная, при округленныхъ очертаніяхъ; поверхность ровная, поросшая лѣсомъ.

Городокъ въ Мамекинской волости, у села Шептаковъ, въ урочищѣ „Селище", въ разстояніи отъ села на одну версту, по направленію къ городу Новгородсѣверску. Д. В. Пр. № 709.

Въ той же волости имѣются древнія земляныя укрѣпленія

еще при слѣдующихъ селеніяхъ: Леньковѣ, Лѣконогагѣ, Смячѣ, Воробьевкѣ и деревнѣ Домоткановѣ; носятъ они названія городковъ или городищъ въ донесеніи Волостнаго правленія не сказано.

Городокъ въ Слободско-Каменской волости, у села Пушкари, на берегу р. Десны. Имѣетъ видъ круглый. Д. В. Пр. № 392.

Стародубскій уѣздъ.

Городокъ въ Нижневской волости у села Нижняго, на берегу р. Титвы. Д. В. Пр. № 456.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Душкина, въ разстояніи отъ него на одну версту, въ направленіи на западъ, на берегу р. Титвы. Д. В. Пр. № 456.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Литовска, въ одной верстѣ отъ него на сѣверъ, въ урочищѣ „Каменный логъ", у рѣки Титвы. Д. В. Пр. № 456.

Городокъ въ той же волости, на южномъ концѣ села Старыхъ Халеевичъ, — памятникъ укрѣпленія бывшаго когда-то до татаръ. Ч. Е. Из. 1865 г., Приб. стр. 695.

Городокъ въ Стародубской волости, въ селѣ Печеникахъ. Д. В. Пр. № 302.

Городокъ у села Осколокъ, на югъ отъ него, за рѣчкою. Это круглая высокая насыпь, образованная изъ угла горы, только часть которой насыпная. По формѣ укрѣпленія, это — до-татарское укрѣпленіе. Ч. Е. Из. 1866. Приб. стр. 313.

Городокъ въ Лыщицкой волости, у села Найтоповичъ, въ урочищѣ „Калиновка", у рѣки Березовки. Д. В. Пр. № 259.

Городище въ Яцковской волости, между деревнями Невструевымъ и Гориславлемъ. Д. В. Пр. № 536.

Городокъ въ Гарцовской волости, въ селѣ Гарцовѣ. Д. В. Пр. № 340.

Городище въ Гриневской волости, при селѣ Мишковкѣ. Д. В. Пр. № 398.

Городище въ той же волости, при деревнѣ Жигалвахъ. Д. В. Пр. № 398.

Городище въ Юдиновской волости, въ селѣ Подсудичахъ, на берегу р. Судости. Д. В. Пр. № 534.

Городокъ въ той же волости, при деревнѣ Храповкѣ, на берегу р. Бойны. Д. В. Пр. № 534.

Городокъ у села Синина на берегу р. Вабли. Насыпной валъ до 3 $^1/_2$ сажень вышины и до 60 ширины. Это остатокъ до-татарскаго укрѣпленія... Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 733.

Городокъ у села Городища, на р. Варѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Судость. Это насыпь, площадь которой возвышаются надъ окрестностью аршина на 3, засаженная липами однимъ изъ прадѣдовъ нынѣшняго ея владѣльца. Когда мѣстнаго жителя, идущаго изъ села къ городку, спрашиваютъ: куда идешь? онъ отвѣчаетъ: „въ городище"; а если идетъ изъ господскаго дома говоритъ, что идетъ въ село. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 736.

Городокъ въ $^1/_4$ версты отъ усадьбы Чубарова, М. М. Ханенки, въ направленіи къ селу Суворову, на берегу рѣки Судости. Со всѣхъ сторонъ окруженъ оврагами и крутыми спусками къ лугу, и только узкимъ перешейкомъ соединяющійся съ полемъ. Величина площади болѣе 300 шаговъ въ окружности; форма площади неправильная, съ закругленными очертаніями, поверхность ровная и распахивается подъ посѣвы. При распашкѣ, выпахиваютъ различные глиняные черепки, кости, битый камень, уголь, проверченные глиняные шарики и глиняные круглые слѣпки, величиною до кулака.

Городокъ па юго-восточной сторонѣ села Андрейковичъ. Это полукруглый большой курганъ. Вcase of входъ на него съ запада. Старожилы называютъ его городкомъ и говорятъ, что съ этого кургана Казаки села Андрейковичъ бились съ Шведами. На двухъ концахъ городка видны небольшія насыпи; ихъ называютъ могилами своихъ и шведовъ. Безъ сомнѣнія, во время нашествія шведовъ, козаки воспользовались древнимъ городкомъ для своей защиты, но огромный курганъ вовсе несходенъ съ охранительны-

ми окопами временъ Петра Великаго. Это — остатокъ до-татарскаго укрѣпленія. Ч. Е. Из. 1866 г. Приб. стр. 244.

Мглинскій уѣздъ.

Городецъ въ Воробейнской волости, въ 200 саженяхъ на западъ отъ села Воробейни, на берегу рѣки Теремушки. На западной сторонѣ села Воробейни находится возвышенная въ видѣ укрѣпленія насыпь, въ простонародіи называемая городецъ. Величина площади насыпи имѣетъ около десятины, видъ имѣетъ шарообразный, съ западной и южной стороны примыкаетъ къ берегу рѣчки Теремушки, а съ восточной и сѣверной стороны отрѣзана отъ косогора канавою или рвомъ, имѣющею до четырехъ сажень ширины и до трехъ сажень глубины, высота насыпи около четырехъ сажень со всѣхъ сторонъ, по канавѣ или рву ростутъ вѣковыя деревья, поверхность площади насыпи ровная, къ краямъ покатая, имѣетъ длину и ширину до пятидесяти сажень; входъ или въѣздъ на насыпь, какъ замѣтно, былъ съ сѣверо-западной стороны. Въ 1866 году, при паханіи этой насыпи, сдѣлался провалъ въ глубину до полутора сажень, въ которомъ найдены мѣстнымъ священникомъ Іоанномъ Нѣмцовымъ заржавѣлыя ядра, величиною въ гусиное яйцо, свинецъ и ящикъ, который былъ съ порохомъ, побѣлѣвшимъ отъ времени. Въ настоящее время провалъ тотъ до половины засыпался землею. Преданій о немъ въ народѣ никакихъ нѣтъ. Д. В. Пр. № 397. У. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 413.

Городище въ той же волости въ одной верстѣ отъ села Норина, въ направленіи къ деревнѣ Козловкѣ, при рѣкѣ Усѣ. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 431.

Городокъ въ Алексѣевской волости, при деревнѣ Волжинѣ. Д. В. Пр. № 729.

Городище въ той же волости, при деревнѣ Шумировѣ. Д. В. Пр. № 729.

Городище въ той же волости, при деревнѣ Запольи. Д. В. Пр. № 729.

Городище въ той же волости, при деревнѣ Пошковѣ. Д. В. Пр. № 729.

Городище въ той же волости, между деревнею Игрушинымъ и селеніемъ Доманичами. Д. В. Пр. № 729. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 596.

Городище въ Котляковской волости, при селѣ Роговѣ, на берегу рѣки Судости. Батарея, видомъ круглая, со впадиною на срединѣ, имѣющая три отверстія, какъ бы ворота для въѣзда. Д. В. Пр. № 426.

Городище въ той же волости, у деревни Изокотовки, на берегу ручья Калиновки. Круглой формы. Д. В. Пр. № 426.

Городокъ въ Деременской волости, между деревнями Малышевкою и Бѣловскомъ, на берегу рѣки Косты. Д. В. Пр. № 386.

Городецъ въ Старопочепьи, на берегу рѣки Косты. Это возвышенная, круто и ровно со всѣхъ сторонъ обрѣзанная, площадь; въ длинѣ ея съ запада на востокъ 43 сажени, а въ ширинѣ 16 саженъ. Съ южной и съ сѣверной сторонъ городца поселенія жителей отдѣляются глубокими провальями; по восточной сторонѣ, при подошвѣ горы, протекаетъ рѣка Коста, съ берегомъ болотистымъ и поросшимъ деревьями. На западной сторонѣ, городъ узкимъ перешейкомъ соединяется съ горою; на этомъ перешейкѣ стоятъ храмы—старый обветшалый и новый на каменномъ фундаментѣ, тотъ и другой во имя Св. Николая. Вотъ остатокъ до-татарскаго городка. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 440.

Городище въ двухъ верстахъ къ югу отъ города Мглина. Это мѣсто на высокомъ и крутомъ берегу Судынки, неприступное по положенію съ запада, укрѣплено было съ сѣвера и юга искусственными рвами. Вотъ памятникъ древняго до-татарскаго Мглина. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 218.

Суражскій уѣздъ.

Городокъ въ Попогорской волости, близь селенія Поповой горы, на лѣвомъ берегу рѣки Бесяды. На немъ существуетъ кладбище жителей села Поповой горы. Д. В. Пр. № 613.

Городокъ въ той же волости между хуторомъ Щедринымъ, деревнею Кашковой и селомъ Летяхами, на правомъ берегу рѣки Бесяды. При входѣ на городокъ съ поля, сохранились еще два насыпные вала, а также сохранилось и то мѣсто, которымъ былъ входъ на городокъ. Д. В. Пр. № 613.

Городокъ въ той же волости, близь деревни Балсуновъ, на правомъ берегу р. Бесяды. Д. В. Пр. № 613.

Городецъ въ Голубовской волости, между селеніемъ Голубовкою и колоніей новые Мезиричи, у хутора Сухопаровскаго, на высокомъ берегу рѣчки Влечи. Насыпь кругообразная. Площадь городка распахивается подъ посѣвы. Городокъ окруженъ со всѣхъ сторонъ сѣнокосами и подлѣ него протекаетъ небольшой ручеекъ. На немъ, по преданію стариковъ, еще въ недавнее время жили два старика, а также, по преданію, на немъ находились постройки, забранныя жителями посада Ардони. Д. В. Пр. № 466.

Городокъ въ Лялицкой волости, въ самомъ селѣ Лялицахъ. На немъ съ давнихъ временъ существуетъ кладбище. Д. В. Пр. № 608.

Городокъ въ той же волости, у хутора Лагутовки. Д. В. Пр. № 608.

Городокъ въ Верещацкой волости, у села Верещакъ, въ $^3/_4$ версты отъ него, въ направленіи къ деревнѣ Увелью, на высокомъ берегу рѣки Виховки, въ урочищѣ „Мостовой“. Поверхность городка распахивается подъ посѣвы; занимаетъ пространство на $^1/_2$ десятины. Д. В. Пр. № 448.

Городище въ той же волости, у деревни Янова, на берегу рѣки Столбунки. Окружено тремя насыпными валами; занимаетъ пространство на $^3/_4$ десятины земли. Д. В. Пр. № 448.

Городокъ въ той же волости между селомъ Яловкою и деревнею Увельею, на берегу рѣки Виховки, въ урочищѣ „Каменка“. Окруженъ тремя насыпными валами; занимаетъ пространства земли на $^1/_2$ десятины. Д. В. Пр. № 448.

Городокъ въ Гордѣевской волости, въ деревнѣ Корецкомъ заводѣ, на берегу рѣки Ипути. Д. В. Пр. № 470.

Городокъ въ Овчинской волости, у села Новый Дроковъ,

на берегу рѣки Ипути. Насыпь въ два аршина высоты; поверхность ровная; величиною около десятины; распахивается подъ пашню; по сказанію стариковъ, сдѣланъ Шведами. Д. В. Пр. № 738.

Городокъ въ той же волости, у хутора Софеенкова. Окопанъ кругомъ канавою; нынѣ заросшій лѣсомъ; сдѣланъ, по преданію, Шведами. Д. В. Пр. № 738.

Новозыбковскій уѣздъ.

Городокъ въ Новобобовичской волости, между селеніями Новыми и Старыми Бобовичами, въ 1½ верстѣ отъ послѣдняго, на правомъ высокомъ берегу рѣки Ипути. Небольшая мѣстность, окопанная съ незапамятныхъ временъ отъ поля землянымъ валомъ, который однимъ концемъ упирается въ крутой берегъ рѣки Ипута, а другимъ въ огромный оврагъ, впадающій въ туже рѣку Ипуть. Ворота въ городокъ и нынѣ видны. Площадь ровная, на которой въ настоящее время сѣютъ хлѣбъ. Въ городкѣ этомъ, по преданію старожиловъ, проживалъ не такъ давно какой то однодворецъ. Д. В. Пр. № 416.

Городокъ въ Брахловской волости, у села Куразнова, въ двухъ верстахъ на сѣверо-востокъ, на берегу рѣки Снова. Городокъ изображаетъ фигуру почти круглую; онъ устроенъ на отлогой плоскости. Насыпь сдѣлана кругомъ выше сажня, на подобіе крѣпостныхъ валовъ; діаметръ площади до 20 сажень, а въ ширину немного уже; кругомъ вала канава, ширины вверху саженей около трехъ, а внизу около сажени; глубина канавы въ 15 аршинъ. Устройство городка доказываетъ, что онъ былъ защитою при военныхъ дѣйствіяхъ. Преданія объ немъ различныя: одно гласитъ, будто бы, въ древнія времена былъ здѣсь городъ, подъ названіемъ Лебединъ, отъ чего онъ и получилъ названіе городокъ; другое преданіе, что, будто бы онъ устроенъ во время шведской компаніи. Около городка, при распашкѣ, вырывается

мелкій кирпичъ, известка, черепки глиняной поливанной посуды и кости. Д. В. Пр. № 542.

Городокъ въ той же волости, въ деревнѣ Вобки. Насыпь длиною 125, а шириною въ 60 аршинъ, вышиною въ 20 аршинъ, поверхность ея ровная и окружена со всѣхъ сторонъ рвомъ, земля на ней сверху черноземъ, а въ срединѣ пепельная. Преданіе говоритъ, что этотъ городокъ сдѣланъ княземъ Мосальскимъ, и что въ немъ, будто-бы, есть желѣзная дверь, засыпанная землею отъ древности. Д. В. Пр. № 542.

Сосницкій уѣздъ.

Городокъ въ Александровской волости, въ деревнѣ Шкробовѣ, на берегу рѣки Бречи; кругообразной формы; обсыпанъ валомъ и окопанъ рвомъ; пространства внутри имѣетъ до 300 саженъ; поверхность поросшая лѣсомъ. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ той же волости, у деревни Буды, въ ½ версты отъ нея; окопанъ вокругъ тремя рвами и обведенъ тремя земляными валами; пространства внутри имѣетъ до 300 саженъ; лежитъ надъ водянымъ протокомъ, называемымъ Продъ; внутри ничего замѣчательнаго нѣтъ; канавы и валы заросли мелкимъ лѣсомъ. Д. Б. Пр. № 520.

Городокъ въ той же волости въ Шишковской лѣсной дачѣ, въ 3½ верстахъ отъ деревни Буды. Городокъ называется Калядинъ, окопанъ въ окружности тремя канавами и обсыпанъ тремя земляными валами; пространство внутри имѣетъ до 300 саженъ; внутри его ничего замѣчательнаго нѣтъ; состоитъ подъ сѣнокосомъ; валы и канавы позаростали мелкимъ лѣсомъ. Около этого городка находится водяной колодезь, въ настоящее время заваленный. У этого городка найденъ былъ мѣстными жителями молотокъ изъ красной мѣди. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ той же волости, у деревни Верхолѣсья, въ Александровской лѣсной дачѣ; называется второй Калядинъ; окопанъ въ окружности рвомъ глубиною неболѣе полутора аршинъ;

пространство имѣетъ до 1200 саженъ; внутри его ничего замѣчательнаго нѣтъ, состоитъ подъ сѣнокосомъ и лѣсною разослью. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ той же волости, въ лѣсной дачѣ села Киселевки, въ урочищѣ „Городище", подъ водянымъ протокомъ; называется Уснѣжинъ; вокругъ окопанъ канавою и обсыпанъ землянымъ большимъ валомъ, внутри пространства имѣетъ отъ востока къ западу 150 аршинъ, а отъ юга къ сѣверу 56 аршинъ. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ Волынской волости, между селомъ Кудровкою и деревнею Ляшковцами, въ шести верстахъ отъ перваго, надъ рѣкою Убедью. Вокругъ окопанъ. Д. В. Пр. № 1272.

Городокъ въ Перелюбской волости въ урочищѣ „Нарвенки", при сліяніи рѣкъ Снови и Ревны, въ семи верстахъ отъ деревни Шишковки; окруженъ болотомъ. Д. В. Пр. № 444.

Городище въ Менской волости внутри мѣстечка Мены. По преданію, валъ, окружавшій древній городъ Мену. Д. В. Пр. № 583.

Городище въ той же волости у села Феськовки, на берегу рѣки Мены, круглой формы, окопанъ рвомъ. Д. В. Пр. № 583.

Городницкій уѣздъ.

Городище въ Любечской волости, въ мѣстечкѣ Любечѣ, на срединѣ его. Д. В. Пр. № 1598.

Городокъ въ той же волости, у деревни Новоселовъ, въ урочищѣ „Боблово", у озера Людвича. Д. В. Пр. № 1598.

Городокъ въ Мощенской волости, у села Сеньковки. Д. В. Пр. № 1110.

Городокъ въ Яриловичской волости, въ болотѣ Замглай, близъ линіи Кіевскаго шоссе, противъ третьей версты отъ замглайской станціи на Кіевъ, отъ линіи въ правую сторону на 300 саженъ, по направленію на Лоевъ; кругомъ окопанъ и обсыпанъ валомъ, вышиною въ полтора аршина; пространствомъ,

примѣрно, на 100 квадратныхъ саженъ; какъ площадь этого окопа, такъ равно и валы заросли густымъ, дровянымъ лѣсомъ. По преданію, въ этомъ городкѣ нѣкогда укрывалась шайка разбойниковъ въ 300 человѣкъ. Д. В. Пр. № 661.

Городокъ въ Тупичевской волости, у села Великаго Листвена, въ разстояніи не болѣе одной версты, по направленію къ селенію Смичину. Вышина насыпи не менѣе 4-хъ аршинъ, длина же и ширина простирается до 100 саженъ. Д. В. Пр. № 599.

Городище въ той же волости, у села Звиничева, при болотѣ рѣки Замглай; квадратной формы, длина и ширина до 50 саженъ, вышина до 8 аршинъ, съ 2 воротами или входами въ оный. Д. В. Пр. № 599.

Два городка въ Петрушинской волости, у села Малаго Листвена, на берегу рѣки Бѣлоуса, пространствомъ каждый на полдесятины и одинъ отъ другаго отстоятъ на три сажня. Д. В. Пр. № 347.

Черниговскій уѣздъ.

Городище въ Седневской волости, въ мѣстечкѣ Седневѣ на берегу рѣки Снови. Д. В. Пр. № 864.

Городище въ Салтыково-Дѣвицкой волости, между селомъ Ковчинымъ и мѣстечкомъ Салтыковой Дѣвицей, въ 5 верстахъ отъ перваго и 4 верстахъ отъ послѣдняго, надъ рѣкою Убѣдью. Городище обнесено вокругъ большими насыпными валами въ три ряда, имѣло 6 въѣздовъ, какъ это вполнѣ и нынѣ замѣтно. Въѣзды направлены: два на востокъ, два на югъ, одинъ на западъ и одинъ на сѣверъ. По срединѣ городища находится ровная площадь, которая нынѣ пашется сохами, при чемъ вырываются пуговицы, пряжки, кожи и старая монета. Городище занимаетъ пространство около 5-ти десятинъ. Д. В. Пр. № 410. Верстахъ въ трехъ отъ Салтыкской Дѣвицы на западѣ, понынѣ видна большая земляная крѣпость древняя, расположенная надъ рѣкою Убѣдью, нѣкогда судоходною. Это памятникъ до-татарскаго го-

родка, откуда Салтыкъ перевелъ жителей на нынѣшнее мѣсто. Ч. Е. Из. 1864 г. Приб. стр. 216.

Городокъ въ Козлянской волости, у деревни Гущино. Надъ лугомъ, имѣетъ форму неправильно-овальную, въ основаніи имѣетъ длины съ восточной стороны около 60 сажень, съ сѣверной до 30 сажень, съ западной до 35, съ южной до 20; вышиною,— съ восточной стороны около 5 сажень, а съ прочихъ около 4-хъ сажень; вокругъ насыпи канава; на западной сторонѣ, за канавою, вдоль всей насыпи насыпной валъ не болѣе двухъ аршинъ вышины. Д. В. Пр. № 588.

Городище въ той же волости въ селѣ Шестовицѣ. Надъ лугомъ; валъ въ основаніи до 6 сажень, а площадь вала наверху два сажня; въ длину насыпь около полуверсты; вышиною болѣе двухъ сажень, насыпь эта имѣетъ фигуру дугообразную и обоими концами упирается въ рѣчку, которая протекаетъ подъ самымъ селомъ Шестовицею. Д. В. Пр. № 588.

NB. „Въ дачахъ села Козла, на южной сторонѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ села есть мѣсто, наз. „Княгиня", имѣетъ форму полуострова, съ 3-хъ сторонъ окружено естественными оврагами, впирающимися въ болото, Бока этого мѣста были сдѣланы насыпною землею; пространство этого мѣста, примѣрно, десятинъ на 6, — пашется, и при паханіи, вырываютъ разныя мѣдныя и желѣзныя вещи и черепки глиняной посуды. Но называется это мѣсто городищемъ или нѣтъ въ донесеніи не сказано".

Городокъ въ Редьковской волости, у селенія Редьковки, въ урочищѣ „Бѣлые", на берегу рѣки Днѣпра. Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, у селенія Редьковки, въ урочищѣ около „Затона", на берегу рѣки Днѣпра. Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, при селѣ Неданчичахъ, въ урочищѣ „Высокая Гряда", близь р. Днѣпра. Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, въ четырехъ верстахъ отъ села Неданьчичи, въ урочищѣ „Заводы". Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, при деревнѣ Губичахъ, въ урочищѣ „Днѣприкъ", близь рѣки Днѣпра. Д. В. Пр. № 338.

Городокъ въ той же волости, при деревнѣ Мысахъ, въ урочищѣ „Дощищи", при рѣкѣ Днѣпрѣ. Д. В. Пр. № 338.

Городокъ въ той же волости, при деревнѣ Мысахъ, въ урочищѣ „Ульево" близь рѣки Днѣпра. Д. В. Пр. № 338.

Городокъ въ Пакульской волости, у села Пакуль, въ урочищѣ „Росанки", на берегу рѣки Рѣчицы; окопанъ рвомъ; площадь городка длины и ширины по 10 квадратныхъ саженъ; обсаженъ вокругъ грушами. Д. В. Пр. № 576.

Городокъ въ Халявинской волости, въ селѣ Рогощѣ, на берегу рѣки Бѣлоуса. Круглый, окопанъ рвомъ. Д. В. Пр. № 662.

Городище въ Березинской волости, при деревнѣ Дурняхъ, на берегу Старой Десны. Высокая гора, песчаная, пространствомъ десятинъ на 5. На немъ жители находятъ, выдуваемыя вѣтромъ изъ подъ песка черепки разнаго рода, желѣзныя орудія, треугольныя ратища, кресты, ножи и мѣдныя кольца. По преданію на этомъ мѣстѣ жили, и потому оно носитъ названіе „городище". Д. В. Пр. № 607.

Городище въ той же волости, въ городѣ Березнѣ, Д. В. Пр. № 607.

Городокъ въ той же волости, въ селѣ Брусиловѣ, при сліяніи Снова съ Десною, на правомъ берегу первой. Д. В. Пр. № 607.

Остерскій уѣздъ.

Городище въ Броварской волости, при селѣ Выгуровщинѣ, на сѣверъ, въ разстояніи отъ села на 1/4 версты. Насыпь вышиною 12 аршинъ, мѣрою вокругъ на одну десятину, и кругомъ обведена канавою въ четыре аршина глубины, для входа въ городищѣ имѣются признаки существовавшихъ воротъ. Д. В. Пр. № 1353.

Городище въ той же волости, внутри селенія Выгуровщины. Такая же самая насыпь, какъ и предъидущая, на ней нынѣ существуетъ дворъ Кіево-Михайловскаго монастыря. Д. В. Пр. № 1353.

Городище въ Остерской волости, въ трехъ верстахъ отъ села Крыхаева, по направленію къ юго-востоку, въ урочищѣ „Киськово“. Насыпь обнесена землянымъ валомъ, въ вышину до шести аршинъ, на пространствѣ около 1 версты, со всѣхъ 4-хъ сторонъ. Съ юго-восточной стороны имѣетъ въѣздъ, — предполагать должно, что въ прежнее время тамъ были ворота. Площадь поросла кустарникомъ. Д. В. Пр. № 1519.

Городокъ въ Сорокошицкой волости, при деревнѣ Сивкахъ, у рѣки Днѣпра, въ урочищѣ „Прикалѣ“. Обнесенъ валомъ, вышиною въ $2^1/_2$ аршина. Д. В. Пр. № 682.

Городокъ въ той же волости, въ 5 верстахъ отъ деревни Новаго Глыбова, при устьи рѣкъ Днѣпра и Припети. Обнесенъ валомъ, вышиною въ 3 аршина. Д. В. Пр. № 682.

Козелецкій уѣздъ.

Городокъ въ Ново-Быковской волости, въ мѣстечкѣ Новомъ Быковѣ, во дворѣ г-жи Протасовой. Круглой формы, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Д. В. Пр. № 524.

Городокъ въ той же волости, у села Петровки, въ усадьбѣ г. Васильчикова, на берегу рѣки Супоя. Круглой формы, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Д. В. Пр. № 524.

Городище въ Ново-Басановской волости, въ мѣстечкѣ Новой Басани, на р. Недрѣ. Д. В. Пр. № 521.

Городокъ въ той же волости, въ селѣ Ядловкѣ. Въ настоящее время на немъ приходская церковь. Д. В. Пр. № 521.

Городокъ въ Бобровицкой волости, въ центрѣ мѣстечка Бобровицы. Въ родѣ крѣпости, въ которой жители прятались отъ непріятелей; кругомъ этого городка была вода; городокъ имѣетъ въ окружности 2 версты, высоты 3 сажня. Д. В. Пр. № 725.

Городище въ той же волости, близь мѣстечка Бобровицы, въ разстояніи отъ него на $1^1/_2$ версты. Окруженъ двумя валами съ промежуткомъ воротъ. Д. В. Пр. № 725.

Городокъ въ Ярославской волости, въ селѣ Заворичахъ, возлѣ болота „Трубойла“. Круглой формы. Д. В. Пр. № 621.

Нѣжинскій уѣздъ.

Городище въ Талалаевской волости, въ селѣ Дорогинкѣ, на берегу рѣка Удая. Д. В. Пр. № 802. Ч. Е. Из. 1862 г. Приб. стр. 680.

Городище въ Плосковской волости, въ 2-хъ верстахъ отъ села Плоскаго, въ направленіи къ юго-востоку, при болотахъ: „Пески“ и „Голо“. Занимаетъ земли болѣе 8 десятинъ; въ немъ видны двое развалившихся земляныхъ воротъ, изъ которыхъ одни называются Кіевскими, а другіе Нѣжинскими; оно окопано неизвѣстно кѣмъ и когда, тремя глубокими рвами, съ такимъ же числомъ земляныхъ валовъ, довольно возвышенныхъ. Площадь поросла лѣсомъ. Д. В. Пр. № 609.

Городокъ въ Монастырищенской волости, между мѣстечкомъ Монастырище и селомъ Зайдайки, на рѣкѣ Удаѣ, на разстояніи отъ мѣстечка Монастырище въ 1/2 верстѣ. Круглой формы, обнесенъ земляннымъ валомъ; занимаетъ пространство до 1/2 десятины; въ срединѣ этой насыпи, имѣющей ровную площадь, существуетъ колодезь, устроенный съ незапамятныхъ временъ и поддерживаемый мѣстными жителями для водопоя; вокругъ городка, замѣтно, былъ широкій ровъ; сообщеніе съ городкомъ производится по плотинамъ. Д. В. Пр. № 872.

NB. I. Въ дачахъ мѣстечка Монастырища въ 1/2 версты отъ хутора Панскаго Колодца, а отъ мѣстечка Монастырища въ 4 1/2 верстахъ на западъ, — земляныя насыпи, носящія въ народѣ названія „два брата“, частію уже разрыты. Представляютъ видъ древняго укрѣпленія; въ немъ валы разбросаны въ разныхъ направленіяхъ, а между ними, по срединѣ довольно глубокое углубленіе. Д. В. Пр. № 872.

NB. II. Тамъ-же въ дачахъ мѣстечка Монастырища, въ 2-хъ верстахъ отъ хутора Веприка, и отъ мѣстечка Монастырища въ 3 верстахъ на югъ, земляная насыпь, кругомъ возвышеннаго мѣста, носящая въ народѣ названіе „Разгребельный“, представляю-

щая также видъ небольшаго укрѣпленія, судя по довольно широкой и глубокой въ срединѣ онаго площади. Д. В. Пр. № 872.

NB. III. Въ дачахъ села Вакасаки, въ 6-ти верстахъ отъ него на юго-западъ, — земляныя насыпи, носящія въ народѣ названіе „Ковакъ“, совершенно схожія съ насыпями „два браты“, о которыхъ было говорено выше, съ тою разницею, что насыпи здѣсь сравнительно большія и устройство ихъ сдѣлано, какъ бы для защиты съ южной стороны, тогда какъ насыпи „два браты“, сдѣланы, какъ бы, для защиты сѣверной стороны. Д. В. Пр. № 872.

Городокъ въ Носовской волости, въ мѣстечкѣ Носовкѣ. Этотъ городокъ, по преданію, въ прежнее время былъ крѣпостью для защиты отъ набѣговъ непріятеля; вышина его въ настоящее время не болѣе 3-хъ, а въ иныхъ мѣстахъ 4-хъ аршинъ; среди этой крѣпости — центръ мѣстечка Носовки, гдѣ находится церкви и базарная площадь. Д. В. Пр. № 747.

Городище въ Володько-Дѣвицкой волости, у села Дѣвицы. Площадь его поросшая лѣсомъ. Д. В. Пр. № 735.

Борзенскій уѣздъ.

Городокъ въ Борзенской волости, между селеніями Ядутами и [illegible]мами, у рѣки Лоши. Д. В. Пр. № 466.

Городокъ въ Шаповаловской волости, при хуторѣ Дочѣ, у [illegible]шой дороги изъ города Борзны на мѣстечко Батуринъ, съ [illegible] стороны, надъ болотомъ. Д. В. Пр. № 419.

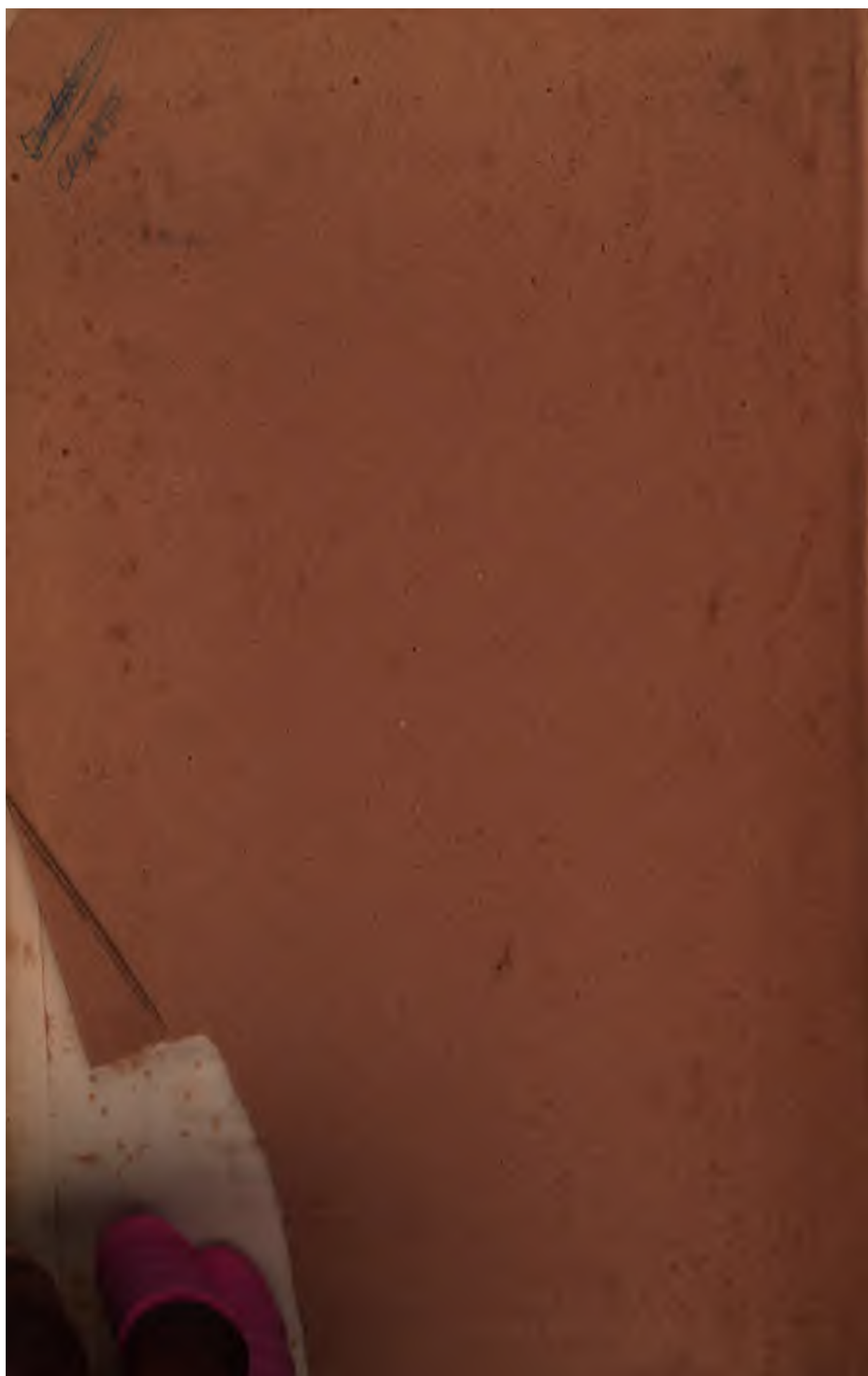
Городище у Бѣлой Вѣжи. Ч. Е. Из. 1868 г. Приб. стр. 429.

Городище въ Иванъ Городѣ. Ч. Е. Из. 1868 г. Приб. [illegible] 585.

Городище въ Сиволожи. Ч. Е. Из. 1868 г. Приб. 293.

NB. Древнее укрѣпленіе въ городѣ Борзнѣ. Ч. Е. Из. 1868 [illegible] Приб. стр. 129.

0125037

Какимъ [illegible] вопросамъ:
Пишу когда, что изъ правительства должно быть

4-17

45

DATE DUE

